

№ 4

Русская речь

НАУЧНО
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1969
ИЮЛЬ — АВГУСТ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

- А. Н. Кожин. Военное слово в речи В. И. Ленина 3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- Е. А. Краснощекова. Поэтическая речь раннего Всеволода Иванова 7
Всеволод Иванов. О стиле 12
Валентин Дмитриев. Под вымышленными именами 15
СЛОВО ПИСАТЕЛЮ
- Евгений Осетров. Поэтическая душа Севера 21
Б. Шергин. Слово устное и слово письменное. Сказительница
М. Кривополенова 23
ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ
- А. М. Иорданский, Василий Ильич Чернышев 30
В. И. Чернышев. Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского 34
КУЛЬТУРА РЕЧИ
- Л. И. Скворцов. Основы нормализации русского языка 42
Т. С. Коготкова. О местном «акценте» : : : 52
УДАРЕНИЕ
- В. Л. Воронцова. Вам звонят по телефону 56

ГРАММАТИКА	
В. Ф. Чистяков. О грамматике разговорной речи	60
А. В. Бондарко. О будущем сопоставительном	62
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ	
«Советская Россия»	66
«Труд»	74
Учебник родного языка	83
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ	
И. А. Василевская. Дискобол и бабочник	94
А. С. Львов. Негодяй.	100
М. А. Бакина. Оплечь у Ал. Блока	101
З. М. Плискевич. Зодчий — здание	102
СТАРАЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ	
Н. И. Тарабасова. Буква э в скорописи	104
ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
В. П. Вомперский, В. К. Третьяков	108
ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ	
П. С. Пустовалов. О языке сочинений	113
Прочитайте детям	119
КОНСУЛЬТАЦИИ	
Словарь начинающего филолога	121
Почта «Русской речи»	123

На обложке: Б. Шергин. «Океан — море русское»
Гравюра Ю. И. Росмышина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Хроника

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

В последнее время необычайно повысился интерес к русской разговорной речи. В 1968—1969 годах в нашей стране прошло несколько конференций, посвященных этой проблеме. Последняя из них состоялась в марте этого года в Саратове. Конференция так и называлась: «Русская разговорная речь». В ходе ее выяснилось, что

во многих научных учреждениях идет активное накопление материала. К сожалению, эта работа пока носит стихийный характер, нет еще единой методики проведения интервью, бесед, организации магнитофонных записей и их расшифровки. Материалы хранятся в разных местах (в Институте русского языка АН СССР, Научно-методическом центре русского языка при МГУ, Саратовском университете, у частных лиц), а единой общесоюзной картотеки и фонотеки нет. А между тем, несомненно, что русская разговорная речь должна изучаться по (Окончание см. на стр. 59)

ВОЕННОЕ СЛОВО В РЕЧИ В. И. ЛЕНИНА

Уже во второй половине XIX века многие слова военно-деловой речи в той или иной мере были общепонятными и стали включаться в необычные связи с кругом слов общего употребления. Это приводило к их отрыву от системы военной терминологии. В новых контекстах слова военно-деловой речи обретали иное осмысление, выступая в качестве средства образной характеристики в языке художественной литературы, публицистики и в разговорной речи. Так, уже в это время получают переносное употребление такие термины военного дела: авангард — передовая часть общества, передовые люди; тяжелая артиллерия — особо веские аргументы, доводы; лагерь — литературное направление, направление общественно-публицистической деятельности и др. (см.: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, стр. 472—475). К словам с более широким или переносным значением принадлежат: ба-

за, крепость, лозунг, маневр, оборона, операция, наступление, позиция, шосс и др...

Выдающийся военный деятель и теоретик военной мысли, В. И. Ленин не мог не обращаться к военной терминологии; он изучал труды К. Маркса и Ф. Энгельса по военным вопросам, сочинения буржуазных военных специалистов. «Наш лозунг должен быть один,— подчеркивал В. И. Ленин,— учиться военному делу настоящим образом...» (Полное собрание сочинений. Т. 36, стр. 26).

Слова и выражения военно-деловой речи — неотъемлемая часть словарного состава публицистических сочинений В. И. Ленина. Они не только обозначают явления, связанные с жизнью народа в годы первой мировой войны и иностранной интервенции, но и уточняют, конкретизируют и подкрепляют мысли В. И. Ленина о строительстве вооруженных сил рабоче-крестьянского государства, об организации военного отпора совместному натиску

сил интервенции и внутренней контрреволюции, о военной политике партии и военной работе среди населения.

В статьях, речах и выступлениях В. И. Ленина встречаются традиционные слова военного «диалекта» (армия, наступление, оборона, отступление, позиция, фронт, фланг и др.). Они выступают в военнотерминологической функции, определяя соответствующие понятия, а также в качестве художественно-образительного средства, которое усиливает авторскую аргументацию, оттеняет блеск остроумия и развешивает идейных противников большевистской партии. В языке ленинской публицистики употребляются слова и выражения, обозначающие новые реалии революционной эпохи (Красная Армия, красноармеец, военспец, военком, всеобуч, продотряд, продармия и др.).

Для понимания характера ленинского стиля представляют значительный интерес наблюдения над образно-характеристическим употреблением военных слов и выражений.

Общественно-политические кампании в статьях и выступлениях В. И. Ленина нередко приравниваются к боевым ситуациям, где необходим трезвый учет всех сторон быстро меняющейся обстановки и смелые решительные действия. Для этого используются оперативно-тактические наименования, позволяющие воссоздать подобие боевой ситуации. Так, например, экономические мероприятия партии и правительства, направленные на укрепление рабоче-крестьянской власти, Ленин как бы относит к категории военных поятий, и это дает основание употреблять слова военно-деловой речи для обозначения явлений общественно-политической жизни (армия, кампания, отряд, резервы).

При этом некоторые слова вступают в смысловые и грамматические связи с прилагательными, определяющими предметную отнесенность возникающего составного наименования (трудовая армия, продовольственный отряд, посевная кампания, хозяйственный фронт, трудовой фронт, голодный фронт).

Слова и словосочетания, ассоциативно связанные с военной жизнью, усиливают убеждающий пафос высказываний, их действенность, боевительность.

«Главнейший после военного фронта голодный фронт выдвигает перед вами целый ряд новых задач, без разрешения которых невозможно ни дальнейшее укрепление рабоче-крестьянской власти, ни разрешение очередных, наболевших задач экономического строительства» (т. 41, стр. 154); «Я хотел только напомнить, что мы уже далеко не первый раз возвращаемся к этому движению трудового фронта на первое место» (т. 42, стр. 137); «Но вы помогите нам провести посевную кампанию, засеять все поля, тогда мы сможем выйти из затруднения» (т. 42, стр. 309); «...мы будем не только говорить и ничтожное дело делать, как теперь, но действительно оперировать с настоящими трудовыми армиями...» (т. 42, стр. 26).

Нередко из привычного (военного) контекста слово перенесено в иное окружение, содействующее формированию иного осмысления, становлению в слове эмоционально-оценочного содержания. Все высказывание обретает ассоциативно-базальное обрамление, воссоздающее яркие картины грандиозного размаха общественно-политической и хозяйственной деятельности, которая развертывается по воле партии рабочего класса. Такое использование этих слов и выражений позволяет сделать наглядным и зримым перипетии классовой борьбы. «Задачи наши таковы, что из-за них стоит потрудиться и дать последний и решительный бой буржуазии» (т. 36, стр. 350); «А теперь мы саботаж сломили. „Красногвардейская“ атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала» (т. 36, стр. 178); «Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого — вот к чему сводит князь Львов внутреннее положение России» (т. 34, стр. 18); «Советская республика есть осажденная всемирным капиталом крепость. Право пользоваться ею, как убежищем от Колчака, и вообще

право жительства в ней мы можем признать только за тем, кто активно участвует в войне и всемерно помогает нам» (т. 39, стр. 61); «...руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим закреплением завоеванных позиций» (т. 36, стр. 187).

Посредством метафорического словоупотребления Ленин разоблачает антинародный характер Временного правительства, его стремление к продолжению империалистической бойни: «...программа капиталистов, перенятая Черновыми и Церетели. Это — программа наступления, программа затягивания империалистической войны, затягивание бойни» (т. 32, стр. 54); «...суть „программы“ нового правительства. Наступление, наступление, наступление!» (т. 32, стр. 52).

При оценке общественно-политических событий В. И. Ленин использует расширительное употребление некоторых слов и выражений, при помощи которых обозначаются средства, обеспечивающие боевую деятельность войска.

«Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами давления, мы сумеем победить и методами управления» (т. 36, стр. 178); «Нота содержит прямое заявление Временного правительства, что Россия будет воевать до конца... Эта нота произвела впечатление разорвавшейся бомбы» (т. 31, стр. 290).

Оценивая роль рабочего класса и его партии в деле революционного преобразования общества, В. И. Ленин применяет образную характеристику, придающую публицистическому произведению риторическую приподнятость, патетический колорит. Для этого он использует слова, определяющие виды боевого построения войск и уточняющие порядок несения боевой службы: авангард, отряд, пост и др.: «За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способ-

ного увлечь массы» (т. 34, стр. 244); «Российская социал-демократия есть отряд великой освободительной международной армии социалистического пролетариата. Во всем мире с особенной быстротой растет теперь эта армия» (т. 22, стр. 202).

Расстановка классовых сил, отношение различных партий к общественно-политическим событиям — содержание многих полемических выступлений В. И. Ленина. Лицемерное поведение буржуазных и соглашательских партий он обличает посредством иронического употребления слов, определяющих военотактические понятия (вылазка, наступление, оборона, фланг): «Начнем наш краткий очерк политических партий в России с крайних правых партий. Мы встречаем на крайнем правом фланге „Союз русского народа“» (т. 21, стр. 277); «„Стратегия“ либерала, наивно выболтанная Бланком в „Запросах Живни“, нехитра: кадеты — оппозиционный центр, коренник; пристяжки („фланги“) — прогрессисты справа, трудовики и ликвидаторы слева» (т. 21, стр. 248).

Окказиональное употребление слов военно-деловой речи усиливает боевитость ленинского выступления; например, посредством слова *батарея* подвергаются уничтожающей критике политические махинации деятелей мелкобуржуазных партий: «Говорят, в Питере ходит много слухов, как Ан „отнимал“ (вместе с Чхеидзе) „Луч“ у Дана... и не отнял. Я думаю: отнимал *для виду* и покончил *якобы компромиссом*, а на деле сдалей Дану!! Дан, это — батарея неприятеля, плохо прикрытая. Ан — это та же батарея того же неприятеля, но ловко прикрытая» (т. 43, стр. 193).

Громадна действенная сила ленинского возмущения, обрушенная на воинствующих империалистов, пытавшихся усыпить бдительность народов пропагандой «теории» малых войн: «...возьмите историю тех маленьких войн... „маленьких“ потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются (какие-то азиаты, африканцы — разве это народы?); с

этими народами вели войны такого сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов. Разве это войны? Это, ведь, собственно, даже не войны, это можно забыть. Вот как подходят они к этому сплошному обману народных масс» (т. 32, стр. 86).

Военное слово у Ленина — это действительное оружие партии в борьбе за единство своих отрядов. Незначительные затруднения, та или иная полемика внутри большевистской партии, получали добродушную, ироническую оценку в выступлениях В. И. Ленина, и слова военной речи подчеркивали недопустимость излишних словопрений, ненужной суетни на пути к великой цели — построению социалистического общества: «Когда мне приходилось наблюдать споры и борьбу в московских организациях, приходилось наблюдать, как много прений происходило на собраниях, как много было взаимных перепалок, перестрелок, то я пришел к заключению, что пора это кончить и объединиться всем на платформе конференции» (т. 42, стр. 36).

Некоторые термины военного дела, употребляясь ситуативно, воссоздают батальный фон в «приравнительном» изображении общественно-политических событий (подкоп, прорыв, прорвать фронт, пробить брешь, окружать, окружение, сдать и др.). Условность употребления таких слов подчеркивается графически; некоторые берутся В. И. Лениным в кавычки: «...на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая „окурит“ капитал и заставит его „сдаться“... Введение рабочих и потребительски-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серь-

езным шагом вперед к полному „окружению“ неприятеля и созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов» (т. 36, стр. 183—184).

Окказиональное употребление некоторых военных слов в публицистике В. И. Ленина приводит к появлению в их смысловом объеме нового содержания, они становятся уже фактом общественно-публицистической речи. Так, слово *застрельщик*, начиная с XVIII века, обозначало лучшего и наиболее способного солдата, подготовленного к действиям в рассыпном строю (застрельщики открывали военные действия и служили завесой для частей, находящихся в сомкнутом строю); по военному уставу 1860 года команды застрельщиков были упразднены, так как армия перешла на пехотный строй в две шеренги и были введены стрелковые роты. Это слово перестало быть фактом военной речи. Оно удачно употребляется в публицистике В. И. Ленина, выступая в новом значении — «тот, кому принадлежит почин в каком-либо деле; зачинатель»: «Товарищи! В России произошла революция. Рабочие Петрограда и Москвы снова выступили застрельщиками великого освободительного движения. Они объявили политическую забастовку. Они вышли на улицу с красными знаменами» (т. 34, стр. 60). Это слово в языке Советской эпохи расширяет круг фразеологических связей: застрельщик социалистического соревнования, застрельщик движения за коммунистический труд.

Ленинское слово на вооружении нашего народа: оно бичует общественное зло, рисует картину сражения с этим злом и перспективу неизбежного торжества правого дела трудящихся классов.

А. Н. КОЖИН

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ РАННЕГО ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

Публикацией «Партизан» и «Бронепоезда 14-69» Всеволод Иванов заявил о себе в большой литературе по-молодому звонко и решительно. «Я так не начинал», — говорил А. М. Горький. К Иванову быстро пришли признание, слава. «Партизанские повести» (под этим заглавием объединены «Партизаны», «Бронепоезд 14-69», «Цветные ветра») — яркое явление ранней советской прозы.

Молодая советская литература открыла миру русскую революцию, нашла для художественного воссоздания великих событий свои особенные слова.

Поэтика «Партизанских повестей», сборника рассказов «Седьмой берег» предельно изобразительна. Молодой писатель поистине «захлебывается» от осаждающих его словесных поэтических образов. Строгое самоограничение опытного мастера не коснулось еще яркого дарования этого художника. В непосредственности, щедром выявлении всех возможностей таланта — источник редкого обаяния поэтической манеры молодого Иванова.

Эпитет, сравнение, реже метафора — почти единственные средства художественного описания у Иванова. Повторение одного и того же приема еще более усиливает впечатление перенасыщенности эпитетами, сравнениями. К тому же источник сравнений один — окружающая природа и неразрывно связанная с ней крестьянская, хлебоборная, хозяйственная жизнь. Дорогая для автора «Партизанских повестей» мысль о неразрывном единстве мужиков с землей, за которую они воюют, с сибирской природой, которая выступает их самым горячим союзником в борьбе, реализуется в самой образной структуре произведения.

В зрительном фокусе Иванова — неживая природа, зверь, человек, и каждое явление в этом ряду переосмысливается одно через

другое. Когда писатель раскрывает красоту природы через сравнение с миром зверей или сопоставляет зверя с человеком, поэзия живой жизни глубоко трогает читателя: «Как племя злобных рыб, пойманных в сети, билась в камнях вода»; «Было копыто как большой зеленый цветок»; «И нежно ступая, как китайская женщина, уходит с холма к водою священный белоухий тигр». Очень картинны многочисленные сравнения человека с природным явлением: «Белокурый курчавый парень, похожий на цветущую черемуху»; «Пришла в клеть Агриппина, сухая, темная, как слежалое сено»; «Росло у Варвары высоко над землей большое и крепкое как кедр тело».

Когда же Иванов пытается подобным образом воспроизвести специфически человеческую мыслительную деятельность, круг сравнений кажется слишком узким: «Мысли были такие сытые и приятные, будто бараны осенью»; «Мысль у него [Кондратия Никифоровича] внутри, как мышьяк в полном закроме лениво шмыгает»; «И мысли [Ермы], как цыплята под наседку, густо набиваются в голову — хорошие и нужные».

Ивановские сравнения отличает и единообразие синтаксического построения, они вводятся обычно в текст посредством слов *как*, *похожий*, *реже словно*: «И тело у них было как граниты сопок, как деревья, как травы; катилось горячее, сухое по узко выкопанным горным тропам»; «На земле навзничь лежал Беспалых — веснучатый, желтоволосый, похожий на гриб рыжик»; «Влажный, как пена, ветер, пахнувший рыбой, трепал волосы. В бухте, как цветы, тканые на ситце, пестрели серо-лиловые корабли».

Нередки у писателя обычные в литературе начала 20-х годов развернутые сравнения — уподобление человека животному. Создается так называемый остранный портрет: «Прошла в пригон Фекла, облая, круглая, туго поворотливая, как дрофа-степная ленивая курица. С глазами маленькими, серыми, в мутной пленочке»; «Толстый и низкий он, как стог сена, рук от тела не видно, а нога где-то в брюхе спрятана».

Эпитет — самое излюбленное поэтическое средство Иванова — предельно живописен.

Цветовое определение приложимо, с точки зрения Иванова, не только к любому зримому предмету или явлению, но ко всему на свете. Название повести «Цветные ветра» прямо подчеркивает подобную ориентацию художника. Ветер у Иванова зеленый, золотисто-лазурный, пурпурно-бронзовый, черно-синий, лимонно-оранжевый...

Живопись Иванова не имеет ничего общего с плоским натурализмом. Его эпитет впитал в себя все восхищение писателя красотой и изменчивостью мира, неповторимым разнообразием человеческих индивидуальностей. Предельный накал восторга усугубил природную контрастность ярких красок, свойственную дальневосточному и алтайскому экзотическому пейзажу. Рериховской

красочной напряженности отдано безусловное предпочтение перед импрессионистской зыбкостью.

Излюбленный эпитет Иванова — сложное прилагательное, основную краску несет вторая его часть, первая усиливает, уточняет ее: серебристо-фиолетовые горы, оранжево-золотистое солнце, матово-зеленый воздух, шелковисто-розовые снега, лилово-зеленые травы, красно-бронзовые глаза у скота. Вот один из обычных пейзажей художника: «Розоватая жаркая дымка радовалась над поселком. Блестящие желто-синие падали на землю с золотисто-лазурных облаков Тарбагатайские горы». Любимые цвета писателя: голубой — цвет неба; зеленый — леса, травы; желтый — цвет выжженной степи. В такой же цветовой гамме рисуются и портреты героев. «Мутнело его желто-синее лицо, но глаза были длинные, жесткие и зеленоватые, как у рыси». Эмоциональная функция подобных эпитетов явно преобладала над описательной.

Реже встречается сугубо описательный эпитет, «работающий» на обстоятельную детализованную характеристику. Он обычно иной и по происхождению (часто отглагольное прилагательное). Так, в заключительной сцене «Бронепоезда» эпитеты именно такого рода. Партизаны, освободившие город от белых, идут как победители по его улицам:

...Проходили в широких плечевых шароварах и синих дабовых рубахах — приисковые. Были у них костлявые лица с серым, похожим на мох, волосом. Блестели у них округленные, привыкшие к камню глаза...

Проходили длиннорукие, ниже колен — до икр, рыбаки с Зейских озер. Были на них штаны из налимьих шкур и длинные, густые, как весенние травы, пахнущие рыбами волосы...

И еще — шли закаленным каменным шагом пастухи с хребта Сихотэ-Алинь с китаеподобными узкоглазыми лицами и с длинноствольными прадедовскими винтовками.

Еще — тонкогубые с реки Хора, грудастые, привыкшие к морским ветрам, задыхающиеся в тростниках материка рыбаки с залива Св. Ольги...

И еще, и еще — равнинные темнолицые крестьяне с одинаковым, ровным, как у усталого стада, шагом...

Метафоры у Иванова редки и всегда чрезвычайно нарядны, красочный эпитет непременно украшает их: «Яркозолотые перстни — скалы и камни неведомые на них — лиственницы»; «Костры вы мои желтые, птицы перелетные — глаза, голос — ветер луговой, зеленый и пахучий»; «Водоросли — деревья алые, медно-желтые».

Лирическая напряженность, приподнятость свойственна и «Бронепоезду 14-69» и «Цветным ветрам» в целом. Но с наибольшей силой она прорывается в особых авторских отступлениях, где восхищение писателя прелестью вечно родицей жизни, красотой природы выражается непосредственно, в открытых восклицаниях. Образность этих отступлений предельно густа, особо ритмизованные, они близки к стихотворению:

Эх, земли вы мои, земли! Ветер алтайский пахучий! Медоносные пыли на душе и язык, как журавль на перелете, тоскует!..

Курочка каменная, серая, в полдень опускается по тропе к ручью — пить. А дальше — по камню обратно вверх. И ловок и радостен шажок. И мутен радостью вертлявый оранжевый глаз.

А небо — густое и теплое, как беличий мех!

Лексический состав авторского повествования, речей персонажей в «Партизанских повестях» несет на себе ощутимую печать своей эпохи. Вместе с новым героем — мужиком, солдатом, партизаном — хлынула в литературу первых послереволюционных лет и народная речь, насыщенная диалектизмами, просторечными выражениями.

В «Партизанских повестях» перед нами поистине вавилонское смешение языков. Писатель мастерски передает русское просторечие со специфически кержацкими сибирскими словечками. «И то смотрю — тошнота с народом. Николды такой никудышной войны не было. Сё царь скликал, а теперь — нá, чемер тебя дери, сами промеж себя дерутся», — обращается к Вершинину один из мужиков. Прекрасно имитирует художник резкую гортанность, патетичность речи-заклинания киргизского шамана:

Эй-эй!.. Ерлик-хан, над духами киргиз! Самый богатый князь, у тебя подруга из шелка, а узда из реки Абан сплетена!.. А конь у тебя с гривой больше кедра! А чембырь из китайского гаруса! Седлай, Ерлик, лошадь, седлай, не корми! На голодной лошади выезжай, Ерлик, торопись!.. Шаман Ало из рода Чекменя, всем шаманам отец, говорит, гонит!..

Рисую массовые сцены (митинги), писатель подчас прибегает к почти стенографическому воспроизведению реплик партизан. Вот отрывок из знаменитой сцены «распропагандирования» американца. Мужики подбадривают главного оратора Знобова:

— Хо — хо — хо!..

— Хе-кче!..

— Хо-о!..

— Прореху-то застегни, черт!

— Валяй, Пентя, залузыривай!..

— Втемяшь ему!

— Чать, тоже человек...

— На камне и то выдолбить можно.

— Луш!..

Иванову всегда был чужд языковой натурализм. В 1934 году, готовя к переизданию «Партизанские повести», писатель очистил язык книги от излишних диалектизмов и вульгаризмов, но все же сохранил большинство подобных слов. Без них произведение утратило бы особый колорит, автор серьезно нарушил бы собственный неповторимый поэтический стиль. Приведем один из отрывков, насыщенный местными словами («Бронепоезд 14-69»):

У пришиби¹ яра бомы² прервали дорогу, и к утесу был приделан висячий балконом, плетеньный мост. Матера³ рвалась на бом, а ниже в камнях билась, как в надучей, белая пена стрежи⁴ потока.

Подстрочная авторская сноска: 1) подножие яра — крутой скалистый берег; 2) камни, преграждающие течение потока; 3) главная сила струи потока; 4) сильнейшие струи матеры.

Но подобная насыщенность — редкость в повести.

Иванов подчас прибегает и к особой форме рассказа: он имитирует строй мышления, речь одного из персонажей. Рождается специфическая сказовая форма, естественно использующая местные «экзотические» слова. Автор решает таким образом две задачи: углубляется характеристика героя, эстетически обогащается и авторское повествование. Вот как описывает Иванов жизнь Син-Бин-у до его появления в отряде Вершинина:

Эта история длинная, как Син-Бин-у возненавидел японцев. У Син-Бин-у была жена из фамилии Е, крепкая манза¹, в манзе крашенный теплый кан² и за манзой желтые поля гаоляна и чумизы³.

А в один день, когда гуси улетели на юг, все исчезло.

Только щека оказалась проколота штыком.

Син-Бин-у читал Ши-цзинь⁴, плел циновки в город, но бросил Ши-цзинь в колодец, забыл циновки и ушел с русскими по дороге Хун-ци-цзе⁵.

Подстрочная авторская сноска: 1) хижина; 2) деревянные нары, заменяющие кровать; 3) род китайского проса; 4) книга стихов, чтение которой указывает на хорошую грамотность; 5) дорога Красного знамени, восстаний.

Вс. Иванов 20-х годов — очень органичный художник: эстетическая структура книг естественно опирается на мироощущение. Можно говорить о мастерстве молодого писателя, сумевшего овладеть языковой стихией, передать посредством разнообразных словесных форм суровую правду и поэтическую прелесть жизни.

Е. А. КРАСНОЩЕКОВА

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

Найдите ошибки и исправьте текст

Три года назад нашему судну было присвоено название одного из городов Украины — «Орехов». С первых же дней плавания экипаж теплохода включился в борьбу за звание коллектива коммунистического труда. Поддержав почин однотипного теплохода «Омск», моряки нашего судна начали борьбу за то, чтобы окупить стоимость постройки судна в течение четырех лет, и многого добились в этом за три прошедших года.

В первом году пятилетки перевезено 2300 тонн груза сверх плана, силами экипажа выполнено ремонтных работ на общую сумму 36 530 рублей, сэкономлено 280 тонн топлива, 936 килограммов смазочных материалов. Сверхплановые накопления составили 74 718 рублей.

Хороший старт взял экипаж и в этом году. Так, только за четыре месяца эксплуатации годовой план в каботаже реализован на 67 процентов, сэкономлено 50 тонн топлива, произведено ремонтных работ своими силами на сумму 15 389 рублей, внедрено 9 предложений новаторов с экономическим эффектом 1900 рублей, план дополнительных накоплений выполнен на 48 процентов.

(Ответы см. на стр. 82)

Не один десяток лет Всеволод Иванов записывал свои мысли об искусстве. Озаглавил он эти заметки — «Теория». В огромном архиве писателя их сохранилось немало. Они вошли в себя многолетние раздумья над тайнами искусства, оценки великих явлений литературы, попытки уяснить природу собственного творчества. Вместе с дневниками Вс. Иванова и его перепиской с А. М. Горьким эти записи составили книгу Вс. Иванова «Из дневников и записных книжек», которая скоро увидит свет в издательстве «Советский писатель».

Стратегия, на войне и в жизни: это не только достижение цели и наличие энергии, но и умение поставить себе цель, выбрать ее из множества целей, цель наиболее лучшую, чтобы разгромить врага (выбор, который сделал Пархоменко при атаке Махно — обход или приход). Стратегия — тема, тактика — стиль.

1. ОБРАТИМОСТЬ ФРАЗЫ

Фраза обращается на себя. Пример: «Доктор улыбнулся, доверчиво». Далее — развитие фразы и обращение ее на себя. «Все поняли, что доверчивость эта была притворной»; или: «Всем стало неловко, так как доверчивость эта была вызвана наглой ложью его собеседника»; или: «И это — было б всем очень удивительно и странно, если б они знали, что доктор и не был доктором, а доверчивость его доверчивостью»; или: «Доверчивость была настолько могуча, что ей поверили даже самые заядлые скептики, — и возненавидели за это доктора». На этом законе строится парадокс: «Молчание — самый страшный признак предстоящей говорливости».

2. СТРОЕНИЕ ФРАЗЫ

...В чем же заключается контрастное строение фразы? Или, вернее сказать, строение периода? 1) Оно может быть в определенной постройке, — в своем порядке слов, несколько или не очень отличного от строения официальной грамматики; 2) оно может быть в повторении слов (Тургенев, Толстой, Чехов) или, правильное сказать, слова; 3) оно может быть в повторении мысли или столкновении мыслей и т. д. Ясность у стилиста не обязательна. Ведь мы передаем зачастую не совсем ясные впечатления; и чем их яснее передавать, тем они будут дидактичнее и живее.

Утверждение в первой половине ее, отрицание или сомнение во второй.

То же самое с двумя фразами: когда одна противоположна другой — часто у Пушкина; описывая чей-либо характер, он, как автор, сомневается в целесообразности мыслей героя:

...блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен... хоть, может быть, она
Совсем другим развлечена...

В прямой речи фраза может ломаться не по смыслу, а грамматически: одна половина, предположим, в настоящем времени, другая — в прошлом... и т. д.

— «Тщеславие является одной из четырех ахиллесовых пят».

— «Он имеет великую будущность — позади себя».

3. СРАВНЕНИЕ

Вторичное изображение предмета, большей частью неполное или, вернее, добавочное изображение, так как название предмета еще не определяет его вид. Например, «стол». К нему можно прибавить: «длинный стол». Но если сказать: «длинный стол, как гроб». Это уже изображение. Здесь к действию простой классификации прибавлено ощущение художника. Или: «круглый стол». Дальше та же фраза, обработанная художником: «Круглый и источенный временем, как сыр, обработанный мастером, этот стол был зеркалом многих поколений хозяев, сидевших за ним и проходивших по этой комнате».

Сравнение есть выражение одного предмета через другой. Образ — это очки художника, сквозь которые он разглядывает предмет. Например, у меня на столе лежит обломок камня, взятый мной на Карадаге. Сейчас январь. Уже месяц стоят морозы, и небо тусклое, как холст. Мне кажется, что и камень от этого бледного цвета потускнел настолько, что я забыл его название. Я иду в детскую и спрашиваю: «Как называется камень?». Мне говорят: «Сердолик». «Нешлифованные камни, — думаю я, — держать в Москве нельзя. И мне жаль, что я увез его из Коктебеля».

Сравнение. Может быть понятием. Например, грусть или радость: «Грусть похожа на нескошенную траву — она и из-под снега напоминает о лете» и «Радость похожа на сверканье молнии — они так же редки и так же приносят облегчение, как дождь». Ирония: «Впрочем, трагические дожди напомнили его радость — всюду сырость, лианы, торчат колючки, ни пройти, ни проехать от сырости, происшедшей в результате влаги».

Сравнение. Понятие не чувств, а морали вызывает необходимость большого сравнения. Так получается притча или басня. (Частное поясняет общее.) Здесь тоже превращение трагического в комическое. Например: лягушка и вол.

Сравнение с человеком. Фигура человека, его поступки и мысли могут сравниваться с фигурой другого.

К этому часто прибегали Чехов (фельдшер сравнивает себя с меринном — «Воры»; «лакей», бывший революционер, сравнивает себя с генералом Орловым и т. д.). Сравнить можно не только со своей настоящей жизнью, но протянуть и в прошлое и даже в будущее. Фигура в этом сравнении может выражать гораздо больше себя, отражая, так сказать, невыразимость человека, приобретая разное значение.

4. МЕТОНИМИЯ

Основана на отношении формы и содержания, переименование вещей. «Мука в мешке слежалась». Дальше — «Мешок слежался». Это типично. А если мука в чайнике, то этого сравнения быть не может, так как мука в чайнике — не типично. Разъясняйте тишичные, общие, известные и уже ясные человеку категории, а можно: вместо «вода в чайнике вскипела и утекла» — «чайник вскипел», «чайник убежал»... — чаще всего одухотворение предмета, превращение его в действующее, драматическое.

Отношение материала и продукта. Или материала властвующего и самого человека властвующего: «одета в золото и пурпур», «свинец в груди, послывшей его», «сталь, разрубившая сделавшего ее» и т. д.

Отношение времени и того, что это время наполняет. Например, «просвещенный век», «хлопотливый день», «революционные годы» и теперешние «советские годы».

Отношение конкретного целого и абстрактного признака целого. Примеры: «еда», «питье», то есть не мясо и вода на столе, а еда и питье. Здесь тоже прикрепление к действующему лицу, то есть «питье» может быть у постели больного понято совсем иначе.

Отношение временной принадлежности или последовательности. Например, вместо того чтобы сказать: «расстался», — «сказал последнее прости», то есть приводится действие; вместо того чтобы сказать, что верен до смерти, говорится: «верен до гроба», и опять понятие смерти заменяется предметом, то есть гробом, могилкой. А теперь можно сказать: «до пепла».

Отношение причины и следствия. Пример: «золото, золото падает с неба», то есть дети видят следствием дождя золото, сделав прыжок во времени. Или: «в поте лица твоего», то есть приводится признак усталости. Вместо того чтобы сказать: «ты будешь беспрерывно усталым», подается признак усталости.

Отношение знака и обозначаемого им («скипетр — власть», «лавр — слава», «пропеллер — полет», «книга — и ученье и создатель ее, писатель»).

Публикация
Т. В. ИВАНОВОЙ

**ПОД
ВЫМЫШЛЕН-
НЫМИ
ИМЕНАМИ**

Горький, Вересаев, Демьян Бедный, Гайдар, Багрицкий... Мы сжились с этими широко известными именами, и никому не приходит в голову, что эти имена не истинные, а литературные, иначе говоря — псевдонимы. Максим Горький в жизни был Алексеем Пешковым; В. Вересаев, прежде чем заменить свою фамилию на литературную, был Смиловичем, Демьян Бедный — Ефимом Придворовым, Гайдар — Голицыным, Багрицкий — Дзюбиным. Впрочем, никто из них настоящего имени не скрывал. О других авторах этого сказать нельзя: многие прозаики и поэты, критики и сатирики подписывались псевдонимами, не желая, чтобы их истинная фамилия упоминалась в печати, или по разным обстоятельствам, вынуждавшим их к этому.

Советский библиограф И. Ф. Мясоедов собрал свыше 80 тысяч псевдонимов русских писателей; его «Словарь псевдонимов» вышел в четырех томах. Происхождение и смысловое значение некоторых псевдонимов представляет большой интерес; однако этот раздел филологии еще мало разработан. По аналогии с ономастикой — наукой об именах — его можно назвать псевдонимомстикой — наукой о вымышленных (ложных) именах.

Причины и соображения, заставлявшие авторов скрывать свое подлинное имя, весьма разнообразны. Одни бывали вынуждены делать это из боязни преследований; другие

из-за сословных предрассудков или неблагозвучия настоящей фамилии, либо занимаемое ими общественное положение не позволяло открыто выступать на литературном поприще. И начинающие, и знаменитые писатели прятались под псевдонимами, стремясь отвлечь от себя огонь критики. Иные придумывали себе псевдонимы, чтобы отличаться от однофамильцев, иные просто потому, что это было модно. Порой псевдоним бывал нужен, чтобы преодолеть цензурные рогатки.

Иногда, впрочем, автор не утруждал себя придумыванием псевдонима, а зашифровывал свои имя и фамилию, переставляя в них буквы, пропуская часть букв, заменяя буквы цифрами и т. д. Порой, принимая псевдоним, автор ставил цель не скрыть свое имя, а указать на какую-нибудь черту своего характера или наружности, на свою национальность, или профессию, или политические убеждения; на место своего рождения либо жительства; наконец, на доминирующие ноты своего творчества. Избирались в качестве псевдонимов имена мифологических и литературных героев, а также определенных исторических лиц, с целью указать на их духовную близость автору.

Порой псевдоним должен был вызывать у читателей определенные мысли, чувства, воспоминания, находящиеся в ассоциативной связи с его смысловым значением. Так, для сатириков и юмористов забавные псевдонимы были дополнительным средством, чтобы произвести комический эффект, вызвать смех.

Немало и таких случаев, когда с помощью псевдонима автор мистифицировал читателей, сообщал о себе ложные сведения.

Это многообразное целое привело к многообразию способов образования псевдонимов. Можно насчитать до сорока различных их видов. Их классификация по существу до сих пор не разработана. Попробуем это сделать.

К первой группе отнесем те подписи, которые так или иначе связаны с истинными именем и фамилией автора, или, как принято говорить, с его авторством.

Автор мог переделать свои имя и фамилию на иной лад, например, перевести на другой язык. Это — псевдонимы-кальки. Так, переводчик и публицист Петр Вейнберг иногда подписывался «Камень Виногоров» (петрос по-древнегречески 'камень', а вайн и берг по-немецки 'вино' и 'гора'). Истинная фамилия автора «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого — Кампов (по-латыни кампус 'поле'), и редактор «Тверской правды», давший юному автору «путевку в жизнь», предложил ему подписываться «Полевой».

Подчас буквы в истинных имени и фамилии переставлялись (анаграмма). В. Я. Брюсов не раз подписывался «Аврелий» — латинским именем, получившимся от перестановки букв в его имени «Валерий». Некоторые подписи-анаграммы являются автономным, прочтенным справа налево: «Нави Волырк» — молодого И. А. Крылова в журнале «Приятное и полезное препровождение времени»; «Нидефак» — молодого К. А. Федина в дореволюционном «Сатириконе». Такие подписи называются перевертышами, или палинонимами* (от греческого *palin* 'назад') (термины, отмеченные звездочкой, предложены автором этой статьи).

Иногда автор отбрасывал начало своих имени и фамилии. Такие подписи можно назвать апоконимами* (от греческого *apokortō* 'отрезаю, отрубая'). Под «Песней про царя Ивана Васильевича и удалого купца Калашникова» при первой ее публикации стояло «-въ» вместо полной фамилии М. Ю. Лермонтова, посланного на Кавказ. Почти так же («...въ») были подписаны и первые напечатанные строки И. С. Тургенева и первая юмореска Чехова. Н. А. Добролюбов знаменитую статью «Темное царство» подписал «Н.—бовъ», а В. Г. Белинский под первой большой статьей «Литературные мечтания» поставил: «онъ-инский». Порой от автономна оставляли лишь твердый знак. Так выглядят, например, некоторые подписи В. И. Ленина и В. В. Маяковского (у которого до реформы орфографии это была последняя буква имени). Иногда, наоборот, отбрасы-

вался конец имени и фамилии. Так получались подписи: «Апче» — вместо Антон Чехов, «Ильф» — вместо Илья Файнзильберг. Автор «Алых парусов» А. Гриневский сделал литературной фамилией свою школьную кличку «Грин».

Некоторые подписи образовались посредством пропуска части букв настоящих имени и фамилии — ателонимы* (от греческого *atelis* 'неполный'). Поэт Е. А. Баратынский подписывался «Б-ский». И. С. Тургенев письмо о смерти Гоголя в «Московских ведомостях» подписал «Т...въ». Иногда пропускались буквы в фамилии, написанной справа налево. Такова подпись «Александр Н. к. ш. п.» юного Пушкина под первым стихотворением «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы». Оставлялась лишь одна из нескольких букв, взятых из середины: И. С. Тургенев и Д. Д. Минаев некоторые вещи подписали «е-»; Н. В. Гоголь «Главу из исторического романа» в «Северных цветах» подписал «оооо». Эти четыре «о» входили в его полную фамилию, написанную по тогдашней орфографии (Гоголь-Яновской).

Очень часто автор ограничивал свою подпись инициалами, начальными буквами имени и фамилии (или имени и отчества). Л. Н. Толстой первые свои произведения — «Детство» и «Набег» — подписал «Л. Н.», а под «Отрочеством» поставил «Л. Н. Т.», что уменьшало возможность совпадения с инициалами других авторов. Такие совпадения встречаются часто. Под инициалами «А. С.» были напечатаны в разное время стихи 103 авторов. А. Пугачинников свои стихотворения выпустил в 1836 году за подписью «А. П.»; читатели могли принять их за принадлежащие перу Пушкина или Полежаева. И Вяземский, и Жуковский, а впоследствии и Брюсов, и Маяковский подписывались одной и той же буквой «В». Она же стояла в 1913—1917 годах под статьями и Ленина (начальная буква имени), и Луначарского (от псевдонима «Воинов»), и Володарского.

Истинные фамилии или инициалы иногда бывали зашифрованы посредством замены букв цифрами. Такова подпись молодого Пушкина «Г...

17—14», то есть А...р — н. Цифры могли означать и не место, занимаемое буквами в алфавите, а сами буквы, по системе, принятой в церковнославянской письменности: подписывал С. Т. Аксакова «200—1» означала «С. А.» Подобные псевдонимы называются **цифронимами**.

Зашифровка могла производиться и без цифр. П. И. Чайковский музыкальную хроника в газетах подписывал «Б. Л.» Это были его инициалы «П. Ч.», зашифрованные следующим способом: все согласные писались в два ряда и вместо нужной буквы бралась соответствующая из другого ряда. Вместо «Петр Чайковский» получалось «Бедв Лайдоргций».

Иногда псевдонимом становилось имя автора, взятое отдельно. В. К. Кюхельбекер ряд повестей и стихотворений в журналах подписал «Вильгельм». В. Г. Белинский под одной статьей в «Молве» поставил «В-ъ» (Виссарион). А. И. Герцен первую повесть «Записки молодого человека» издал от имени Искандера (так звучит на Востоке имя Александр). Подобные псевдонимы называются **пренонимами** (от латинского *praе* «перед», так как имя стоит перед фамилией).

Встречается еще один вид псевдонимов, свойственный главным образом русской литературе (он связан с использованием отчества авторов). Это так называемые **патронимы**. Имя отца стало основой для одного из псевдонимов В. И. Ленина: свой классический труд «Развитие капитализма в России» он подписал «Владимир Ильин». Автор «Железного потока» Александр Серафимович Попов вошел в литературу как Серафимович. Имена отцов положили в основу своих литературных фамилий и Максим Горький (которого звали Алексеем), и один из соавторов «Золотого теленка» и «Двенадцати стульев» Е. П. Катаев, известный всем как Евгений Петров.

Практиковалось также видоизменение имени или фамилии автора: псевдоним звучал похоже на них. Это так называемые **паронимы**. Свою первую книгу «Сказки Мельпомены» А. П. Чехов издал от имени А. Чехонте. «*Мавские рассказы*»

К. М. Станюкович подписал «М. Костин» (его звали Константин); автор рассказов о старой Москве В. А. Гиляровский иногда подписывался «Гильай» и «Гиль».

Наконец, встречаются псевдонимы, взятые по сходству с внутренней формой настоящей фамилии автора. Их можно назвать **метонимами**. Н. Г. Чернышевский один фельетон в «Свистке» подписал «Эфиоп» (Чернышевский — черный — негр — эфиоп). Теоретик народничества П. Л. Лавров подписывался «П. Миртов» и «П. Кедров», образовав эти псевдонимы из названий других вечнозеленых растений.

Ко второй группе псевдонимов можно отнести те, которые не содержат никаких элементов истинных имени и фамилии, но характеризуют автора с той или иной стороны (псевдонимы-характеристики). Есть целый ряд видов таких псевдонимов.

Геонимы, связанные с географическими названиями, указывают место рождения или жительства автора: «Казак Луганский» (В. И. Даль), «Петербургец» (один из псевдонимов В. И. Ленина). С. Н. Сергеев родился и провел детские годы в Тамбове, стоящем на берегу Цны; отсюда его литературная фамилия — Сергеев-Ценский.

К геонимам принадлежат псевдонимы многих русских революционеров, образованные от названий мест их ссылки. В. В. Воровский, отбывавший ссылку в г. Орлове Вятской губернии, подписывался В. Орловский; С. А. Басов, сосланный в Верхоянск, сатирическую сказку «Конец-скакунок», направленную против Николая II, издал от имени С. Верхоянцева; псевдоним М. С. Александрова — «Ольминский», полностью вытеснивший его настоящую фамилию, также является производным от названия места ссылки (г. Олекминск в Восточной Сибири).

Этнонимы подчеркивают национальность автора: Максим Грек (один из первых писателей на Руси), Леся Украинка.

Френонимы указывают на какую-либо черту характера автора или на главную особенность его

творчества: Скиталец, Горький, Нелюдом (псевдоним поэта-правдиста А. Соловьева). К типу френонимов принадлежат и такие нарицательные псевдонимы, как подписи русских демократических литераторов 60-х годов: Д. Минаева — «Обличительный поэт», «Современный сатирик», Г. Жулева — «Скорбный поэт». Сюда же относятся литературные имена ряда советских поэтов: П. Беспощадный, М. Голодный, А. Веселый, Л. Первомайский, М. Светлов. Эти псевдонимы были созвучны эпохе, в них видна романтика революции.

Иногда френоним характеризовал социальное положение автора. Революционер В. П. Ногин статьи в социал-демократической печати подписывал «Фабричный». Такие псевдонимы В. И. Ленина, как «Большевик», «Правдист», прямо говорили о его политических убеждениях. Изредка френоним отражал какую-нибудь черту наружности автора. А. Л. Попов свои книги о Магнитострое и Северном Урале подписал «Алексей Маленький».

Псевдонимы, указывающие звание или должность автора, называются титулонимами. Такова подпись «Лейтенант С.» поэта К. К. Случевского, служившего во флоте и погибшего при Цусиме. Подписываться своей фамилией ему было неудобно, так как его отец, известный поэт, послал те же имя и фамилию.

Титулонимами принято называть также псевдонимы, содержащие указание на ранее изданное произведение того же автора. «Берег» И. Ф. Богдановича, автора поэмы «Душенька» (вышедшей в 1775 году анонимно) был издан после его смерти с подписью «Автор Д...ки». Неопубликованное при жизни Д. И. Фонвизина «Письмо к Стародуму» он подписал: «Сочинитель „Недоросля“».

Определенным образом характеризовали авторов и такие нарицательные псевдонимы: «Деревенский житель» (А. А. Фет), «Провинциальный наблюдатель» (В. Г. Короленко), «Учительница», «Библиотекарь» (Л. А. Сейфуллина в начале ее литературной деятельности), «Моряк» (А. Г. Малышкин). Титулонимы и нарицательные псевдонимы могли

быть зашифрованы и выглядеть как инициалы: «Р. И.» — русский историк (Д. И. Писарев), «Т. Э.» — тюремный заключенный (революционер Н. В. Шелгунов).

Нарицательному псевдониму мог придаваться негативный характер, что тоже делало его своеобразной характеристикой: «Не депутат», «Не либеральный скептик» (подписи В. И. Ленина).

Фитонимы, орнитонимы, зоонимы — псевдонимы, в основу которых положены названия растений, птиц, животных. Они дают косвенную характеристику автора, вызывая у читателей определенные ассоциации: Кондрат Крапива (литературное имя белорусского сатирика К. К. Атраховича); Кот-Мурлыка (псевдоним русского прозаика и ученого Н. П. Вагнера).

Ту же роль выполняют героинимы* — имена мифологических персонажей и литературных героев, принятые в качестве псевдонимов. Подпись «Аргус» намекала на бдительность автора (мифологический страж Аргус, имея сто глаз, никогда не спал). Подписи «Волгин» и «Бельтов» под статьями Г. В. Плеханова подчеркивали духовное родство автора с персонажами романов «Пролог» Чернышевского и «Кто виноват?» Герцена.

Наконец, сюда относятся и некоторые аллонимы — принятые в качестве псевдонимов фамилии лиц, реально существовавших. К. С. Аксаков при публикации в «Молве» отрывков из «Олега под Константинополем» подписался «К. Эвришидин».

Псевдонимом-характеристикой могла служить и фамилия вымышленного лица, подобранная нарочито: «Плакун Горюнов» (В. Ф. Одоевский), «Добросердов» (один из первых русских беллетристов Матвей Комаров).

К третьей группе псевдонимов можно отнести также, которые характеризуют автора умышленно ложно, с целью создать у читателей неверное представление о его личности.

Псевдонимы-инициалы* — буквы, не соответствующие истинным инициалам автора: «А. Б.» (подпись под одной статьей А. С. Пушкина),

«П. Щ.» (подпись под рядом статей С. Т. Аксакова).

Псевдоандронимы — мужские имена и фамилии, которыми подписывались авторы-женщины, главным образом с целью избежать нападок критики: «Н. Станицкий» (А. Я. Панаева), «Марко Вовчок» (М. А. Вилинская).

Псевдогинимы — женские имена и фамилии, которыми иногда подписывались авторы-мужчины, обычно с целью мистификации. Так, за подписью «Нелли» скрывался В. Брюсов, за подписью «Анжелика Сафьянова» — Л. Никулиц, за подписью «Нина Воскресенская» — Э. Багрицкий.

Псевдотитонимы* — указывающие профессию, или должность, или звание автора, не соответствующие истинным. В большинстве случаев это литературные маски: «Пасичник Рудый Панько» (Н. В. Гоголь), «Отставной майор Бурбонов» (Д. Д. Минаев). Н. С. Лесков как-то подписался «Псаломщик». Н. Курочкин в «Искре» однажды подписался: «Старший учитель чистописания Леонтий Климов». Сюда же относятся **аристонимы** — подписи с добавлением титула, на самом деле автору не принадлежащего: «Барон Брамбеус» (О. И. Сенковский), «Граф Алексис Жасминов» (В. П. Буренин).

Псевдофренонимы* — подписи, дающие такие сведения о характере автора, которые шли вразрез с содержанием произведения: «Иероним Добрый» (подпись С. Фруга под ключичными эпиграммами), «Эмиль Кроткий» (литературное имя сатирика Э. Я. Германа). «Какой же он кроткий? Он очень зубастый и дерзкий!» — говорил М. Горький, в газете которого «Новая жизнь» Герман печатался накануне Октябрьской революции.

Псевдоэтнонимы* — маскирующие истинную национальность автора. В одних случаях русская фамилия заменялась перуской: Н. Г. Чернышевский пытался издать свои рассказы и стихи от имени Дензиля Эллиота и Севеджа Ленгдора; В. И. Ленин ряд статей подписал «Вильям Фрей». В других случаях, наоборот, авторы, носившие перускую фамилию, заменяли ее

русской. Например, М. Е. Фридлянд принял литературное имя «Михаил Кольцов».

Наконец, при всяком плагиате, умышленном или нечаянном, подпись плагиатора, поставленная под чужим произведением, является ложной характеристикой, как бы мнимым псевдонимом* настоящего автора. Такова, например, подпись «Ногтев» под «Шиковой дамой» А. С. Пушкина, печатание которой начала было в 1885 году газета «Жизнь».

Четвертую группу псевдонимов составляют те, которые не содержат ни элементов имени и фамилии автора, ни какой-либо его характеристики.

Проксонимы* (от латинского *proximus* 'близкий') — образованные из имен лиц, близких автору: «Н. Константинов» (одна из подписей В. И. Ленина, явно происходящая от имени и отчества его жены).

Иногда имя или фамилия близкого автору лица добавлялись к авторскому, образовываясь двойная фамилия. Советского писателя А. И. Смирнова пугали с другими Смирновыми, он добавил девичью фамилию своей матери и стал Смирновым-Черкезовым; И. С. Соколов добавил прозвище, данное их семье в деревне по имени деда, дьякона Никиты, и стал подписываться Соколов-Микитов.

Нейтральные, то есть не вызывающие никаких ассоциаций аллонимы — фамилии реальных или вымышленных лиц, поставленные вместо фамилии автора: «И. П. Белкин» (от имени которого Пушкин издал свои повести), «Карпов», «Петров» и другие псевдонимы В. И. Ленина.

Шуточные псевдонимы, рассчитанные на комический эффект: «Феофилакт Косичкин» (подпись А. С. Пушкина под статьями в «Телескопе»), «Иегудилл Хламида» (подпись М. Горького под фельетонами в «Самарской газете»). «Человек без селезенки» (один из псевдонимов А. П. Чехова). В качестве шуточных псевдонимов часто применялись имена литературных персонажей (подчас без всякой связи с содержанием произведения, под которым стояла такая подпись).

Так, в числе псевдонимов А. П. Чехова есть «Лаэрт», «Улисс», «Полковник Кочкарев».

Используемые для шуточных псевдонимов фамилии реальных лиц иногда нарочито искажались: «Емеля Зола» — подпись В. А. Гиляровского, или давались в отрицательной форме: «Не Крылов», «Только не Шиллер», «Марк Нетвен», «Н. Е. Гоголь» (то есть не Гоголь), либо иностранцу давалась русская «прописка»: «Гейне из Харькова», «Беранже из Зарядья», «Овидий с Томи».

Наиболее строго охраняют инкогнито автора астрономы (от греческого *astros* 'звезда') — подписи, состоящие из звездочек, количество и расположение которых бывало различно (в один ряд, треугольником, ромбом). Звездочки вместо фамилии ставили Державин, Баратынский, Пушкин, Полежаев, Языков, Дельвиг, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Лесков, Тютчев, Брюсов и др. Ими пользовались столь часто и неумеренно, что в одном альманахе начала прошлого века пришлось сделать примечание: «Под сими тремя звездочками — иной поэт, чем под тремя звездочками на стр. 77».

Не менее трудны для расшифровки стигмонимы (от греческого *stygmos* 'знак') — подписи, состоящие из знаков препинания или математических символов. Например, декабрист Г. С. Батеньков иногда подписывался $\sqrt{-1}$. Ставились вместо подписи вопросительный знак, кавычки, тире, многоточие.

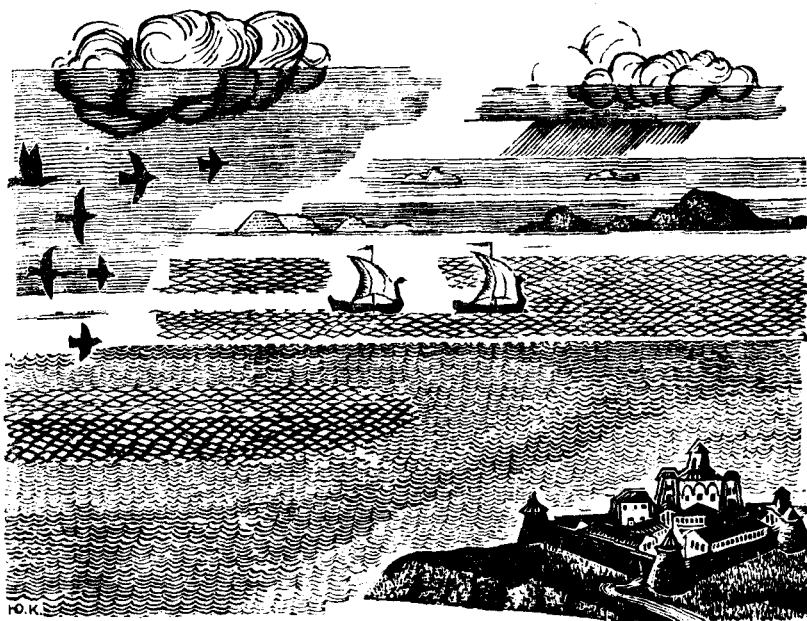
С точки зрения количества авторов, скрывающихся под одним псевдонимом, можно различать: койнонимы* (от греческого *κοινος* 'общий') — общий псевдоним, принятый несколькими авторами, пишущими вместе: «Козьма Прутков» — псевдоним А. К. Толстого и братьев А. М. и В. М. Жемчужниковых; псевдокойнонимы* — мнимые общие псевдонимы, когда автор приписывал свое произведение перу нескольких лиц: «Братья Кайгородовы» (подпись журналиста А. С. Лазарева).

Предлагаемая классификация псевдонимов, возможно, не включает в себя все имеющиеся их виды и не лишена недостатков; ее следует считать первым опытом в этой области.

Валентин ДМИТРИЕВ

Но, может кто-нибудь подумать, что я толь чрез сильное радение о природном языке, совершенно опровергаю всякое приложение охоты и труда к чужим языкам, от которых толь великие плоды получают. Не весьма я, поистине, толь грубого наставления, да будет принято не в самохвальстве, чтоб я совершенно не разумел, что чужестранные языки не токмо наипужнейший союз взаимного между народами сообщения, превеликое украшение юнош, увеселение мужей, честь престарелых людей, наилучшее средство к получению просвещенного познания <...> Толико я, по сему, не только за бесполезное не признаваю учиться чужим языкам; но еще к тому наисильнейшим образом всех и возбуждаю: только при том первейшего и тщательнейшего старания о природном языке, нежели о всех других, как желаю, так оно и советую.

В. К. Тредиаковский. Слово о витийстве

Поэтическая душа Севера

Годы приподнимают завесу над богатствами и красотой Русского Севера. Наш век открыл для себя величавый архитектурный пейзаж Кижей, создание зодчих-древотельцев, которых Сергей Тимофеевич Коненков в беседе с автором этих строк назвал гениальными народными мастерами. Художники наших дней, следуя традициям Рериха и Нестерова, воспроизводят на полотнах чарующие виды Севера, его притягательную и всевластную красоту. Неожиданно открылись для нас и рукописные богатства, скопленные в архангельских, олонецких и иных селениях веками. Каждый год отправляются экспедиции в эти места и привозят с собой забытые и полузабытые творения древнерусской литературы. Один Владимир Иванович Малышев собрал сотни рукописных книг, одарив Пушкинский дом (Институт русской литературы) удивительным собранием старой письменности.

Но главное богатство русского Севера — его живая речь. Люди, говорящие прекрасным, благоуханным, удивительно точным и метким языком. Нам еще предстоит радость открытия северных словесных сокровищ. Я часто думаю: какое счастье, что у нас в стране живет и работает такой великодушный, единственный и неповторимый знаток северной речи, как Борис Викторович Шергин. Живет не за тридевять земель, не за морями и долами, а у нас в

Москве и радует всех нас произведениями, которые по праву входят в золотую словесную казну. Бориса Шергина нередко называют поэтической душой Русского Севера. Он, чародей и знаток родной речи, воплотил в себе народное начало, лучшие литературные традиции, связанные с такими именами, как Лесков, Мельников-Печерский, Алексей Ремизов, Алексей Чапыгин, Михаил Пришвин, Павел Бажов, Леонид Леонов... Борис Шергин похож на названных мной художников слова, но у него своя особенная статья. Достаточно прочесть несколько фраз, чтобы увидеть: это Борис Шергин. У него все свое: и лексика, и строй речи, и внутренняя музыкальность фразы и периода, и темы, и краски. В его рассказах и сказах я вижу северное сияние, неторопливый склад речи северянина, гордого и смелого человека, независимого в своих суждениях, доброго и открытого, истинного потомка землепроходцев и мореходов, пришедших в эти места с берегов Ильмень-озера, от стен Господина Великого Новгорода. Вот только небольшой эпизод из Шергина: «Братишка пяти годов баловал да окно разбил. Татка его схватил, засек до кровей. А мамка ткет, слезы ручьем бежат, не смей молвить. Братишко из-под ремня ей кричит:

— Мамушка, мамушка! Не плачь, мне совсем не больно!»

Надо не просто знать и чувствовать народную речь, чтобы написать такое. Даже мало проникнуться общим ощущением народной жизни. Надо быть сыном народа, жить и действовать среди носителей этой проникновенной речи, чтобы с таким лаконизмом и щемящим чувством жалости написать о мальчишке, успокаивающем плачущую мать.

Произведения Бориса Шергина достойны того, чтобы войти в школьные хрестоматии. По его книгам должны учиться те, кто хочет войти в будущее не со скудным запасом слов Эллочки-людоедки, а с полным коробом слов и каждое из серебра или чистого золота. С горечью думаю я иногда о том, что у нас далеко не все умеют различать, где олово, а где золото. У нас молодые люди еще недостаточно знают творчество Бориса Шергина, иногда судят о нем понаслышке. Но не сомневаюсь в том, что его книгам придет черед стоять на первом месте. Мы все должны этому содействовать.

Леонид Максимович Леонов однажды в разговоре привел поучительное сравнение. Мастер-ювелир долго трудился над серебряным изделием. Неделями и месяцами кропотливо наносит он на поверхность благородного металла тончайшие узоры. Одно неосторожное движение и работа погибла, мастер должен все делать безошибочно, он не может допустить ни малейшего промаха. А рядом с ювелиром сидит кустарь, который ногой пускает в ход штамповальную машину и с невероятной быстротой из жести изготавливает свои поделки. Надо уметь различить, где серебро, а где жель, где высокий мастер, а где штамповщик.

Евгений ОСЕТРОВ

Слово устное и слово письменное

Приходится иногда слышать мнение, будто русским разговорным языком в старину был тот язык, который содержится в церковнославянских книгах. Это мнение неверно.

Церковнославянский язык, по степени родства, был не отцом нашего русского языка, но его братом.

Тысячу лет назад языки всех славянских народов были близки и понятны друг другу.

Когда Русь вступила в орбиту греко-византийской культуры, и на Русь стала поступать византийская литература, не явилось надобности переводить греческие книги на русский язык: Русь воспользовалась книгами, переведенными на южнославянский (македоно-болгарский) язык.

Грамматика болгарского наречия и северорусского не была тождественной, но русский слушатель и читатель считали естественной эту разницу наречий, потому что книги эти трактовали предметы возвышенные, философские, а на высокие темы надлежало и говорить языком торжественным.

Если наставник говорил перед лицом народа «согрешили, беззаконничали, неправду творили», то пером на бумаге он излагал эту фразу так: «согрешихом, беззаконовахом, неправдовахом». Если в домашнем быту человек говорил: «я уснул, и спал, и встал», то записывал он эту фразу в такой форме: «аз уснух, и спях, и восстах».

Вводить в литературную речь речь народную было бы признаком необразованности писателя.

Так на Руси образовали два обособленных языка, которые жили рядом, но не вместе. Эта обособленность живой разговорной речи и речи книжной существовала на Руси в течение нескольких столетий, до конца XVII столетия.

Стихотворец конца XVII века пишет: «Франтиск именем первый, краль фатцизский бяше, ненавидя зло зело, истину любляше». Поэт не решился употребить русскую форму: был, любил.

Сквозь узаконенную традицией книжную речь внезапно прорывалась иногда речь живая, народная.

В XVI столетии такой книжник, как царь Иван IV, в переписке своей с Курбским прерывает вдруг книжные силлогизмы и с полуслова перескакивает на речь живую, народную: «Во всем ваша

собачья измена обличается: И тако ли доброхотно подобает нашим боярам и воеводам нам служить, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, бояр наших побивати, да еще и в черте кровной нам [наших родственников]?».

«Лице же свое пишишь не явити нам до дня Страшного суда божия; лице же свое драго показуеши [дорого цепишь]! Кто же убо желает такова ефиопьска лица видеги?».

Курбский в своем письме высмеивает стиль царского послания: «Широковещательное и многошумящее твое писание приях и вразумех и познах, иже от неукротимого гнева с ядовитыми словесы отрыгано... Тутю же о постелях, о телогреях, и иные бесчисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни».

По-русски пишет Иван Грозный и шведскому королю Иоганну III: «... И мы тебе то подлинно известили, а много говорить о том не надобеть: жена твоя у тебя, нехто ее хватает [никто ее не хватает], а и так еси одного дря слова жены своей крови много пролил напрасно. А вперед о той безлепице говорить много не надобе, а учнешь говорити, и нам тебя не слушати: ты как хочешь и з женою, нехто ее у тебя пытается!».

Иван Грозный переходит на народную речь стихийно, бессознательно, в силу своего темперамента.

В XVII столетии, как весенний гром, пронеслась проповедь Аввакума Петрова о том, что русский народный язык должен стать языком литературным. Обращаясь к царю, Аввакум пишет: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах».

Всю жизнь скитаясь по тюрьмам, по ссылкам, он нашел время написать свою обширную знаменитую автобиографию, которая представляет собой уникальный образец живой народной речи. Письма Аввакума, написанные в ямах, подземельях, полны бодрости, душевного веселья. Прекрасны его описания дикой сибирской тайги. Верной подругой Аввакума была его жена Настасья Марковна.

«Мне под робят и под рухлишко дали две клячки, а сам и протопоица брели пеши, убивающиеся о лед... Протопоица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кользко гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нее набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: „матушка-государыня, прости!“ А протопоица кричит: „что ты, батько, меня задавил?“ Я при-

шел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: „долго ли муки сея, протопоп, будет?“ И я говорю: „Марковна, до самой смерти!“ Она же, вздохня, отвечала: „добро, Петрович, ипо еще побредем“».

В XVIII столетии письменная и разговорная речь испещрена словами, как бы наспех выхваченными из европейских языков. Здесь влияние царя Петра I. Получив специальное образование в Голландии, он употребляет голландские слова без особой нужды. Близ Архангельска Петр поставил береговой опознавательный знак в форме креста. На лицевой стороне собственноручно вырезал следующее: «Дат крус макен мастер Питер Алексеев 1696», то есть: этот крест сделал мастер Петр Алексеевич.

Штат Академии наук и университет при ней, созданные Петром в Петербурге, сплошь состояли из немцев, которые ни слова не знали по-русски, а слушатели не понимали немецкого языка. Общеизвестно, с каким великим трудом Ломоносову удалось стать членом Академии наук. Его идея учредить в губернских городах средние учебные заведения встретила яростное сопротивление в Академии. Президент Академии Шумахер говорил: «Довольно с нас Ломоносовых. Превеликую ошибку я учинил в своей политике, что допустил этого мужика в Академию наук».

Ломоносов явился для России и преобразователем литературного языка. Он очистил литературный язык от иноземного словесного мусора, заменил славянскую грамматику грамматикой русской. Впрочем, ценил до известной степени язык книжно-славянский, так как видел в этом языке прямого наследника великой античной культуры. Язык произведений Ломоносова — это величавый чисто русский язык, но враги Ломоносова обвиняли его в том, что он «затащил литературу в худое Колмогорское наречие».

Язык, созданный Ломоносовым, подобен величавому кораблю, вступившему в кругосветное плавание. Первым кормщиком на этом корабле был Ломоносов, вторым — Пушкин.

Сказительница М. Кривополенова

Родина Марьи Дмитриевны Кривополеновой — река Пинега, приток Северной Двины. На Пинеге и в начале века двадцатого можно было увидеть деревянную Русь. Там, во всем: в архитектуре, в одежде, в песнях, в домашнем быту — Русь, в лице граждан Великого Новгорода, освоила Север еще в четырнадцатом веке.

Неграмотная, но любознательная Кривополенова рассказывала о продвижении Руси на Север так, как будто сама в тех походах участвовала.

«Прежде, на Двине, на Пинеге, на Мезени Чудь жила: народ смугл, и глазки не такие, как у нас. Мы, Новгородцы, у нас волосы, как лен белый, тонкий, как сноп желтый.

Мы, еще там живучи, парусов не шили, карбасов не смолили, а Чудь знала, что Русь придет: в здешних черных лесах березка явилась белая, как свечка тонкая.

Вот, мы идем по Пинеге в карбасах. Мужики в кольчугах, луки тугие, стрелы перенные, а Чудь, бажонная, давно ушла. Отступила с оленями, с чумами, в тундру провалилась.

Вот, подошли мы под берег, где теперь Карпова гора. Дожжи-нушка ударил, и тут мы спрятались под берег. А чудские девки, они любопытные. Им охота посмотреть, что за Русь? Похожа ли Русь на людей? Они залезли на рябины и высматривают нас. За дождем они не увидели, что мы под берегом спрятались. Дождь перестал, девки подумали, что Русь мимо пробежала: „Ах, мы, дуры, прозевали!“.

Для увеселенья и запели свою песню. По сказкам-то, никому во вселенной чудских девок не перевизжать.

Было утро и был день. Наши карбасы самосильно причалили к берегу. Старики сказали: „Это наш берег. Здесь сорока кашу варила“.

Тут мы стали лес ронить и хоромы ставить.

В эту пору здесь у водяного царя с лешим царем война была. Водяной царь со дна реки камни хватал и в лешего царя метал. Леший царь елки и сосны из земли с корнем выхватывал и в водяного царя шибал. Мы водяному царю помогали. В благодарность за это водяные царевны не топят ребяташек у нашего берега.

Это все мой дедушка рассказывал. Он от своих прадедов слышал. От них и былины петь научился. Я у дедушкиных ног на скамеечке сидеть любила и с девяти лет возраста внялась в его былины и до вас донесла».

Имя сказительницы Кривополеновой известно было науке еще в конце прошлого столетия. Но записи ее былин покоились в академических шкафах, а Кривополенова, рано овдовев, жила в большой бедности: «Не замогу работать, пойду побираться».

На свадьбах невестины речи пела, на похоронах вопила. Так прожила до 72 лет.

В 1915 году произошла знаменательная встреча Кривополеновой с московской артисткой Ольгой Эрастовной Озаровской.

Озаровская писала в Москву: «Собирая словесный жемчуг на Пинеге, уловила я жемчужину редкой красоты. Везу ее в Москву».

Если Кривополенова была жемчужиной, то Озаровская явилась для нее оправой червонного золота.

После говорили, что Кривополенова, еще не старая, заходила как-то в Архангельск, но поморская столица гордилась собственной песенной славой, и пинежская сказительница не была особо отмечена.

Помню выступление Кривополеновой в большой аудитории московского Политехнического музея.

Слушателей набралось до трех тысяч: студенты, старшекласники, художники, ученые.

Марья Дмитриевна вышла на эстраду. Молодежь приветствовала ее рукоплесканиями и возгласами: «Здравствуй, милая бабушка!»

Кривополенова ответила тремя истовыми поясными поклонами: «Здравствуй, многолетно и ты Москва, юная и прекрасная!»

С эстрады зазвучала странная, непривычная мелодия, не схожая с русской песней. Это был голос древней былины, и слушатели восприняли его сначала, как некий аккомпанемент. Но тут же, сразу вникли в слова, прониклись содержанием. Ведь былина из Киева, Новгорода, Москвы, давным-давно переселившаяся на Север, нерушимо сохраняла общерусскую родную речь.

Но Кривополенова, блестящая исполнительница былин, сама в себе была каким-то чудом

и счастьем для всех, кто видел и слышал ее. Вид ее был, как вид девочки лет четырнадцати, но в темном одеянии древнего покроя.

И эта, не то девочка, не то трехсотлетняя старуха, всегда и везде держала аудиторию в напряженном внимании.

Слушатели воочию видели древних богатырей: Вольгу Святославича, Илью Муромца, Добрыню, слышали тяжелую поступь богатырских коней.

Сказительница рисует картину татарского нашествия на Русь:

В солнце знаменье страшное,
в полночь звезды хвостатые,
пред зарями земля тряслась,
шла орда на святую Русь.
На Руси петухи поют.
Не спит Рязань полуночная,
по стенам не спят караульщики,
по угольным башням дозорщики.

И два, и три часа пела Кривополенова, а бесчисленная аудитория воочию видела то, что внушала вещая старуха.

Посетила Марья Дмитриевна и Третьяковскую галерею. Шла по залам усталая. День ее начинался с четырех часов утра. Но перед картиной Васнецова «Три богатыря» старуха оживилась, просияла.

«Глядите-ко, — обратилась она к окружавшим ее посетителям. — Жили-были преславные богатыри.

Не сказка-побаска, а жизнь бывала: Илья-то Муромец из-под ручки врага высматривает. На руке у него палица висит, свинцом налита, а ему, как рукавичка».

И сказительница запела былинку:

Вздымет Илья палицу
выше могутных плеч,
жахнет палицей впереди себя,
отмахнет, отмахнет созади себя,
вираво, влево стал настегивать,
татарскую силу обихаживать.

.....

Взглянув на Добрыню, запела с приятною улыбкой:

Три года Добрынюшка стольничал
у князя Владимира в Киеве.
Три года Добрыня в послах живал
у неверных королей, у немецких.
У Добрынюшки вежество врожденное,
хитрость-мудрость природная.

В 1921 году Кривополенова во второй и в последний раз была в Москве. Нарком Луначарский известил Озаровскую, что желает познакомиться со знаменитой сказительницей. Его ждали с часу на час. Луначарский приехал вечером. Озаровская зовет: «Бабушка, Анатолий Васильевич приехал».

Кривополенова сурово отвечает: «Марья Митревна занята. Пусть подождет».

Нарком ждал целый час. Марья Дмитриевна, наконец, вышла: «Ты меня ждал один час, а я тебя ждала целый день. Вот тебе рукавички. Сама вязала с хитрым узором. Можешь в них дрова рубить и снег сгребать лопатой. Хватит на три зимы».

В 1924 году на Пинеге был недород, бескормица. Пенсия не доходила до Кривополеновой вследствие разрухи, вызванной бело-гвардейщиной. Тому виной была и бродячая жизнь сказительницы. Зимой Марья Дмитриевна таскалась по деревням, просила милостыню, чтобы прокормить внучат.

Однажды убрела в самую дальнюю деревню. Возвращалась оттуда ночью. Снежные вихри сбивали с ног. Кто-то привел старуху на постоялый двор. Изба битком набита заезжим народом. Сказительницу узнали, опростали местечко на лавке.

Сидя на лавке, прямая, спокойная, Кривополенова сказала: «Дайте свечку. Сейчас залопет петух, и я отойду».

Сжимая в руках горящую свечку, Марья Дмитриевна сказала: «Прости меня, вся земля русская».

В сенях громко прокричал петух. Сказительница былин закрыла глаза навеки.

Русский Север — это был последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополеновой совершился закат былины и на Севере. И закат этот был великолепен.

Б. ШЕРГИН

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Василий Ильич ЧЕРНЫШЕВ (1867—1949)

В. И. Чернышев занимает видное место в истории отечественного языкознания и вообще русской филологической науки. Круг его интересов был необычайно широк. За более чем полувековой период плодотворной научной деятельности он опубликовал свыше 250 работ и оставил большое рукописное наследство, значительная часть которого безусловно заслуживает издания. Своими трудами Чернышев приобрел известность как в Советском Союзе, так и за его пределами.

Выходец из глубинных народных масс, сын крепостного крестьянина—впоследствии ремесленника-живописца—В. И. Чернышев в молодости лишен был возможности получить не только высшее, но даже среднее образование. Все свои богатейшие научные знания он приобрел самостоятельно. Это, пожалуй, единственный случай во всей более чем двухвековой истории нашей Академии наук, когда ее член-корреспондент при заполнении анкеты в графе «Образование» ставил: «начальное».

В царской России некоторым ученым, зараженным духом кастовости, претил демократический облик В. И. Чернышева. Академик Ф. Е. Корш резко налад на книгу Чернышева «Законы и правила русского произношения», расценивая допущенное в

ней в целях популяризации некоторое упрощение фактов даже как вульгаризацию науки. «И еще Вас обрамил благодарностью! — писал он в 1906 году академику А. А. Шахматову.—Поговорил бы об ударениях и — скромно — о формах, а то куда ему, сиволапому, лезть в физиологию звуков!».

К счастью, судьба сводила В. И. Чернышева и с иного рода людьми: гуманными, справедливыми, благожелательными. Среди них первым должен быть назван А. А. Шахматов. В автобиографии, составленной в 1939 году, Чернышев писал: «Моим научным образованием я всецело обязан покойному академику А. А. Шахматову, который с первого знакомства и до самой своей смерти относился ко мне с необыкновенным вниманием и участием. Он извлек меня из глухой провинции, направил меня на научную дорогу, руководил моей работой, ввел меня в круг ученых... и вообще доставлял мне все находящиеся в его силах и доступные мне возможности научной работы и научного усовершенствования».

Поддерживал В. И. Чернышева и демократический настроенный И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он, в частности, взял под защиту книгу «Законы и правила русского произношения».

Начало своей научной деятельности сам В. И. Чернышев относил к 1896 году, когда он, учитель Мещовского уездного училища Калужской губернии, представил в Отделение русского языка и словесности Академии наук «Проект некоторых преобразований в дальнейшей обработке академического Словаря».

Изучив первые выпуски Словаря, Чернышев сумел дополнить их значительным количеством новых слов или новых значений и толкований. Именно тогда он и познакомился с А. А. Шахматовым, который привлек молодого ученого к постоянному участию в работе над словарем, порекомендовал ему заниматься русской диалектологией. Эти два направления в научной деятельности и захватили раньше всего В. И. Чернышева. Интерес к ним он сохранил на всю жизнь, хотя в дальнейшем сфера его научных исследований значительно расширилась.

Уже в конце 90-х — начале 900-х годов Чернышев успел опубликовать многочисленные наблюдения над говорами Московской, Калужской и Владимирской губерний. Им была составлена и «Программа для собирания великорусских говоров», имевшая в дальнейшем большое практическое значение.

Как диалектолог В. И. Чернышев рос вместе с развитием самой науки. К концу жизни он имел свыше 30 печатных трудов, посвященных русским народным говорам, среди них такие крупные, как «Псковское наречие» (1931) и «Говор Пушкинского района» (1936). Ряд важных работ остался в рукописях.

Характерен подход Чернышева к изучению русских диалектов. В его работах представлено собранное на значительной территории большое количество отдельных фактов, точно засвидетельствованных и строго локализованных. Для того времени это имело большое значение. Не случайно эти работы оказались в числе важнейших источников для создания «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» (1915). Позднее ученый принимал деятельное участие в подготовке Диалектологического атласа русского языка.

В. И. Чернышев умел подметить новое в методике диалектологических

исследований и внести это новое в свои работы. Так, в ряде статей он изучает говоры в единой системе с изучением народного быта, материальной и духовной культуры носителей русского языка. Чернышев плодотворно развивает приемы исторического толкования диалектных явлений, распространяя это иногда на историческое объяснение тех или иных диалектов в целом. Большой интерес ученый проявлял к лингвистической географии. Он едва ли не первым стал применять звукозаписывающую аппаратуру при исследовании народных говоров.

Более 50 лет своей жизни В. И. Чернышев посвятил словарному делу. При его непосредственном участии составлялись академические словари русского языка в течение первой половины нашего столетия. С 1938 года В. И. Чернышев стал заведовать словарным отделом Института языка и мышления АН СССР и возложил работу по подготовке большого академического «Словаря современного русского литературного языка» (семнадцатитомного). Под редакцией Чернышева были подготовлены первые два тома этого издания.

Много ценного материала содержится в статьях ученого, посвященных вопросам русской лексикологии, происхождению и истории многочисленных слов и выражений, жизни русских народных пословиц и поговорок, разъяснению «темных словоупотреблений» в русском языке. Интересные разыскания Чернышев производит о таких выражениях русского языка, как «держи карман шире», «хоть из земли достань», «не позволю себе на ногу наступить», «как с гуся вода», «поцеловать замок», «остаться с носом», «надеяться как на каменную стену» и др. (статья «Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях»). Он разъясняет встречающееся в «Слове о полку Игореве» выражение «босый волк», находя параллели в русских народных сказках; объясняет выражение «сунко наваринского дыму», использованное Гоголем при описании фрка Чичикова, и ряд других (статья «Темные слова в русском языке»). В. И. Чернышев много занимался изучением русских собственных личных имен, их этимоло-

логией, историей, бытованием в народной речи.

Большой любитель и знаток русской речи, В. И. Чернышев собрал около двадцати тысяч областных слов и составил несколько словарей специальной лексики: «Список слов портновского языка», «Словарь русского кожевника», «Терминология русских картежников» (словарь и статья), «Словарь офенского языка» и др. Много сделано В. И. Чернышевым по собиранию и исследованию богатств русского фольклора. В 1927—1929 годах он предпринял ряд поездок по пушкинским местам на Псковщине. Результатом их явился интереснейший сборник «Сказки и легенды пушкинских мест» (вышел в свет в 1950 году).

Одним из главных объектов исследований В. И. Чернышева был язык писателей. У него есть работы о творчестве Ломоносова, Майкова, Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Успенского, Некрасова и других. Ученый не ставил задач всестороннего исследования языка писателя, часто ограничиваясь рамками статьи, заметки, отдельного замечания. Между тем в его работах рассеяна масса глубоких и метких наблюдений. Они развивают у читателей языковое чутье и зоркость. В. И. Чернышев знакомит нас с множеством стилистических нахо-

док и открытий, сделанных писателями, с художественно-языковым мастерством выдающихся деятелей литературы. Он выступает тонким истолкователем особенностей индивидуально-авторской орфографии и пунктуации, вскрывая смысловую и грамматическую выразительность этого своеобразного приема. Из многочисленных статей В. И. Чернышева, посвященных языку писателей, можно назвать, например, «Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова», «Русский язык в произведениях И. С. Тургенева», «Н. А. Некрасов при жизни и по смерти», «Заметки о языке и орфографии Г. И. Успенского», «Язык и стиль стихотворений А. В. Кольцова» (см.: «Русская речь», 1967, № 5). Только наблюдениям над языком Пушкина посвящено около 20 печатных выступлений ученого.

В числе первых В. И. Чернышев обратился к разработке вопросов русской орфоэпии и еще в начале нашего века составил ценное популярное пособие «Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение».

В. И. Чернышев выполнил также ряд интересных исследований об отдельных малоизученных особенностях грамматического строя русского языка. Обычно Чернышев использует обильный фактический материал, причем не только из литературного

НАШИ ФАМИЛИИ

Большинство русских фамилий имеет весьма прозрачный состав, например: Иванов, Петров, Андреев, Медведев, Волков, Орлов и т. д. Однако многие фамилии требуют специального анализа. Носители этих фамилий часто сами стремятся выяснить и разъяснить другим, как сложилась их фамилия. Приведем два примера, представляющие несомненный интерес.

Выдающийся отечественный языковед Александр Афанасьевич Потобня (1835—1891) так объясняет

происхождение и значение слова «потобня»: *«Потобня. Тебенёж, мн. тебенёк, кожаные лопасти по бокам казачьего седла, подвешенные на пряжках, нередко тисненые (Даль, без указания местности, но, вероятно, везде, где употребительно казачье седло). На Дону фамилия Тебенёковы. Слово татарского происхождения... По-тебля, мн. погёбни, то же, что тебенёки... Таким образом, корень этого слова татарский, предлог и грамматическая форма — русские»* (А. А. Потобня. К истории звуков русского языка. IV. Этимологические и другие заметки. — «Русский филологический вестник», Варшава, 1883, стр. 49).

Как видим, А. А. Потобня при решении вопроса о своей фамилии за-

языка, но даже в большей степени — из русских народных говоров, а также из памятников древней письменности. Здесь можно назвать: «О нарушении согласования в русском языке», «О некоторых русских префиксах и предлогах», «Описательные формы времен и наклонений в русском языке».

Важнейшее место среди научных сочинений В. И. Чернышева занимает написанная им еще в дореволюционный период и выдержавшая несколько изданий книга «Правильность и чистота русской речи» с подзаголовком «Опыт русской стилистической грамматики». За этой книгой прочно утвердилась репутация авторитетного пособия по культуре речи. На протяжении более чем полувека она оказывает помощь огромной массе пишущих и говорящих на русском языке.

В. И. Чернышева живо интересовали вопросы русской орфографии и ее упорядочения. Ему принадлежит заслуга активного участия в подготовке и практическом осуществлении орфографической реформы 1917—1918 годов, а также в последующей работе по кодификации нашего правописания, нашедшей окончательное выражение в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956).

Двадцать пять лет Чернышев проработал учителем начальной народ-

ной школы. Долгое время он занимался научно-педагогической деятельностью в качестве профессора ряда высших учебных заведений страны. С дореволюционной учительской работой В. И. Чернышева связан целый ряд его выступлений в печати по вопросам школьной жизни: статьи в журналах, брошюры и книги (например брошюра «О программе будущей народной школы», сборник статей «В защиту живого слова»). Кроме этих теоретических работ по педагогике, Чернышев составлял учебные пособия по русскому языку и словесности для начальной и средней школы. Им были изданы: «Сборник статей для письменного и устного изложения» (1904), «Школьник» — учебная хрестоматия (1907), «Азбука выразительного чтения» (1910) и др. Все эти книги пользовались в школе большим и заслуженным успехом.

Обширное научное наследство В. И. Чернышева и в наши дни в значительной своей части сохраняет теоретическую ценность, практическую полезность и заслуживает широкой популяризации. Вызывает поэтому большое удовлетворение предпринимаемая издательством «Просвещение» публикация двухтомника «Избранных трудов» В. И. Чернышева.

Доктор филологических наук
А. М. ИОРДАНСКИЙ.

ранее предположил, что *по* — приставка и потому следует искать в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово сходным в фамилии *По-тебий* корнем: Тебенёк.

Но не только специалисты-языковеды писали о своей фамилии.

Замечательный русский художник Виктор Михайлович Васнецов (1848—1926), современник А. А. Потебни, тоже высказался относительно своей фамилии (в одном из писем): «Происхождение моей фамилии совершенно русское — как и я сам. Жил-был в старые годы в нашей стороне Василий. По обычному сокращению *Вася*. Дети его и вообще домочадцы и родичи прозывались по обычаю же *Васины*, главный в роде

стал прозываться *Васин*, а его домочадцы и родичи звались *Васинцы* (*Васинец* — значит из дома или рода *Васина*, как происходящий из Рязани называется рязанец и т. п.). Следующие поколения уже начали прозываться *Васинецовой* — фонетически правильное произношение, выбросив *и*, — *Васнецовы*. Вот вам и ваш всегда преданный „Васнецов“» (Н. Моргунов, Н. Моргунова-Рудницкая. Виктор Михайлович Васнецов. Жизнь и творчество. М., 1962, стр. 9).

Известны ли вам, дорогие читатели, еще случаи толкования своей фамилии выдающимися русскими учеными, писателями, художниками, артистами? Напишите в редакцию журнала.

В. В.

Мы публикуем отрывок из большой статьи Василия Ильича Чернышева «Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского». В. И. Чернышев не раз обращался к изучению языка и стиля русских писателей, поэтов (Пушкина, Тургенева, Кольцова и др.) и публиковал важные для языковедов и литературоведов исследования. Данная работа особенно ценна тем, что это вообще едва ли не единственная в нашей научной литературе попытка специального рассмотрения на большом фактическом материале особенностей языка и стиля поэта пушкинской плеяды, друга и современника А. С. Пушкина.

Полностью эта работа будет опубликована во втором томе «Избранных трудов» В. И. Чернышева, которые скоро выйдут из печати в издательстве «Просвещение». Статья представляет собою обширные (более 100 страниц машинописи) материалы доклада, прочитанного В. И. Чернышевым в Институте языка и мышления 28 мая 1944 года, в годовщину столетия со дня кончины Е. А. Баратынского. Материал публикуется впервые по рукописи, хранящейся в Институте русского языка АН СССР. Публикацию подготовил член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко. Все ссылки на тексты произведений Е. А. Баратынского даются по изданию «Библиотека поэта» (1936). Сокращения текста даны в угловых скобках <...>.

Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского

ВСТУПЛЕНИЕ

<...> Язык эпохи Пушкина мы будем знать только тогда, когда изучим язык современных ему поэтов и прозаиков. Вот почему, между прочим, мы должны признать необходимым и важным изучение языка Е. А. Баратынского. Его смерть в Неаполе, 29 июня (11 июля) 1844 года, и признательное воспоминание о его литературной деятельности по случаю столетия со дня его неожиданной и ранней кончины — не единственное основание для того, чтобы обратить внимание на изящный и оригинальный язык этого автора 20—40-х годов прошлого века.

<...> Мы в отношении нашего языка еще не потеряли интереса к эпохе Баратынского, частично, даже живых связей с нею, и поэт был прав, когда с большой скромностью и великой пронизательностью так говорил в «Северных цветах» в 1829 году о себе и своих видах на будущее:

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя,
Окажется с душой его в сношенья,
И как нашел я друга в поколенья,
Читателя найду в потомстве я (I. 163).

[Числа в скобках означают здесь и далее том и страницу.]

БАРАТЫНСКИЙ — ПОЭТ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

У Баратынского мы нередко находим те же своеобразные слова, формы и значения, которые отличают язык Пушкина, например: диравый, други, тысячью, создроглась, виется, страждем, покорствуя, стогны, безумство, похмелье (в значении 'опьянение'). Метафоры Баратынского: вечер года, сыны любимые надежды — соответствуют метафорам Пушкина: утро года, сыны любимые победы.

Вообще в формах слов, в своеобразной лексике и семантике, в поэтических выражениях, в ударении мы нередко встречаем факты языка совпадающие: Баратынский как бы повторяет Пушкина. Однако такое совпадение было бы неосторожно объяснить как прямое заимствование со стороны Баратынского. Оба поэта черпали средства выражения из одного источника: языка своей эпохи, а также литературно ей предшествующей; отсюда произошло и сходство.

<...> Если бы мы поставили вопрос о прямых заимствованиях Баратынского у Пушкина, то нам пришлось бы взять на себя нелегкий труд доказать в каждом отдельном случае, что текст Пушкина с данным словоупотреблением явился раньше, чем текст Баратынского. Впрочем, и такое доказательство не давало бы окончательного решения вопроса. Надо было бы еще знать, что интересующих нас при сравнении форм или слов с их значениями совсем не было до Пушкина — Баратынского. Иначе могло произойти совершенно независимое использование старых фактов поэтического языка и Пушкиным и Баратынским у одного из предшествующих авторов, например: у Державина, Батюшкова, Жуковского. Наконец сходство может возникнуть вследствие истолкования тем и другим поэтом одинаковых галлицизмов, германизмов.

Язык всякого писателя есть прежде всего язык его эпохи. Мы встречаем, например, у Баратынского стихи:

Прощай, спешу я в *клуб* к обеду (II, 42).
Сегодня бал у *князь-Петра* (там же).

Это не дает никаких оснований предполагать, что Баратынский заимствовал данные употребления слов у Грибоедова, который употребляет в «Горе от ума» и форму *клуб* и склонение без изменения слова *князь* при имени *Петр*. О заимствовании здесь не может быть речи потому, что так вообще говорили тогда «светские люди». Это мы ясно видим из литературных текстов того времени.

Само собою разумеется, что вопрос о заимствованиях одним автором у другого не устраняется совершенно, но он должен быть поставлен в условия точных наблюдений и доказательств. Например, при учете хронологических данных, можно утверждать, что стих Пушкина из «Руслана и Людмилы» о чашах с вином «Они веселье в сердце лили» повторен Баратынским в подобном контексте: «Они веселье в сердце льют» (II, 166). <...>

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВ

Имена существительные

В формах слов стихотворения Баратынского отличаются особенно правильностью и почти всегда представляют язык чрезвычайно близкий к нашему времени.

Как в наше время, поэт безразлично употребляет разновидности слова *дубрава*: забавы-дубравы, дубравы-правы и *дуброва*: дуброва-крова, дуброва-другова, дубров (не в рифме).

Творческая находчивость Баратынского прекрасно выразилась в маленьком стихотворении, озаглавленном «Девушке, которая на вопрос: как ее зовут? отвечала: не знаю»:

Незнаю, милая, Незнаю!
Краса пленительна твоя:
Незнаю я предпочитаю
Всем тем, которых знаю я.

В первоначальном тексте (1820) вновь созданное существительное в виде личного имени *Незнаю* имело определение по среднему роду: *милое* незнаю. В исправленной редакции определение поставлено в женском роде, согласно с значением слова, которое при этом, как собственное имя, написано с прописной буквы вместо строчной (II, 119). Это исправление первоначального текста служит доказательством того, как превосходно Баратынский мог решать затрудняющие его вопросы языка и грамматики. <...>

РАЗГОВОРНАЯ ОСНОВА СИНТАКСИСА В СТИХОТВОРЕНИЯХ БАРАТЫНСКОГО

Речь отрывистая

Вместе с Пушкиным и другими Баратынский вырабатывает и утверждает в русской поэзии разнообразные типы предложений и их сочетаний. Обработка прозы по образцам разговорного языка, начатая Карамзиным, в поэзии проводится Жуковским, Пушкиным и, в числе первых литературных деятелей к ним близких, Баратынским. Он вводит в поэтический оборот предложения короткие, до одного слова включительно, например: <...>

Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины (I, 248).

Любовь Камен с враждой Фортуны —
Одно. *Молчу*. Боюсь я... (I, 244). <...>

Весна, весна! Как воздух чист!
Как ясен небосклон! (I, 182). <...>

Сочетанием довольно кратких и несколько распространенных предложений дается великолепное, классическое описание Финляндии в поэме «Эда»:

Суровый край: его красам,
Пугаяся, дивятся взоры;
На горы каменные там
Поверглись каменные горы;
Синея, всходят до небес
Их своеравные громады;
На них шумит сосновый лес;
С них бурно льются водопады,
Там холм очей не веселит;
Он левой каменной облит и т. д. (II, 145). <...>

СЛОВОРАСПОЛОЖЕНИЕ

До Пушкина, особенно в XVIII веке, русские поэты легко мирились с разнообразными неправильностями в расположении слов в предложении. Ко временам Пушкина эта сторона поэтического языка значительно выправилась. Резкие нарушения норм правильной речи уже не встречаются вовсе.<...>

У Баратынского <...> мы очень часто видим второстепенный член предложения в начале речи:

*О счастии с младенчества тоскуя,
Все счастьем беден я.*

Это словорасположение по законам поэтики и риторики, когда слово, имеющее в речи наиболее важное значение, выдвигается к началу предложения. Эти случаи не относятся к обычному, грамматическому расположению и представляют общее явление всего русского языка: поэтического, разговорного и книжного.

СЛОВАРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА БАРАТЫНСКОГО

Слова церковно-книжные

<...> Баратынский иногда, и не так часто, пользуется неполногласными церковно-книжными формами слов, но в этом отношении его поэтический язык довольно разборчив и захватывает только ходячую лексику данного ряда, принятую в стихотворениях его времени. Это широко применяемые слова, которые постоянно встречаем и у Пушкина: глас, чреда, хлад, младые, глава, златые, бразды, брег, берега, осребренный, древо, длань, злато, хладно, хладный, вран, здравый (разумный), здравье, врата, сребрит, праг, драгими и т. п.

Рядом с ними автор, конечно, свободно, употребляет в русские полногласные формы: молодых, молодой, деревьев, холодною, чередом (муж. род), чередой (жен. род), борозда, берега и т. д. Те и другие были узаконены в поэтическом языке эпохи. Они облегчали трудности стихосложения, почему часто и встречаются

в рифмах: душою — главою, глас — час, град — хат, бразды — плоды, клад — хлад, сребрит — пиит, берега — нега, власы — красы и т. п.

Необходимо иметь в виду, что славянизмы подобного ряда тесно вошли в русское словообразование, поэтому являются необходимыми в русском языке. <...>

В отношении стилистическом неполногласные церковно-книжные слова были важны тем, что они придавали стихотворной речи значение торжественности. <...> Не даром же некоторые неполногласные формы, как более широкие и более отвлеченные по значению, утвердились в русском языке и вытеснили чисто русские полногласные формы. Таковы: благо, вред, влечь, мрак, враг, облако, плен, владеть и др. <...>

Слова книжно-поэтические

С такой же разборчивостью и мастерством Баратынский пользуется и старыми книжными словами. Их немало встречается в стихах нашего поэта, но они также устарели только для нашего времени, в период деятельности Баратынского они представляли общий для всех поэтов лексический запас, которым пользовались для «стилевой» художественной речи. <...>

Приводимые <...> примеры слов данного вида сами собою могут указать нам различные стороны и степени их литературной жизненности и ценности. Таковы: зеркало вод, лики (лица), клики, ветр, вперив очи, мнится, безглагольный, рек, узрел, дольный, вечаля, зрел, чертоги, обета, тцетен, пажитей, утучнять, пестун, цевница, тцета, скрежетом зубов, хлябь, ополчил, сей, нещадный, не зря глядел (не видя), пиит, обретая, близ, стогны, ламиты, искус, вотще, ярмо, прям (распрям, спорам), неопасенье, панавая, стези (множ.), столпы (столбы, собственно: башни, колонны). <...>

Данный список, конечно, далеко не представляет всего богатства старых слов, которые имеются в текстах Баратынского: это только выборки из некоторых мест его стихотворений.

Приведенные примеры живо напоминают нам тексты Жуковского, Крылова, Пушкина с такими же словами. Очевидно, все черпалось из одного традиционного фонда, нами уже мало читаемого, но в то время основного и всем авторам хорошо известного. Известен был этот своеобразный лексикон и читающей публике, которую произведения Баратынского нисколько не затрудняли в отношении его литературного языка. <...>

Слова народные и просторечные

Факты языка Баратынского несомненно удостоверяют, что он знал, ценил, смело и уместно пользовался словами и выражениями живой русской народной речи. <...>

В качестве примера «народных» слов мы можем указать: непогода (дурная погода), недосужно (нет времени), досужий

(знающий, способный), прижимка, тароватый, беседа (сборище), содом (шум), немочь, кручина, хоромы, уходишь (замучишь), завсегда, никак (кажется), натура, пуще и т. п.

В числе «простонародных» можем привести: брэнчу, пускай (пусть), побреду, земляк, нѣхотя, ненарочно, шататься (ходить без цели), сгоряча, давным-давно, нет склада и т. п.

Наконец мы можем наметить еще третью группу слов живого языка, очень широкую в своем объеме и мало определенную в своих очертаниях. Это слова «разговорные», более удаленные, чем «народные» и «просторечные» от живых диалектов, общепотребительные, но недопускаемые в высокой поэзии, в изысканно литературной прозе, в очень учтивых беседах и письмах. Таковы, например, некоторые междометия: ай да! то-то! эй! ну! эх! ух! ой-ой! бух! бац! хлоп! шмыг!

Таковы же некоторые своеобразные по форме наречия: вчерась, давеча, нынче, авось, нагишом, порожняком, *кишмя* кипит, *ливмя* льет, втроем, вчетвером, многонько, недалечко и т. п.; таковы многие уменьшительные прилагательные: крепóнек, мелкóнек, высóконький, сýхонький, бедновáт, простовáт и т. п. <...>

Введение подобных слов в русский поэтический язык началось несколько раньше: сначала Державиным, затем Жуковским, Крыловым и продолжалось всеми поэтами века с Пушкиным во главе. Мы намеренно привели значительное собрание «народных», «просторечных» и «разговорных» слов и выражений, чтобы показать, как широко и самостоятельно пользовался ими Баратынский, обогащая литературную речь живой народной стихией, с одной стороны, а с другой стороны, приближая поэзию к массовому потребителю произведений поэтического творчества. Вникая в тексты нашего поэта, мы видим, что он допускал элементы народной речи и в произведениях «высокого стиля», довольно отвлеченных. <...>

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЛИЯНИЯ В ЯЗЫКЕ БАРАТЫНСКОГО

Отношение всякого писателя к народному языку определяется, между прочим, его вниманием к фольклору. Одно из стихотворений Баратынского, именно «Бесенок», показывает, что поэт был хорошо знаком с чудесами русских сказок. Вероятно, из рассказов домашней прислуги в детстве он знал о том, о чем говорит в этом стихотворении: о сером волке, о сивке-бурке, о живой и мертвой воде, о шапке-невидимке, о коврике-самолете, о жар-птице и о царь-девице.

В некоторых стихотворениях находим указания на русские народные обычаи, на поговорки и пословицы. Так, в том же стихотворении выражение «Бобами думу разведет» значит «успокоит тяжелые думы», собственно — «предскажет хорошее будущее, гадая на бобах». Стихотворение «Здесь погребен армейский капитан» развивает народную шуточную поговорку: «Родился мал, умер пьян: ничего не помню». <...>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ЯЗЫКЕ БАРАТЫНСКОГО

У Баратынского немало словоупотреблений, замечательных по значению. Укажу на ряд его слов, утративших для нашего времени свое первоначальное или более широкое значение. Таковы слова: *сладогостствие* 'наслаждение жизнью', *высокопарность* с положительным значением 'возвышенность', *куца* 'хижина, палатка', *откровенный* в буквальном значении 'открытый', *позор, позорище* 'зрелище', *муж* 'мужчина, мужественный человек', *поселенец* 'житель, обыватель', *жена* 'женщина', *бездарно* 'не передает ожидаемого дара', *благодичный* 'степенный, разумный', *развратный* 'испорченный, соблазнительный', *провидение* 'способность видеть до глубины', *судить* 'дать, определить судьбу', *собор* 'сборище', *блажит* 'восхваляет', певец 'автор, писатель', *вина* 'причина', *ласкатель* 'льстец'. <...>

ЧУЖИЕ СЛОВА

<...> У Баратынского, как и у Пушкина, найдется немало галлицизмов в оборотах речи, но Баратынский, как и все поэты его круга, был крайне сдержан в перенесении французских слов в русский литературный язык. За исключением слова *пироскаф* (пароход), встречающегося в заглавии одного стихотворения, но не повторяющегося в его тексте, мы не можем указать в поэзии Баратынского ни одного французского слова, которое мы могли бы вести от него лично или поэтов его эпохи. У Пушкина слово *пироскаф* встречается только в одном его письме. [Здесь — неточность. В текстах А. С. Пушкина это слово, как свидетельствует «Словарь языка Пушкина», употреблено 6 раз. Напомним, что В. И. Чернышев писал свое исследование задолго до того, как вышел Словарь.— *Примечание редакции — И. П.*] Очевидно, оно было принято в «светском» обществе. От дядьки-итальянца наш поэт усвоил, кажется, только одно слово: *мелезы*, которое встречается в его воспоминаниях об этом воспитателе. По-видимому, это пахучее растение «мелисса» (лимонная мята). В остальном мы видим в стихотворениях Баратынского небольшое число общепринятых издавна греческих слов или несколько раньше его времени и в его время слов французских. Немногие из них в эпоху поэта еще могли производить впечатление действительно «чужих», несродных нашему языку, но к нашему времени они прочно укрепились в литературном языке и стали необходимыми и незаменимыми. Это следует объяснить не только длительностью срока обращения данных слов в нашем языке, но также и прежде всего их осторожным, рациональным отбором, который проводился нашими писателями. <...>

ОЦЕНКА ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СТИЛЯ БАРАТЫНСКОГО

Поэзия Баратынского дает нам много лирических произведений, замечательных не только по содержательности, но также по изяществу, ясности и художественности изложения. <...>

Поэт, близкий к Пушкину, он выступал в одно с ним время, но его литературное значение нельзя свести к роли ученика или подражателя. Е. А. Баратынский был поэт оригинальный и самостоятельный в тех отделах его поэтического труда, которые определялись его дарованием. <...>

В особенности следует обратить внимание на достижения, которые дает поэзия Баратынского в обработке синтаксического строения русской литературной речи.

Словарные особенности языка Баратынского показывают его богатое знакомство с разновидностями русской лексики в ее исторических, социально-диалектных и литературных отложениях, с одной стороны, с другой стороны, мы видим в использовании этих богатств мастерское владение характерными массивами русской лексики для создания литературных произведений в соответствующих им стилях поэтической речи. Особенности поэтического стиля Баратынского также показывают в нем большого мастера русского литературного слова, обнаруживающего и превосходное знание литературных традиций и таланты личной находчивости и авторской изобретательности.

Некоторые естественные и понятные в условиях времени недочеты в языке Баратынского или же неизбежные при условиях литературного образования того времени чужие, главным образом французские, влияния не могут сколько-нибудь значительно снижать достоинства языка Баратынского.

Он все же является одним из лучших представителей поэзии Пушкинской эпохи и, как этот наш величайший поэт, Баратынский в языке своих произведений является пока еще образцом, мало удаленным от нашего времени.

В языке, как и в поэзии Баратынского, мы не можем не оценить его значительной одаренности, основательного образования и большой самостоятельности. Значение последнего качества поэта, как мы уже упоминали раньше, прекрасно выражено в замечательном обращении Баратынского к Мицкевичу:

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,
Восстань, восстань и вспомни: сам ты бог.
И думаю, поклонник униженный!

Член-корреспондент АН СССР
В. И. ЧЕРНЫШЕВ

Культура речи

1

Основы нормализации русского языка

НОРМА

Норма языка — центральное понятие теории культуры речи. Вместе с тем это одна из сложнейших проблем, многомерность которой определяется фактами историческими, культурно-социологическими и собственно лингвистическими.

Каково соотношение нормы и языкового обычая? Считать ли норму постоянным продуктом речевой деятельности, неизменно творимым в ней, или данностью, лишь в ней воспроизводимой вновь и вновь? Куда помещать норму — в язык или в речь?

В современном языковедении, зарубежном и отечественном, всё большую популярность приобретает схема, предложенная Э. Косериу в статье «Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения». В схеме различаются три уровня: система — как возможность, как техника и эталоны; норма — как реализация возможностей, заложенных в системе, как модели, исторически уже реализованные; речь — свободная коммуникативная деятельность, имеющая двустороннюю направленность: подравнивание к традиции и подравнивание к собеседнику («Новое в лингвистике». Вып. III. М., 1963). Противоречие состоит в том, что уровень нормы включает у Косериу лишь «обязательные реализации», то есть характеризуется статичностью, хотя, по его же словам, «язык создается посредством изменений и „умирает“ как таковой, когда он перестает изменяться». Понятие нормы исключает возможность, потенциальность, то есть все нетрадиционное. Норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в обществе.

Между тем о творческом характере речевой деятельности, о постоянном создании в процессе говорения новых слов и форм (наряду с использованием готовых) писал академик Л. В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении» (1931): «Совершенно очевидно, что хотя в процессах говорения мы часто просто повторяем нами раньше говорившееся (или слышанное) в аналогичных условиях, однако нельзя этого утверждать про всё нами говоримое. Несомненно, что при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями, ...не только употребляем слышанные сочетания, но постоянно делаем новые».

Прежние описания нормы в основе своей были классификационными, описательными. Свойства нормы задавались конечным

набором (предельно расширенным списком). Оговорки по поводу исторической изменчивости норм не спасали положения, поскольку эволюция нормы механически выводилась из эволюции языка. Преодолеть схематизм и статичность можно лишь созданием динамической теории нормы.

В речевой деятельности существует норма воплощенная и потенциальная (творимая). Вторая создается с учетом первой, с оглядкой на нее и подравниванием под нее; обе они, находясь на уровне речевой деятельности, противопоставлены языку-структуре или языку-схеме.

Воплощенная норма состоит из двух частей: 1) актуализованная часть — современная, активно действующая, осознаваемая и ограниченная строгими правилами; 2) неактуализованная часть, куда включаются уходящие архаизмы, редко встречающиеся варианты, дублеты и т. п.

Потенциальная (творимая) норма в свою очередь также распадается на две части: 1) становящиеся нормой неологизмы и новообразования на разных уровнях языка; 2) принципиально нерегламентируемая область речевой деятельности (оказионализмы или создаваемые к случаю необходимые в процессе общения образования).

И в воплощенной и в потенциальной норме выделяются, таким образом, активные осознаваемые говорящими части, представляющие ядро нормы, «светлое поле сознания нормы».

Норма не представляется нам в виде некоего недостижимого образца или идеала. Норма языка — воплощенная и воплощаемая реальность.

Подобно тому, как описание или систематизация действующего законодательства подразделяется на инкорпорацию — объективное описание, простое упорядочение без каких-либо оценок — и кодификацию, имеющую цель систематизировать и регламентировать существующие законодательные акты, можно говорить о научном описании языка и нормативных предписаниях. Принципиально это разные подходы к явлениям языковых отношений и воплощений, их следует различать в теории и практике. Едва ли не первым у нас обратил внимание на необходимость такого разграничения А. М. Пешковский в своей известной работе «Объективная и нормативная точки зрения на язык» (1923).

Понятие языковой кодификации (в отличие от описания структуры) становится все более популярным в научном обиходе и превращается в лингвистический термин.

Терминология нормы права дает и другое полезное для языковедения разграничение — деление норм на императивные (обязательные) и диспозитивные (восполнительные).

Обязательные нормы вытекают из возможностей языковой структуры; нарушение их выводит говорящего за пределы родного языка (например, неправильное спряжение, склонение, смещения в принадлежности имен к роду и т. п.). Восполни-

те л ь н ы е н о р м ы — это те рекомендации, которые даются с оглядкой на структуру или выступают как следствия тех или иных теоретических предпосылок, часто с сознательными допущениями. Первые нормы меняются вместе с языком и в плане кодификации можно говорить о более или менее полном их описании; вторые уточняются, видоизменяются или отменяются при очередных попытках нормализации. Различные этих норм в современных нормативных словарях отражают предупредительные пометы «не» и «допустимо» (см. словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение». Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1960).

В обобщенном виде идея динамичности нормы присутствует уже у Л. В. Щербы в его описании структуры восточнолужицкого наречия (1915). Детализируя и уточняя синхронный принцип описания живого говора, Л. В. Щерба замечал: «Вообще я старался схватить язык в его движении: выдвинуть на первый план твердые нормы, находящиеся в светлой точке языкового сознания, а затем показать, с одной стороны, умирающие, а с другой стороны, нарождающиеся нормы, находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях».

В современных исследованиях динамическое понимание нормы выступает в более расчлененном и явном виде. В книге «Активные процессы в современном русском синтаксисе» (М., 1966) Н. Ю. Шведова в качестве нормативной оценки синтаксических новообразований выдвигает два момента или фактора: 1) массовая и регулярная воспроизводимость и 2) активное взаимодействие с другими звеньями системы языка. При этом определяющим фактором называется второй. Автор иллюстрирует это положение синтаксическим новообразованием *заявить, заявление на кого*, возникшим по аналогии с *жаловаться, жалоба на кого* рядом со старым глагольным управлением *заявить, заявление о ком*. С точки зрения старой нормы такое новообразование может показаться неправильным. Однако оно приобрело массовую употребительность и регулярно воспроизводится в различных жанрах письменной и устной речи. Кроме того (и это оказывается решающим), оно характеризуется развитием новых связей: под влиянием *заявление на кого* (только с одушевленными существительными) появилось *заявление на что*: *заявление на площадь, заявление на завод* и т. п.

«Таким образом,—делает вывод исследователь,—грамматическая норма — это не обязательно старое, закрепленное традицией употребление. Грамматическая норма — это такое образование и употребление форм и категорий, которое, во-первых, последовательно воспроизводится в коллективной языковой практике носителей литературной речи — в определенных условиях ограничения (функционально-стилевых) или вне всяких ограничений — и, во-вторых, обнаруживает тенденции к живому взаимодействию с другими звеньями системы».

Подобно тому, как языковая система при её научном описании выводится из языкового материала — текстов, норма, то есть осознание этой системы в существенных ее частях, выводится из соответствующих воплощений, реализаций. Для словаря и грамма-

тики — это «образцовые» тексты, для орфоэпии — устная традиция, принятая за образец.

Изменения норм происходят вместе с общими изменениями языка, но обладают специфическими свойствами. Специфика эта вытекает, в частности, из шкалы переходных ступеней между нормативным и ненормативным в пределах литературного языка, а также зависит от «крепости» нормы в разных ярусах системы, от степени осознанности ее носителями литературного языка и ряда других факторов.

В условиях литературного (нормативного) общения мы можем не замечать ошибок в своей и чужой речи, если эти ошибки социально обоснованы и их возможности, по словам Л. В. Щербы, заложены в данной языковой системе. Ощущение нормы, отмечал Л. В. Щерба, как и сама норма, может быть и слабее и сильнее в зависимости от разных условий: наличия сосуществующих вариантов, возможности их сравнения и оценки, от практической важности нормы для носителей языка и т. п. В ряде случаев нормативными являются колебания, объективно существующие в языке (Л. В. Щерба. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании).

Нормы различаются по степени «крепости». В орфоэпии система практически целиком определяет норму. Отсюда возникает понятие образца, идеала, причем часто он оказывается в прошлом — старомосковское произношение для русского языка. В лексике отношения системы и нормы сложнее; здесь содержание преобладает над формой выражения. Отсюда понятие правильности, точности, смысловой и стилистической уместности слова в высказывании. В грамматике на первый план выступают модели и образцы, по ним сверяются сомнительные формы. Немотивированность фразеологии приводит к сравнительно жесткому условию ее воспроизводимости.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Литературный язык — явление историческое. Существуют сложные соотношения общенационального и литературного в пределах единого национального языка, литературный язык по-разному взаимодействует с нелитературной речью на разных этапах своего развития. Однако основополагающим оказывается структура норм литературного языка на разных его уровнях, определяющая его границы и в историческом (хронологическом) и в собственно лингвистическом отношениях.

Литературный язык — высшая форма национального языка, символ национальной самобытности, носитель и посредник культуры и цивилизации. От других разновидностей национального языка литературный язык отличается тем, что его функциональное и стилистическое расслоение гораздо сложнее и богаче. Это вытекает из более широких задач литературного языка (по сравнению, скажем, с диалектной речью), большой осознанности

и обязательности его норм, преобладания публичных и письменных форм проявления.

Стремление к стабильности, устойчивости — имманентный признак любой нормы. Но лишь в литературном языке эта стабильность и обязательность норм подкрепляется их кодификацией (фиксацией, описанием) в соответствующих авторитетных руководствах — словарях, грамматиках и разного рода справочниках.

Нормированная (литературная) и ненормированная формы национального общения в новых социальных условиях советского периода взаимно проницаемы и во времени относительно. «Включение в норму ненормированных явлений — дело времени, необходимого на преобразование стилистических традиций литературной речи», — отмечал С. И. Ожегов (Лексика. — «Русский язык и советское общество». Проспект. Алма-Ата, 1962).

Научная нормализация не ограничивается описанием установившейся структуры (даже с учетом ее «слабых», развивающихся точек или областей). Для того чтобы быть перспективной, она должна учитывать внешние, нелитературные воздействия на традиционную норму, опираться на объективную картину эволюции литературного языка, стимулированной социально. Именно в этой связи следует понимать утверждение академика В. В. Виноградова о том, что учение о культуре речи «распространяется и на те социально-стилистические сферы речевого общения, которые в данный момент еще не включены в канон литературной речи и в систему литературных норм» («Вопросы языкознания», 1964, № 3).

Сферы речевого общения, имеющие перспективы войти в литературный обиход и утвердиться в нем, располагаются на периферии литературного языка, в точках и областях его взаимодействия с городским просторечием, социально-групповыми диалектами, территориальными говорами, профессиональной внелитературной речью и т. п. При этом важно выделить системные образования — виды и сферы речи, обслуживающие определенные группировки людей, связанных общим занятием, профессией или территорией, местом жительства, то есть оформленных социально. «Можно сказать, — писал Л. В. Щерба, — что все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накапливаются в кузнице разговорной речи... Я думаю вообще, что литературный язык меньше сам создает, чем берет созданное жизнью, а языковая жизнь бьется и кипит главным образом в разговорном языке отдельных человеческих группировок» («Русский язык в школе», 1939, № 4).

Социально-исторические процессы оказывают значительное и непосредственное влияние на языковое развитие. Новые функциональные задания литературного языка в революционную эпоху (необходимость говорить с революционными массами доступным им языком) привели к быстрому усвоению новых речевых особенностей традиционной литературной нормой.

Исследователи русских народных говоров подчеркивают важность фактора структурной близости при усвоении литературных норм носителями говоров и приходят к выводу о том, что литературный язык и говоры находятся в состоянии динамического равновесия, которое непрерывно нарушается процессом их сближения.

Общее соотношение литературности и нелитературности в пределах национального языка оказывается исторически изменчивым и зависит от разных факторов: от смены носителей литературной речи и самого литературного «образца» нормы в различные периоды, от установки речевой деятельности на «книжность» или «разговорность» в ту или иную эпоху, от изменений в структуре национального языка, от интенсивности информации, ее количества, от характера общественных дискуссий о языке, отражающих реальные процессы в их оценке самими носителями языка.

Что считать современным литературным языком? Где его хронологические и функциональные границы?

В рассуждениях и спорах по поводу хронологических рамок литературного языка нередко независимо от спорящих происходит подмена задач нормативной характеристики задачами исторического его описания.

Об этом напомнил недавно Ю. С. Сорокин в статье «О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка» («Вопросы языкознания», 1967, № 5). «В случае нормативного словаря,— пишет он,— нас интересует не то, как, когда и при каких условиях сложились современные нормы, а то, что они есть, существуют, действуют. Подход к определению современности литературного языка должен быть функциональным, качественным, а не формально-временным. Сложность определения границ лексической системы особенно увеличивается при обращении к литературному языку, сочетающему нормы и особенности живого актуального словоупотребления с исторической традицией».

В разные периоды развития общенародного языка литературный язык занимает разное место в его системе. В ранние периоды образования буржуазных наций литературным языком владеют сравнительно ограниченные социальные группировки. «Только в эпоху существования развитых национальных языков, особенно в социалистическом обществе, литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка (разрядка моя.— Л. С.) постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы» (В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху. М., 1963, стр. 15).

В идеале литературный язык рассчитан на общенародное употребление. В связи с этим для него характерна генерализация форм и категорий, даже если эти формы по своему происхождению — местные, локальные. Таким образом, выявляются две основные черты развитого литературного языка: 1) стремление к общенародности и 2) нормативность. «Понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка (как в его

письменной, так и разговорной форме)», — отмечает В. В. Виноградов. Этим двум чертам сопутствуют и подчиняются им другие характеристики национального литературного языка, в частности поливалентность, то есть степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, зависящая во многом от специфики социально-исторических условий его развития.

«При таком понимании национальный язык рассматривается не как „мешок“, куда втискиваются наряду с литературным и общенародным разговорным языком развитые социальные диалекты донациональной эпохи, но как сложная, динамическая и целенаправленная система, в которой — при ее глубоком внутреннем структурном единстве — происходит взаимодействие и взаимовлияние разных функциональных частей неравноправных по своей общественной природе и историческому назначению» (В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 77).

Периодизация истории русского литературного языка нового времени должна явиться закономерным итогом углубленного анализа характерных этапов становления и развития системы литературных норм. Объективные критерии для определения границ литературного языка могут быть выработаны лишь при опоре на достаточно большой и объективный языковой материал, характеризующий соотношение и взаимодействие сосуществующих элементов, стилистические перегруппировки в пределах литературной речи, процессы нейтрализации в ней социально ограниченных по происхождению структурных единиц и т. п.

Выработка этих критериев поможет исследователям точнее определить тенденции развития литературной нормы и указать важнейшие направления разумной языковой политики наших дней.

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Подход к проблемам культуры речи предполагает историческое, социальное и собственно лингвистическое осознание явлений нормы и литературного языка в их функциональной связи и исторической изменчивости.

Культура речи означает использование языковых средств, уместных в данной речевой ситуации. Другими словами, она предполагает владение говорящими различными функциональными стилями. Так, например, жаргонные слова и выражения в принципе неприемлемы за пределами тех ситуаций, в которых они обычно бытуют, точно так же, как неприемлем стиль научной речи в быту, нейтральные (не намеренные) диалектизмы — в литературной речи и т. п.

Решая теоретические и практические вопросы нормализации, языковеды должны учитывать разнообразие функций современного литературного языка и его структуру. Языковой пуризм, идущий обычно от охранительной тенденции, оказывается в противо-

речи с живыми потребностями литературного языка; антинормализаторство, то есть поощрение прогрессивных тенденций без учета внутриязыковых потребностей, не может служить теоретическим основанием нормализаторской деятельности лингвистов.

Общесоциологические проблемы типологии речи не должны затемнять для нас собственно нормативный ее аспект. В обычных условиях мы легко и непринужденно (в разговорной речи — автоматически) приспосабливаемся к особенностям того или иного типа речи. «Член языкового коллектива, — писал В. Н. Волошинов, — нормально никогда не чувствует гнета непрекращаемых для него языковых норм. Свое нормативное значение форма языка осуществляет лишь в редчайшие моменты конфликта, нехарактерные для речевой жизни (для современного человека — почти исключительно в связи с письменной речью)... Критерий правильности применяется нами к высказыванию лишь в ненормальных или специальных случаях (например, при обучении языку). Нормально, критерий языковой правильности поглощен чисто идеологическим критерием: правильность высказывания поглощается истинностью данного высказывания или его ложностью, его поэтичностью или пошлостью и т. п.» (Марксизм и философия языка. Л., 1929, стр. 83—84).

Среди вариантов, сосуществующих в языке, следует различать варианты в пределах нормы и варианты, из которых один нормативен, а другой (другие) — ненормативен. Поскольку накопление одних и исчезновение других языковых элементов происходит одновременно, то допустимы и неизбежны нормативные колебания, когда одна и та же языковая единица может иметь две формы. Например в произношении: более новое *дверь* наряду со старым *дъверь* или более новое *слáткий* наряду со старым *слáткый* и т. п. Обычно более новая форма вытесняет старую. «Однако не всегда можно решить, какая форма является новой и прогрессивной, а какая — старой, отмирающей. При этом не следует забывать, что не всегда появление дwoйких форм бывает вызвано борьбой старого и нового. Иногда эта двойственность возникает в результате искажения литературной нормы недостаточно грамотными людьми или в результате проникновения в язык тех или иных диалектных явлений и т. д.» (Л. Барсукевич — «Język gosiyski», 1961, № 4, стр. 7).

Практически «процент колебаний... совсем невелик» (Е. С. Истрина), перечень колебаний и вариантов нормы в современном литературном языке достаточно определен: наиболее типичные из них рассматриваются грамматиками и словарями, указаны в справочной литературе по культуре речи. Однако важны не только типичные, отстоявшиеся случаи колебаний, но и всякого рода случайности и частности, без которых невозможно охарактеризовать общую картину постепенного преодоления вариантности в литературном языке.

«Большинство минимальных искажений, остающихся в рамках нормы и не имеющих никакой функциональной значимости, не только не распространяется, но не имеет даже каких-либо шансов быть замеченными» (Э. Косериу. Синхрония, диахрония..., стр. 196).

Борьба двух норм (если она происходит) «идет двумя путями: или одна из норм вытесняется, или они функционально размежевываются; часто эти два пути сочетаются друг с другом» (М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 297).

Сложная ситуация преодоления «многонормативности» предполагает разные подходы к ее изучению и оценке. Определяющим, по-видимому, оказывается стилистический, функциональный подход. Вместе с тем в ряде случаев может быть применен метод математический: статистическая, частотная, вероятностная и т. п. оценка фактов вариантности, функционально незначимых (объективные дублиеты, варианты и т. п.).

Развитие языковых норм должно быть изучено в связи с процессами языкового развития. В осмыслении норм следует учитывать и некоторое видоизменение их (в смысле крепости, тенденций, оценок и т. п.) в разных социальных и возрастных группах, а также движение во времени у одного поколения.

Анализ развития языка позволяет конкретизировать и уточнить нормативные оценки, разграничивать «ошибочное» и новое, «отклонения» и естественные изменения.

Набор «ошибок» и «отклонений» представляет собой сложную и расчлененную шкалу языковых фактов и их оценок говорящими с позиций литературности. При этом если внутренняя градуировка на этой шкале может быть зыбка и неопределенна, формируясь по-разному для разных групп говорящих, то пограничные, предельные сигналы литературности — «лакмусовые бумажки нормы» (выражение С. И. Ожегова) — осознаются обычно вполне отчетливо. Примером могут служить такие явные признаки нелитературной речи, как *магазин* вместо *магазин*; *обратно поел* вместо *снова, еще раз*; *хочут, хотите* вместо *хотят, хотите*; *лаборатория* вместо *лаборатория*; оканье и «гэканье» (произношение щелевого г).

Давние и по-разному системно обусловленные ошибки вроде *одеть* вместо *надеть*, *крайний* вместо *последний*, *крепкое кофе* вместо *крепкий кофе* и т. п. становятся (если уже не стали) нормами обиходно-разговорной речи и в принципе могли бы со временем стать нормами литературного языка. Однако установившийся на них взгляд как на нелитературные, «ошибочные» формы — в условиях расширения и укрепления нормализации — преграждают им путь, по крайней мере в ближайшее время, в литературный язык.

Важно определить, что вызывает сопротивление говорящих, а что естественно входит в их языковую практику. Последовательный анализ таких областей нормы определит слабые точки в их системе, противоречия и столкновения обычая и субъективной по своей природе нормализации, выделит участки, не подвергаемые или принципиально не подверженные в силу чисто практических причин регламентации и нормализации.

Конфликт употребления и нормы, давление речевого обычая на нормативные предписания разрешаются часто в пользу этих тради-

ционно сложившихся предписаний — по закону социального престижа — принятого в данном обществе и в данную эпоху литературного употребления.

Важнейшая задача в кругу проблем, относящихся к культуре речи, — изучение языковых норм в их отстоявшихся формах, противоречиях и развитии. Явления нормализации, по мнению В. В. Виноградова, должны исследоваться не только в историко-результативном, но и в динамическом аспекте.

При таком подходе к вопросам культуры речи можно отграничить круг теоретических проблем нормализации от проблем и задач смежных дисциплин, в первую очередь стилистики, а также научно обосновать направление и формы разумной языковой политики наших дней. «Не надо думать, — отмечает В. В. Виноградов, — что проблема культуры языка... целиком совпадает с задачами и принципами стилистики литературной речи. Основная суть вопроса именно в том, что изучение культуры языка распространяется и на те социально-стилистические сферы речевого общения, которые в данный момент еще не включены в канон литературной речи и в систему литературных норм» («Вопросы языкознания», 1964, № 3).

Таким образом, выдвигается задача описания, изучения, теоретического обоснования форм и сфер языкового общения, традиционно не включаемых в круг литературной «языковой критики». В первую очередь это относится к нелитературным и окололитературным сферам — профессиональной речи, городскому просторечию, жаргонам, разным видам полудиалектной и междиалектной речи и т. п. Именно здесь мы вступаем в область формирования, утверждения, кристаллизации будущих литературных норм.

Позиция научной нормализации располагается между полярными точками зрения и оценками, одна из которых связана со стихийным или «научным» пуризмом, а другая — с убежденным антинормализаторством.

Нигилистическое отношение некоторых языковедов прошлого к нормализаторской деятельности в наше время можно считать в целом преодоленным. В основе взглядов советских языковедов лежит признание принципиальной возможности регулировать социальную речевую деятельность, решать теоретические и практические вопросы культуры речи и языковой политики.

Наука о культуре речи представляет собой теоретическую и практическую дисциплину, смежную со стилистикой языка и стилистикой речи, обобщающую их положения и выводы с целью живого, оперативного воздействия на языковую практику.

Л. И. СКВОРЦОВ,
зав. сектором культуры речи
Института русского языка АН СССР

В морях ли мы, в концертных залах,
но мы с собой нести должны
особый дух, особый запах
своей родимой стороны.
Он должен быть в труде бессонном,
в походке, взгляде, кулаке
и в настоящем — не бесполом
живом и разном языке.
В нем сосен шум, в нем вишни дышат,

и мне светло и хорошо
«Ты чо?» сибирское услышать
и украинское «Ты що?»
Не надо охать или ахать:
«Ах боже мой, какой акцент!».
А надо окать, надо акать —
рабочий ты или доцент.

Евг. Евтушенко. Откуда вы?

Года три назад мне поручили написать ответ на письмо И. Каменева из Ельци (письмо было прислано в Институт русского языка АН СССР «Литературной газетой»). Поводом для выступления И. Каменева послужила статья профессора В. Г. Орловой «Русские народные говоры», опубликованная в журнале «Наука и жизнь» (1965, № 3). Внимательно прочитав эту статью, И. Каменев обнаружил, что диалектологическая карта русского языка все еще «пестра и разноцветна». Опираясь на собственные наблюдения, автор письма справедливо замечает, что «диалекты эти легко воспринимаются молодежью, школьниками, они удивительно живучи, стойки». Основную мысль этого письма можно определить как взволнованный призыв человека, искренне заинтересованного в судьбе родного языка, к «решительному наступлению» на диалекты.

Нужно сказать, что точка зрения И. Каменева весьма распространена. Именно поэтому мы и сочли возможным свой ответ направить в научно-популярный языковедческий журнал «Русская речь» и придать тем самым ему широкую гласность.

Тревога И. Каменева и его единомышленников за судьбу и культуру русской речи понятна. Мы разделяем многие их мысли и соображения. Действительно, диалектная речь занимает обширное пространство на всей территории распространения русского языка, ею пользуются как сельское население России, так и жители многих городов. Всем ясно, что надо повышать культуру языка и в деревнях и в отдаленных от центра районах вести языковую пропаганду среди носителей диалектной речи, приобщая их к литературному языку. Однако нельзя недооценивать всей сложности проблемы.

Для исконного населения деревень местный говор прежде всего родной язык. Им человек владеет наиболее глубоко и, если так можно выразиться, наиболее интимно. Это в первую

очередь относится к произносительной, фонетической стороне речи. При освоении первых звуков органы речи ребенка складываются (артикулируют) так, как это происходит у того, кому он в самых начальных речевых попытках своих подражает (в первую очередь это родители и воспитатели). Артикуляционные навыки очень сильны, перестроить их удается, но далеко не

«Не кажется ли работникам культуры и просвещения, ответственным более чем кто-либо за чистоту русского языка и русской речи, что процесс изжития местных диалектов в русском языке слишком затянулся? Ведь мы живем в двадцатом веке. А в век космоса и кибернетики конечно же должны быть применены соответствующие способы и методы, могущие очистить и окончательно объединить наш великий могучий русский язык».

(Из письма И. Каменева, г. Ельня)

всем и не во всё. Очень многие подлинны мастера слова, например писатели, всю жизнь сохраняют местные черты своего произношения. М. Горький огаел, М. Шолохов уакает, то есть произносит протяжное (фрикативное) «г», близкое к аналогичному звуку украинского языка, А. Твардовский акает не так, как принято в литературном языке, а как его земляки-смоляне.

Некоторые наиболее устойчивые черты родного говора могут сохраняться у человека даже в тех случаях, когда он с детства общается с носителями литературного наречия.

В речи того или иного человека сильно сказывается влияние местного говора, диалекта. В нашей области это можно наблюдать повсеместно, даже у людей образованных. Досадно, что усилия школы, направленные на преодоление диалектных особенностей в речи детей, не всегда находят поддержку среди взрослых. А иногда люди старшего поколения, признавая за образец только свою речь, даже противодействуют распространению литературных норм языка.

Вот характерный факт, о котором рассказал один наш студент. Находясь на практике в сельской школе Великолукского района, он однажды спросил учеников, почему они дома не говорят так, как в школе. Один из них ответил:

— Я пытался и дома говорить, как в школе, но мама сказала: „Не придуривайся!“.

(«Псковская правда», 2 ноября 1967)

Общее развитие культуры, радио, кино, школа, прочно вошедшие в жизнь сельской местности в советское время, уже во многом сгладили говоры русского языка, породили разницу в речи старшего поколения деревни и молодежи. Сближение народных говоров и литературного языка создает новый, переходный вид речи — полудиалект. На полудиалекте говорят жи-

тели районных, а иногда и областных городов. Окончательно освободить говорящего от местных речений может только время, смена поколений.

Активную роль в освоении литературного языка призвана сыграть школа. Но вопросам речевой культуры программа отводит не так уж много места и борьбе с диалектизмами — еще меньше. Здесь многое зависит от инициативы и профессионального мастерства самого учителя, а большинство сельских учителей — выходцы из этих же самых деревень и сел. Речь их самих не до конца свободна от диалектных особенностей. Вот несколько фраз, взятых из речи учителей прямо на уроках:

«Соедините *узги* квадрата» (узги — ‘углы’), «когда окунь *гъмет* он, он выметывает много икринок» (гъмет — ‘испражняться’), «стери *ладбм* с доски» (ладбм — ‘как следует’), «гнездо корюшки напоминает *мордбвку*, знаете, рыбу ловят» (мордбвка, морда — ‘рыболовная снасть’), «у *кâлеги*, свеклы и моркови *лычей*» (кâлега — ‘брюква’, лычей — ‘лист’), «*кислйца* на лугах растет» (кислйца — ‘щавель’) (Л. И. Горева. — «Очерки по русскому языку». Т. 1. Киров, 1962, стр. 12). Естественно, в такой «ситуации» учителю трудно уследить за речью ребят. А если и встречаются словесники-энтузиасты, затрачивающие много усилий для преодоления местных языковых особенностей у своих учеников, то работа их часто не имеет достаточной отдачи: ведь вне школы ребенок находится в окружении людей, говорящих на диалекте.

Пропаганда речевой культуры через прессу, лекции и, особенно, радио пока ещё организована слабо. А между тем по телевидению и радио можно было бы вести не только уроки иностранных языков! Даже одно привлечение внимания к речи дикторов Центрального радио могло бы принести большую пользу для самоконтроля и самонаблюдения...

Несколько слов по поводу одного довольно распространенного мнения. Оно отражено и в письме И. Каменева, который вполне определенно и без тени двусмысленности пренебрежительно называет диалектную речь «сорняками русского языка».

Действительно, многие свойства народных говоров вступают в противоречие с нормами литературного языка, тем не менее видеть в проявлениях местной речи «сорняки» неверно. В. Г. Орлова в той статье, которая, по собственному признанию И. Каменева, привела его в волнение и побудила к размышлениям о русском языке, показала, что местный диалект, говор — это иной вариант русского языка, вариант территориальный в отличие от литературного, общенародного. В. Г. Орлова подчеркнула также, сколь важны местные говоры для истории языка, для истории всей нации. Хотелось бы подчеркнуть одно высказанное в этой статье положение.

Русские говоры, в общем-то очень близкие к литературному языку (в отличие, например, от немецких говоров и немецкого

литературного языка), всегда были, есть и, по-видимому, еще очень долго будут бесценным источником обогащения литературного языка. Недаром целые пласты различных терминологий русского языка целиком взяты из народного языка (например терминология ткачества). Без местных слов не может обойтись пишущий о деревне, сельском хозяйстве, сельском населении — будь это художественное произведение или публицистический очерк. Почитайте, к примеру, повесть Василия Белова «Плотницкие рассказы» в журнале «Новый мир» (1968, № 7) или напечатанную в «Литературной газете» (31 января 1966) статью Б. Можаяева «Уважение к земле».

В одних случаях диалектизмы помогают художнику создать местный колорит в повествовании, раскрыть и ярче показать характеры своих героев, в других — местными словами нередко называются такие предметы и понятия сельской жизни, для которых нет наименования в литературном языке. Так, Б. Можаяев использует местные названия растений (белокопытник, сусак, медвежина и др.), которым только специалист по ботанике сможет подобрать литературный эквивалент. Скорее всего это будет номенклатурное название на латинском языке. Нетрудно представить, как бы выглядела такая газетная статья!

В наше время, когда на страницах местной печати освещаются самые различные стороны общественно-экономической и культурной жизни всех областей и краев, местные слова широко используются как этнографические названия. Это еще один путь, по которому диалектные слова приходят в литературный язык. Например, за сравнительно короткий срок общеупотребительными стали такие диалектные слова, как *сопка*, *падь*, *распадок*.

Итак, народная речь — явление сложное и многоплановое. И хотя во многом она не схожа с литературным языком, нельзя забывать ее достоинств. Русское народное слово — свежее и образное — всегда находит защиту именно у тех, для кого писать — это профессия. Не могут к нему остаться равнодушными все любители родной речи.

Вот что говорит Лев Успенский в своей много раз переиздававшейся книге «Слово о словах»: «...неумно относиться к областным говорам с насмешкой и презрением (что тоже иной раз бывает). Областной говор не искажение общерусского языка; это запасное отделение той же великой сокровищницы нашего словарного фонда. И кто знает, какие еще удивительные находки может сделать в нем внимательный и чуткий наблюдатель».

Преодоление местных особенностей речи — процесс сложный, он требует времени. Ведь переход с диалекта на литературный язык — это фактически, в очень многих звеньях, переход с одного языка (пусть и очень близкого!) на другой. И здесь невозможно декретирование.

Т. С. КОГОТКОВА

Нет, пожалуй, в русском языке другого слова, правила произношения которого вызывали бы среди говорящих такие разногласия, как глагол *звонить*. Произношение его в обычных речевых ситуациях

Кто это звонит?

Вы мне позвоните завтра?

Вы куда звоните?

часто оценивается по-разному.

Среди спорящих всегда находятся сторонники «правильного произношения» (рекомендуемого нормативными словарями), стоящие за произношение *звонят, позвоните, звоните*, и те, кто оспаривает правомерность нормы на том основании, что большинство людей говорят иначе. Типично в этом отношении письмо Я. М. Говорухо из

Костромы в редакцию журнала «Русская речь». «В разговорной речи, — пишет он, — я постоянно допускаю — с точки зрения лингвистов — одну ошибку. Ту же „ошибку“ [речь идет о произношении *звоните*. — В. В.] я слышу очень часто и в речи других людей, вполне культурных, образованных, отнюдь не безразличных к тому, правильно ли они говорят вообще. Видимо, они, так же как и я, просто не согласны с лингвистами и эту, якобы, ошибку ошибкой не считают». «Почему же, — спрашивает тов. Говорухо, — лингвисты на слово *звоните* наложили такое строжайшее вето, объявляют его каким-то заклятым табу?».

В самом деле, почему?

Слово *звонить* принадлежит к большой группе глаголов на *-ить*, объединяющей по ударению три типа глаголов: 1) ударение всегда (во всех формах) падает на определенный (один и тот же) слог основы: бараба́нить, бараба́ню, бараба́нишь и т. д.; 2) ударение также постоянно, но всегда падает на конечный гласный: пы́леть, пы́лю, пы́лишь и т. д.; 3) ударение подвижно: падая на конечный слог в неопределенной форме и первого лица единственного числа, оно передвигается на предшествующий слог во всех остальных личных формах: носы́ть, носу́ — но́сишь, но́сит, но́сим, но́сите но́сят. (В словарях обычно для краткости указывается только первая из форм с передвинутым ударением.)

Первые два типа включают очень большое количество слов и представляют собой, как говорят лингвисты, открытый ряд: так образуется масса новых слов, поэтому исчислить состав этих групп

практически невозможно. Глаголов третьего вида сравнительно не много, и все, — как правило, слова старого образования, издавна известные в русском языке.

Тот факт, что глаголы на *-ить* подразделяются на разные акцентные типы, обуславливает возможность смешения некоторых из них по произношению, переход из одного акцентного типа в другой. Лингвистами отмечено, что переходы эти не случайны и не хаотичны, а определенным образом «направлены», то есть среди них преобладает один определенный тип. Это как раз та перемена ударения, которая представлена и в слове *звонить*: замена конечного ударения подвижным.

Многие глаголы, которые мы употребляем теперь с подвижным ударением, в прошлом веке еще имели конечные ударения как литературную норму: трудиться, трудисься, варить, варишь, косить, косишь и т. д. Например, у Крылова:

И не диковинка, мой свет!
Трудисься много ты, да пользы в этом нет
Обезьяна

Вот ваши сестры как хотят,
А ведь Ворон ни жарят, ни варят

Ворона и Курица

В глаголах *дружить*, *дарить* и некоторых других ударение изменилось сравнительно недавно, уже в наше время. Во многих глаголах оно колеблется сейчас, при этом в некоторых из них подвижное ударение признано допустимым литературным вариантом наряду с традиционным конечным, в других оно квалифицируется как ошибочное. К числу таких глаголов относится и глагол *звонить*.

Часто бывает трудно объяснить, почему изменению подверглось произношение именно этого слова. Причин бывает обычно несколько. Можно заметить, что наряду с причинами чисто лингвистического характера (словообразовательно-акцентные связи) большую роль здесь играет сфера употребления того или иного глагола. Слова с узким употреблением, известные преимущественно в пределах литературной книжной речи, обычно устойчиво сохраняют традиционные нормы произношения. В глаголах, широко употребительных в профессиональной, разговорной речи нормы изменяются чаще.

Особенно быстро этот процесс проходит в том случае, если традиционная норма в данном слове не была почему-либо устойчивой или если она на какое-то время оказалась забытой из-за резко возросшей употребительности слова.

В таком случае живые тенденции языка развиваются значительно быстрее. Именно это произошло с глаголом *звонить*. В современном значении 'говорить по телефону' оно вошло в употребление в начале XX века, конкурируя с ранее известными *телефонить* и *телефонировать*, различавшимися в свою очередь зоной употребления. «Телефонить, — отмечал во всяком случае Л. Успенский, — слово, издавна характеризовавшее в глазах петербуржца довоенно-

го периода неправильность московского жаргона (петербуржен телефонировал)» (Пять искусств. Л., 1928).

С развитием телефонной связи глагол *звонить* получил очень широкое распространение в разговорной речи. В соответствии с живой языковой тенденцией (замена конечного ударения подвижным — явление очень распространенное) начинается известное «акцентное перерождение» этого глагола. Традиционное литературное произношение — *звоню́, звони́шь, звони́т* и т. д., установившееся по отношению к глаголу *звонить* «подавать сигналы звонком» и перенесенное на него в новом значении, конкурирует здесь со *звоню́, звѐннишь, звѐнит* и т. д.

Однако в данном случае только этой сферой речи названное акцентное изменение и ограничивается, оно не проникает (или почти не проникает) в строгую литературную речь. *Звонить* занимает совершенно особое положение в ряду других глаголов, аналогично переменивших ударение: *да́рить, дру́жить, грузи́ть* и т. п. употребляющихся с ударением *да́ришь, дру́жишь, грузи́шь*.

Оценивая те или иные языковые новшества и устанавливая нормы, языковеды не могут и не должны исходить только из факта их широкого распространения. Важно учитывать и то, в каких языковых сферах эти новшества распространены: только ли в разговорной речи или и в литературной. Устанавливая приносительные нормы, лингвисты имеют в виду именно область строгого литературного языка и ориентируются, естественно, на образцы, его представляющие: речь мастеров художественного слова, произведения писателей. Если то или иное языковое новшество проникает и сюда, то следует говорить о нем как о литературной норме или допустимом литературном варианте — в зависимости от степени его распространения.

О глаголе *звонить* этого сказать нельзя. Например, в поэтической речи, которая является для лингвистов важным материалом для определения акцентных норм, вариант *звѐннишь, позвѐннишь* встречается сравнительно редко, чаще всего у поэтов, которые допускают и другие отступления от нормы. Иными словами, ударения *звѐнит, позвѐнит, звѐните*, хотя и распространенные в разговорной речи, пока не приняты литературным языком.

Почему же *звонить*, стоящее в ряду многих других глаголов, изменивших ударение подобным образом, осталось «особняком стоящим»? Очевидно, мы имеем дело здесь с одним из случаев, когда тот или иной факт, хотя он и не противоречит языковой логике, не удерживается потому, что на данном этапе развития литературной речи отвергается языковым коллективом.

В языке всегда, в каждый период его развития, есть слова, типы произношения, ударения, которые являются, по выражению профессора С. И. Ожегова, своеобразными «лакмусовыми бумажками», определяющими степень владения литературными нормами. Ошибки в таких словах налагают определенный отпечаток на всю речь и даже личность говорящего. «Мы можем сколько

угодно доказывать себе и другим,— писал К. И. Чуковский в книге „Живой как жизнь“,— что то или иное слово и по своему смыслу, и по своей экспрессии, и по своей грамматической форме не вызывает никаких нареканий. И все же по каким-то особым причинам человек, который произнесет это слово в обществе образованных культурных людей, скомпрометирует себя в их глазах. Конечно, формы словоупотребления чрезвычайно меняются, и трудно предсказать их судьбу, но всякий, кто скажет, например, в этом году *выборá*, сразу зарекомендует себя как человек не очень высокой культуры».

Ударение *звóнит, позвóнит* сразу попало в поле зрения общественно-лингвистической оценки, сделалось очевидной неправильностью, что препятствовало и препятствует проникновению его в строгую литературную речь. У языковедов, по наблюдаемым ими фактам, нет оснований для рекомендации этого ударения в качестве литературной нормы. Отвергая на современном этапе развития русского литературного языка ударение *звóнит, позвóнит*, лингвисты исходят из объективных языковых данных. Упорство их не случайно, а использование права вето вполне закономерно.

В. Л. ВОРОНЦОВА

Хроника

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ

(Окончание. Начало см. на стр. 2)

единому плану. Ведь все согласны с тем, что это проблема очень сложная, включающая, кроме собственно языковедческих, вопросы психологии и, главное, социологии.

Отсутствие широких исследований приводит к тому, что дискуссии по проблемам русской разговорной речи подчас проходят без достаточной степени доказательности. Одни рассматривают разговорную речь слишком узко как особый литературный язык. Другие считают, что ее границы с диалектами, жаргоном весьма зыбки и подвижны.

Трудно установить также степень взаимовлияния разговорной речи и языка радио, телевидения и в какой-то мере газет, журналов, литературы вообще. Изучение русской разговорной речи осложняется еще и тем, что в ней наблюдаются явления, присутствующие в разговорной речи других языков

мира. Они получили название разговорных универсалий.

Наконец, разработка проблем русской разговорной речи затрудняется отставанием изучения речи вообще (не в языковой системе, а в потоке). Проблемы названия, конструирования предложений (а не их грамматического разбора!), построения сверхфразовых единств при изложении сложных мыслей, проблема индивидуального в речи не изучены достаточно не только на материале разговорной речи, но и ни на каком другом материале.

Если иметь в виду все сказанное, то станет понятно, почему большинство докладов на конференции в Саратове касалось только наиболее «близких», доступных вопросов. Это статистика классов слов в разных стилях по сравнению с разговорной речью, особенности синтаксиса, интонационно-ритмическая организация разговорной речи и т. п. Таким образом, мы, к сожалению, еще очень далеки от полного грамматического и словарного описания русской разговорной речи. А ведь такое описание важно иметь не только современному ученому, но и языковедам будущих поколений.

П. Н. ДЕНИСОВ

О грамматике разговорной речи

Все дети до школы обучаются грамматике разговорной речи матери и той среды, к которой принадлежит мать. Школьники изучают общую грамматику русского литературного языка. Но грамматика разговорной речи матери так глубоко усваивается детьми, что пережиточно в той или другой мере она дает себя знать и позже, даже при хороших знаниях русского литературного языка. Поэтому с точки зрения и теоретической и практической полезно было бы составить грамматики русской разговорной речи — литературной и диалектной. При составлении их не следует придерживаться грамматики письменного языка.

Исследование частей речи и предложений необходимо проводить в рамках вопроса и ответа, в рамках того или другого вида разговора, того или другого вида диалога, той или другой ситуации. При этом можно будет по-новому осветить и части речи и предложения.

Так, местоимения играют большую роль в разговорной речи и по частоте занимают первое место после существительных (20,2 процента).

Если в основу классификации местоимений положить вопросно-ответную функцию разговорной речи, то все их можно разделить на вопросные и ответные. По характеру ответа можно выделить определенные и неопределенные местоимения. В свою очередь местоимения определенные можно разделить на утвердительные (положительные) и отрицательные. Вопрос и ответ представляют собою единство, в системе которого и раскрываются основные функции частей речи. Местоимения в рамках вопроса и ответа разговорной речи выполняет функцию, похожую на ту, какую в алгебре выполняют переменные символы X и Y .

В разговорно-литературной речи преобладающее место среди местоимений занимают книжные и пережиточно продолжают существовать диалектные. В разговорно-диалектной речи наоборот: господствующими являются диалектные и в той или другой степени, в зависимости от приобщения к культуре, книжные.

Местоимения как в разговорно-литературной, так и в разговорно-диалектной речи отличаются не только наличием тех или других формальных и функциональных особенностей, но также частотой употребления и числом произносительных вариантов. Вариантность в произношении присуща не только диалектно-разговорной речи, но, к сожалению, и литературно-разговорной, включая речь артистов, писателей и преподавателей.

Классификация местоимений по социально-речевой функции вопроса и ответа отличается простотой и логической прозрачностью.

Местоимения неопределенные и отрицательные по своему строению те же вопросительные, но осложненные постпозитивными и препозитивными частицами: кто — кто-либо, что-либо, никто.

В разговорно-диалектной речи составные неопределенные местоимения употребляются не так, как в литературно-разговорной: 1) отличается их структура: частица *нибудь* употребляется в усеченной форме — *кой-ниб*, а частица *либо* с предельно ослабленным звуком [о] — *какой-либ*; 2) встречается двойное произношение частицы *либо* — *либо-либб* и двойное употребление этой частицы — *либ-какой*, *какой-либ*; 3) одни местоимения употребляются в значении других: *никто* 'некто', *кого* 'что' (Кого мы будем есть?), *чего* 'что', 'почему'; 4) отсутствуют или редко встречаются такие местоимения книжной речи, как *который-либо*, *который-нибудь*, *который-то* и др.; 5) функцию частиц *либо*, *нибудь* выполняли и продолжают выполнять *ни есть*, *ни на есть*, *ни на будь*, *ле*, *ли*: *какой ни есть*, *какой ни на есть*, *какой ни на будь*, *каку ли*, *каку ле* (Каку ли песенку запоем, чуешь како ле невзгодушку); 6) функцию составных неопределенных местоимений выполняли и продолжают выполнять вопросные по форме местоимения: а) в составе предложений условных, особенно после *если* (Если кто позовет, кликни; Если ты найдешь кого, то спроси); б) в составе вопросительных предложений (Не случилось ли чего? Не будет ли каких деньжонок?).

Местоимения в неразрывной связи с вопросительной интонацией играют ведущую роль в построении и оформлении вопросительных предложений. В ответе им соответствуют существительные или местоимения.

Местоимения при наличии соответствующей интонации в сочетании с существительными выступают как восклицания, выражающие возмущение, восхищение и другие чувства (Какая ночь!).

Роль местоимений особенно заметно проявляется в построении и оформлении сложноподчиненных предложений, где они выступают как союзные слова (связки), подчиня придаточные главному (Ты в дорогу все взял? — Взял все, что нужно). В разговорно-диалектной речи сложноподчиненные предложения встречаются только в поговорах.

В построении и оформлении предложений разговорной речи наряду с местоимениями играет значительную роль ритмико-мелодический строй речи (зависящий от оттенка речи, от повышения и понижения тона во время произношения, от тембровой окраски...), который, к сожалению, до сих пор не изучен.

Профессор
В. Ф. ЧИСТЯКОВ
Воронеж

О будущем сопоставительном

При анализе употребления грамматических форм, в частности форм времени, возникает ряд вопросов: как видоизменяется (конкретизируется, обогащается) грамматическое значение формы под влиянием контекста; как взаимодействует форма с окружающими ее словами; каковы смысловые и синтаксические и стилистические условия употребления формы.

К этой общей проблематике относится и тот частный вопрос, который рассматривается в настоящей статье.

Речь идет о таких случаях:

«Он [Погодин] был ужасно раздражен против Гоголя. Впоследствии докажет это его письмо к нему и ответ Гоголя» (Аксаков. История моего знакомства с Гоголем);

«Румыны... ни слова не знали по-русски. Только один из них мог с трудом выговорить и понять: товарищ, здравствуйте, спокойной ночи. (Через несколько лет они будут говорить по-русски безупречно и без акцента.)» (Солоухин. Мать-мачеха).

Перед нами одна из разновидностей относительного употребления времени. Здесь в отличие от абсолютного употребления время действия определяется с точки зрения времени другого действия или какого-либо момента, помимо момента речи. Сопоставляются две временные плоскости: плоскость будущего и более ранняя, служащая исходным пунктом для сопоставления. Это чаще всего прошедшее время или настоящее историческое. Говорящий (пишущий) как бы покидает ту позицию, с которой он обычно оценивает время действий, — момент речи — и занимает иную позицию для временной ориентации. Он рассматривает последующие события как будущие: «Так безжалостно расправился А. Н. Толстой со своим первым литературным детищем... [здесь представлено прошедшее время с точки зрения момента речи, в дальнейшем происходит сдвиг временной ориентации: автор переносится в прошлое, и отсюда, «из прошлого» последующие дейст-

вия представляются ему будущими]. Пройдут долгие годы, прежде чем писатель окончательно преодолает влияние своих литературных наставников...» (Гуренков. Без России жить нельзя). Переход от абсолютной временной ориентации к относительной создает противопоставление двух временных плоскостей.

Рассматриваемый оборот был отмечен А. М. Пешковским (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956), однако в других работах как общего, так и специального характера долгое время не упоминался. В 1961 году вышла интересная статья А. Н. Гвоздева «Об одной разновидности относительного употребления будущего времени» («Вопросы культуры речи». III). Здесь описывается ряд вариантов будущего сопоставительного (самый термин введен А. Н. Гвоздевым), отмечается экспрессивность и жанровая ограниченность этого оборота. Указанная статья, однако, не исчерпывает всех вопросов, связанных с будущим сопоставительным. Мы попытаемся дополнить наблюдения А. Н. Гвоздева некоторыми фактическими данными и соображениями.

Можно выделить два основных типа будущего сопоставительного: а) «собственно временной» (примеры были приведены выше), б) модальный.

В первом случае действие, представленное в качестве будущего, столь же реально, как и «исходное». Один факт выступает как будущий по отношению к другому, но оба они относятся к реальной сфере прошлого. Существенный признак этого типа — возможность замены будущего времени прошедшим или настоящим историческим. В приведенных выше примерах: *был раздражен... впоследствии докажет [доказало] это его письмо; ни слова не знали по-русски... через несколько лет они будут говорить [говорили] по-русски безупречно*. Еще пример: «Здесь скажется то, что впоследствии сделается [ср.: сделалось] стилистическим принципом писателя...» (Холшевникова. «Чтобы читали и дети, и взрослые...»). В результате подобных замен сопоставление, контраст двух временных плоскостей исчезает, и оба действия (или обе группы действий) укладываются в одной плоскости прошедшего времени или настоящего исторического.

Модальный тип будущего сопоставительного характеризуется тем, что действие представлено как предпологаемое, возможное, неизбежное, но не как реальное. Например: «Волны хлестали в борт лодки — вот-вот опрокинут» (Шишков. Угрюм-река); «Речка надувается и темнеет; она уже проснулась и не сегодня-завтра заревет» (Чехов. Весной). Сопоставление двух временных плоскостей в таких случаях сопровождается «модальным сдвигом»: реальное сопоставляется с ирреальным. Существенный признак этой разновидности — невозможность простой замены будущего времени прошедшим или настоящим историческим (нельзя сказать: вот-вот опрокинули; проснулась и не сегодня-завтра заревет). Примечательна другая возможность: в большинстве случаев вместо будущего времени можно употребить (оставляем в стороне затруднения стилистического характера) модальные сочетания. Например: вот-вот могут опрокинуть; проснулась и не сегодня-завтра может (должна) зареветь.

Рассмотренные разновидности будущего сопоставительного различаются в сфере их употребления. Правда, обе они используются в художественной повествовательной прозе, но первая, кроме того, встречается в литературоведческих работах, биографиях и т. п. В художественных произведениях вторая разновидность выступает не только в авторском повествовании, но и в речи персонажей. Таким образом, первая относится лишь к книжно-литературной речи, вторая охватывает и разговорную.

Во всех имеющихся в нашем распоряжении примерах сопоставление плоскости будущего и исходной временной плоскости осуществляется не только глагольными формами времени, но и другими языковыми средствами.

Лексические средства контекста (чаще всего это обстоятельства времени) обычно непосредственно указывают на будущее.

а) При помощи слов *вот-вот*, *скоро*, *сейчас*, *того и гляди*, *не сегодня-завтра* и т. п. выражается значение ближайшего, непосредственно предстоящего будущего. Особенно это характерно для модального типа будущего сопоставительного. Помимо приве-

денных уже примеров см. следующие: «Солнце на горизонте уже целуется с землей, побегрело и скоро спрячется» (Чехов. Рано!); «К середине апреля всухля и замутились речушки... Скоро пойдут щуки на икромет, начнет нереститься окунь...» (Шагибин. Ранней весной); «Скорость падает... Вот-вот самолет коснется бетона, но вдруг резко поднимает нос и отходит от земли» (Ильюзин. В небесах и на земле).

б) Иногда в контексте содержится указание на значительный временной интервал между сопоставляемыми действиями. Это характерно для собственно временного типа: «С тех пор он возненавидел железную дорогу на всю жизнь... Много лет спустя, когда его станут спрашивать: „Как она там, Сибирь-то?“, он ответит всем одинаково: „Куды ни поезжай — железная дорога, конца-краю нету“» (Теидряков. Чернозем); «...Мир славяно-монгольской Азии ...вдруг вставал перед ценой и заставлял задумываться о себе. Впоследствии, через много лет, в годы Великой Отечественной войны, мотивы блоковских „Скифов“ не случайно возникнут именно у Ахматовой» (Павловский. Анна Ахматова).

в) В контексте содержится указание на отнесенность действия к будущему, но не подчеркивается ни близость его, ни отдаленность. Это характерно для обоих типов будущего сопоставительного: «...И накопилось у меня денег больше четырех тысяч. Вот ладно. Прибежал казенный пароход, через неделю назад уйдет» (Шишков. Угрюм-река); «В торфе, во мхах выгорали глубокие ямы. По весне в них будет собираться вода, и леса неизбежно превратятся в непроходимые горелые болота» (Соколов-Микитов. На своей земле); «...Тюк-тюк-тюк... — слышится то в саду у Володи Постнова, то у Пеньковых под ветлой... Завтра в серых, туманных сумерках, до свету, дпочкой уйдут косцы в луга и, вздрогнув и осыпав с себя росу, упадут красивые травы» (Солоухин. Капля росы).

Контекст не указывает непосредственно на отнесенность действия к будущему, но он так или иначе уточняет, конкретизирует временную характеристику действия, определяя его длитель-

ность или конечный предел его протекания. В сочетании с глагольной формой такая характеристика подчеркивает сопоставление двух временных плоскостей: «На реньях сидели щеглы. Так они будут сидеть целый день...» (Бунин. Последнее свидание); «Многие из деревьев мертвы: они стоят над лесом, растопырив свои узластые голые сучья-руки, и дятлы барабнят по их мертвому телу. И еще долгие годы будут стоять так голые лесные великаны...» (Соколов-Микитов. Теплый дождь).

В таких случаях в будущем продолжается то же действие, которое совершалось в прошлом или представлено в плане настоящего исторического (сидели... — так они и будут сидеть; стоят... — и еще долгие годы будут стоять).

Указание на более позднюю временную плоскость может вытекать из смысла определенных элементов контекста, предполагающих знание относительного расположения во времени каких-то фактов действительности: «В черновых тетрадах середины семидесятых годов Достоевский записывает ряд планов, которые будут разрабатываться в „Братях Карамазовых“» (Гроссман. Примечания к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).

Итак, сопоставление двух временных плоскостей достигается не только глагольными формами разных времен, но и другими элементами контекста. Эти элементы являются необходимым и активным средством, при помощи которого осуществляется сдвиг временной ориентации. Сама по себе глагольная форма обычно оказывается недостаточно сильной для того, чтобы произвести этот сдвиг — она нуждается в поддержке со стороны лексических средств контекста. Резкая перемена способа представления времени событий требует совместного участия и взаимодействия грамматических форм времени и лексических показателей временной отнесенности действия.

Сопоставление действий во времени обычно связано с их сопоставлением в каких-то иных отношениях. Рассматриваемый оборот, помимо чисто временной функции, характеризуется специфической смысловой нагрузкой, относящейся к самому со-

держанию высказывания. Она может служить мотивировкой временного сопоставления, его содержательной основой. Рассмотрим несколько случаев, относящихся к собственно временному типу.

а) Сопоставление временных плоскостей основано на противопоставлении событий (вчера было одно, а завтра будет нечто другое и т. п.): «„А. Ф. готов был придумать специально для меня министерство, но, слава богу, не придумал“. Это Савинок напишет гораздо позже, когда Керенского уже не будет в России, а сам он найдет временное пристанище в Варшаве. Но тогда — летом семнадцатого — Савинок становится одним из самых близких и самых надежных помощников Керенского и управляет его военным министерством» (Ардаматский. Возмездие).

б) Сопоставление связано с уподоблением или частичным сближением событий, относящихся к разным временным плоскостям: то, что происходило раньше или происходит теперь, будет происходить и в будущем (или наоборот: то, что будет, есть уже сейчас или было в прошлом); «Что же, Джиоконда осуждена улыбаться даже в такие минуты! Она будет улыбаться и потом, когда по приговору военного трибунала ее возведут на костер» (Солоухин. Открытки из Вьетнама); «Яркие краски, переливы драгоценных камней, чем будет так часто любоваться Державин в своих более поздних стихотворениях, привлекают его внимание уже в оде 1773 года» (Западов. Державин).

в) Сопоставление действий во времени сопутствует подчеркиванию переломного, особенно значительного момента в развитии событий: что-то произошло, и это определяет все последующее — все, что будет отныне (нередко и навсегда, на всю жизнь и т. п.). Например: «Известие о смерти матери, тяжело им пережитое, рвет последнюю связь с городом детства — Киевом. Отныне Булгаков навсегда останется в Москве, привыкнет к ней и полюбит такой, какой впервые встретил...» (Лакшин. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом); «И здесь Федор подписал свою фамилию... Эту первую статью Федор будет потом помнить всю жизнь, он не забудет даже запаха типограф-

ской краски той газеты» (Тропольский. Чернозем).

г) Будущее сопоставительное связано с попутным замечанием, представляющим собой отвлечение от главной линии повествования. Основываясь на каком-то факте, имени и т. п., говорящий (пишущий) как бы на мгновение заглядывает вперед, предсказывая будущее, а затем вновь возвращается к основной нити рассказа: «Из Дрездена, от Антона Григорьевича Рубиштейна (старый учитель лишь на год переживет своего ученика) пришла телеграмма» (Холодковский. Дом в Клину).

д) Иногда оборот приобретает функцию специфического средства «повествования в будущем». Перед нами выступает уже целый отрезок рассказа с позиций прошлого о предвосхищаемом будущем. Автор подчеркивает контраст между своим взглядом на события, которые ему уже известны и точкой зрения действующих лиц, которые еще ничего не знают о том, что их ожидает: «...Синцов... не знал, что через сутки Мишка не будет в Москве и не будет говорить с Машей, потому что его смертельно ранят еще утром, под Чаусами, пулеметной очередью с немецкого мотоцикла. Эта очередь в нескольких местах пробьет его большое, сильное тело, и он, собрав последние силы, заползет в кустарник у дороги и, истекая кровью, будет застывать пленку со снимками немецких танков...» [далее продолжается аналогичный ряд событий] (Симон. Живые и мертвые).

Несколько замечаний о синтаксических условиях, в которых выступает интересующий нас оборот.

а) Будущее сопоставительное может употребляться в самостоятельном предложении: «...Тут же, когда хозяева дров начали их пилить и колоть, мы невольно учились обращению с топором и пилой. Сейчас врежется пила в дерево — и брызнут на последний голубоватый снежок... опилки» (Солоухин. Капля росы). (См. также многие из приведенных выше примеров.)

б) Будущее сопоставительное может входить в состав того же сложного или простого предложения, в котором выступает форма, представляющая исходный пункт сопоставления.

3 Русская речь, № 4

Будущее сопоставительное и «исходная» форма могут быть однородными сказуемыми или сказуемыми разных частей сложносочиненного предложения: «Телушка эта мирно паслась возле ограды, но хлопцы раздражили ее до того, что она погналась за одним и вот-вот его догонит!» (Шолохов. Поднятая целина); «Так или иначе, но в университете Булгаков учится сосредоточенно, терпеливо, — и ему никогда не придется об этом пожалеть» (Лакшин. О прозе Михаила Булгакова и о нем самом).

Будущее сопоставительное может выступать в придаточной части сложноподчиненного предложения. Например, в предложении с придаточным определительным: «...Манилов увел своего приятеля в комнату. Хотя время, в продолжении которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяйне дома» (Гоголь. Мертвые души).

В заключение отметим свойство факультативности, необязательности, присущее будущему сопоставительному, и прежде всего собственно временной его разновидности (у модального типа это свойство проявляется в меньшей степени, поскольку замены будущего времени модальными сочетаниями, как мы уже говорили, весьма ограничены стилистически). В целом ряде случаев возможность употребления будущего сопоставительного не реализуется: «С утра в тишине квартиры, в большом, отличном доме на Малой Молчановке, уже стрекотала в те годы машинка под рукой Толстого, как стрекотала [могло бы быть *как будет стрекотать*] она затем на Ждановской пабережной в Ленинграде, в Детском селе, и снова в Москве...» (Лидин. Люди и встречи). Отказ от будущего сопоставительного вполне закономерен. Рассматриваемый оборот уместен лишь как редкое вкрапление в ткань повествования. Соблюдение меры в использовании этого языкового средства — необходимое условие, при котором может проявиться его стилистическая выразительность.

Доктор филологических наук
А. В. БОНДАРКО

Ленинград

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Языковое своеобразие материалов, публикуемых в «Советской России», заметно. Оно проявляется в стремлении журналистов, работающих в газете, передать большие и важные пропагандистские мысли средствами выразительной и образной народной речи, показать то единство великого прошлого и замечательного настоящего, идея которого заложена в словах, составляющих само название газеты. Доступность передовых статей, очерков, репортажей достигается широким привлечением всех богатств русского языка, умелым использованием его стилистических возможностей.

Высокие и обыденные слова, простота строения фразы — все естественно в начале передовой статьи, озаглавленной «Наука и поле» (8): «Земледелец, агроном, научный работник института — все в ответе за плодородие бескрайних российских полей. Их роль в создании урожая велика и почетна. Они пахут землю, сеют и убирают хлеб. Они исследуют законы биологии, дают сырье для промышленности и продовольствие для миллионов людей, превращают скудные, а порой и бесплодные земли в урожайные нивы».

Таков же слог заключительных строк передовой: «Перед взором ученого лежит бескрайнее поле. Знания агронома, кандидата, доктора наук очень нужны российской ниве, садам, лугам. Пусть же знания эти обернутся новыми миллионами тонн зерна, хорошими урожаями, непрерывно растущим плодородием земли».

Партия уверена, что благородный труд ученых принесет новые победы русскому земледелию».

Однако перечень успехов агрономической науки и серьезных претензий, предъявляемых ученым жизнью, изложен в выражениях, порою слишком профессиональных для того, чтобы можно было последовательно применять высокую лексику и фразеологию во всем тексте статьи. И стремление выдержать «равность стиля» приводит сначала к таким рискованным выражениям, как: «Труды П. П. Лукьяненко увенчались выходом на широкое российское поле сорта озимой пшеницы „безостая-1“, а вслед за ней „Кавказа“ и „Авроры“, урожайность и устойчивость которых достойны нашего века»; а затем и к ошибочному: «Вселяют надежду упорные работы по созданию сахарной свеклы с высокой сахаристостью, новых сортов ячменя, пшенично-пырейных гибридов и тетраплоидной ржи».

Примечание. В скобках даются ссылки на числа (1—15 декабря 1968).

Если в той или иной мере еще можно стилистически оправдать сознательное разложение фразеологизма **увенчаться успехом** — **увенчаться выходом на поле**, то пропуск дополнения с предлогом, совершенно необходимого при сильноуправляемом глаголе вселять (в кого-то!) **надежду**, выглядит отступлением от правил грамматики. Это отступление оправдать нельзя, его можно только объяснить: автор (редактор) интуитивно почувствовал невозможность употребить в этой фразе полный оборот. И правда, что здесь вставишь: вселяют надежду **в нас, в наши сердца?** По-видимому, высокий по стилистической окраске оборот в таком предложении просто неприменим.

Простота стиля отличает лучшие материалы «Советской России». В форме рассказа от первого лица написана статья В. Кольчева «Исследуется призвание» (3) — об анализе причин текучести кадров, сделанном в отделе научной организации труда на Втором московском часовом заводе: «Возьму на себя смелость сесть в кресло начальника отдела кадров крупного завода...».

И читатель отдает должное смелости автора, построившего на разговорной интонации почти всю статью, помещенную, кстати, в газете под строгой рубрикой «Наука труда»: «Текучесть кадров не обошла стороной предприятие. Когда же на совещании у директора заходил разговор об этом, начальники цехов говорили:

— Уходят в основном с тяжелых работ, требующих больших физических усилий... Не приживаются загородники, которым далеко ездить... Бегут те, кого не устраивает зарплата... Подают заявления „по собственному желанию“, кому квартиру ждать долго.

Но все эти доводы весьма приблизительно отражали истинную картину. Субъективные предположения выдавались и принимались за чистую монету. Как выяснить, что это так?».

Далее «равность стиля» нарушена, причем подвело автора иностранное слово: «Созданный полтора года назад отдел научной организации труда встал на первых порах перед дилеммой: по какому пути вести НОТ — „человек — машина“ или „человек — человек“?». Объяснить и эту ошибку можно: единственно подходящее по смыслу, но простое слово **выбор** показалось, видимо, автору не соответствующим по рангу «отделу научной организации труда». **Дилемма** — слово книжное, оно, конечно, повыше. Но пострадала при этом точность словоупотребления. Ведь **дилемма** — это «положение, при котором выбор одной из двух противоположных возможностей одинаково затруднителен».

Невяззливо, приводя простые и понятные примеры, автор статьи подводит читателя к мысли о необходимости создания на предприятии «лаборатории по определению профессиональных способностей». Однако заметим, что осторожно следует обращаться не только с иностранными и книжными словами, ошибиться можно и в употреблении разговорного, например, такого глагола, как **корпеть**: «Допустим, человек корпел у токарного станка, а ему, как говорится, сам бог велел быть монтажником». Глагол **корпеть** относится ко второму спряжению: **он корпит**.

Примеров удачного применения живой речи в «Советской России» можно найти немало. Вот с корреспондентом газеты А. Бочкаревым беседует кузнец Степан, «крепкий, жилистый старик» из ставропольского колхоза „Комсомолец“ (Все за всех. З): « — Неправильно вы про нас пишете, — упрекнул меня кузнец. — Ты не удивляйся, знаю, что говорю. Вот часто слышишь: коллективизм, один за всех, все за одного. А что пишете? „Тракторист Петр Иванов завоевал первенство, выполнил две сменные нормы“. „Иван Петров убрал пятьсот гектаров хлебов, в два раза больше других комбайнеров“. Видишь, как выходит: один есть, а где все? Иванов и Петров, значит, вкалывают за милую душу, а остальные бока отлеживают. Иванов и Петров, значит, премии отхватят, а остальным — шиш? И это на общей-то земле, в одной артели? Я так думаю: поле колхозное — общее поле, и не кто-то один, а весь колхоз за него в ответе. Скажешь не так? Так. И вот об этой общей ответственности и нужно говорить. Получила бригада низкий урожай — все до одного члена бригады пусть отвечают — и морально и материально; вырастили хороший хлебушек — всей бригаде премии выдавай. И уж верно говорю: плохих работников тогда не будет».

Живость этих слов не вступает в противоречие со всем образом старого колхозника и даже тогда, когда автор явно повышает стиль изложения: «Видно, старый кузнец действительно знал, о чем говорил. Знал из опыта, накопленного им с тех пор, когда только начинали создаваться крестьянские ТОЗы, коммуны и первые колхозы, когда на артельных полях впервые зазвучали слова „общее“, „наше“, и каждый впервые почувствовал свою ответственность за всех, а все — за каждого. И тогда не по часам, не от гектара работали люди — от зари до зари всем миром трудились на обобщественной пашне. И этот всепобеждающий коллективный труд стал в конце концов главным в их жизни».

Отметьте, как легко и свободно автор применяет прием разложения фразеологизмов.

Расширяя хронологические рамки нашего обзора, перелистаем подшивку «Советской России» за этот год. На первой полосе номера от 26 марта бросается в глаза заголовок: «Первый ковш — за строителей. Исполинская домна в Череповце вступает в строй». Для репортажа из старинных наших северных мест колорит этого образа — настоящая находка. И далее обычный для «Советской России» зачин — прямая речь и сравнение, простое и емкое: « — Чугун — хлеб жесткий. Без любви к нему, к домне, к этим, как вы любите писать, ажурным конструкциям, на такой стройке делать нечего. Да и к высоте нужна привычка, а здесь воздух иногда бывает ой, как свеж! — говорит специальному корреспонденту газеты Р. Измайлову старейший наладчик доменных печей Дмитрий Яковлевич Чугунов. — Сейчас нам раз по 15 в сутки приходится проделывать этот путь. А на первых порах я тоже побаивался высоты. Хотя печи-то тогда по сравнению с этой были все равно что сравнить стакан с ведром».

А на второй полосе того же номера критический материал из Ростова-на-Дону дан под броским заголовком «НОТ, да не тот». Твор-

ческое применение пословиц и поговорок составляет характерную черту всего стиля газеты.

Взволновавшие всю страну события на Дальнем Востоке вызвали поток писем в редакцию. И журналисты «Советской России» находят в народной речи волнующие, заветные слова для передовой статьи, построенной на обзоре писем и озаглавленной «Пядь родной земли» (25 марта): «У каждого есть она — святая, заветная пядь земли, где ты родился и вырос. Там отчий дом и мать, вскормившая тебя, друзья детских лет, зори первой любви и там — дорогие памяти погосты. И из тысячи таких пядей слагается русская земля. Земля Родины, беззаветно любимая, для каждого священная. Здесь счастье свободного труда и открытий, здесь рождаются наши сыновья, здесь все свое — и радость и боль...».

В. Я. ДЕРЯГИН

О ХОРОШЕМ ГАЗЕТНОМ ЯЗЫКЕ

Слова **газетный язык** уже давно традиционно воспринимаются в отрицательном смысле. Еще в 1929 году В. Маяковский писал: «Чистые литераторы орут — газета снижает стиль, газета повседневностью оттягивает от углубленных тем. „Газетчик“, с легкой руки Тальникова, начинает становиться в определении писательских размеров чуть ли не бранным словом» («Журналист», 1929, № 4).

Но положение с тех пор мало изменилось. «...Мы не можем согласиться с привычным сочетанием слов „сухой и серый газетный язык“». Выходит так, будто серость и сухость — это неперемennые черты газетного слова, будто самое существо газетного слова заключается в том, что оно серо и сухо» (Д. Заславский. — «Литература и жизнь», 31 июля 1959).

Критики языка газеты подходят к нему с требованиями несоразмерными, с понятиями и мерками языка художественной литературы. Между тем язык газеты следует оценивать, исходя из законов именно газетной речи как разновидности публицистического стиля. Об этом хорошо сказал известный журналист Владимир Орлов: «Вероятно, нельзя сформулировать бесспорный идеал газетной формы. Можно только высказать личные вкусы. Нажимая на формальный момент, опасно перестараться. Стихотворения в прозе чужеродно ложатся на газетный лист. Слишком зашлифованная корреспонденция выглядит тут претенциозно, как хождение на пуантах на профсоюзном собрании. За любыми находками, как мне кажется, должна ощущаться скоропись. Даже ювелирные изделия обязаны влетаться в скромную деловую ткань, которая органична газетной полосе» («Журналист», 1967, № 1).

Газетная речь лишена условности, свойственной художественной прозе. Авторское «я» выступает открыто, оно не отделено от читателя. Поэтому громадное значение здесь приобретает личность, индивидуальность публициста, богатство его чувств, мыслей, идей. Газета ищет выразительные средства в самом слове. Для нее очень харак-

терно использование живой разговорной речи, переносного значения терминов (метафоризация). Это ее скромные, но действенные украшения.

В газете привыкли традиционно — и небезуспешно! — искать всякого рода речевые неправильности. Но, конечно, не языковые огрехи определяют работу печати. На наших глазах рождаются и подлинные словесные находки. Однако они очень редко становятся предметом анализа.

Я хочу рассказать о нескольких хороших материалах газеты «Советская Россия». Вот очерк-репортаж А. Лазебникова «У сыновей Антонио Грамши», опубликованный 10 декабря под постоянной для газеты рубрикой «Годы и люди». Начало:

«Этой осенью на Балтике мне рассказали о советском офицере с итальянским именем Делио. В тот дождливый вечер он был в море, но, наверное, не почувствовал себя оторванным от уюта знакомой ему комнаты, где так часто друзья вспоминали его имя. Словам в блокноте становилось все теснее, когда я услышал, что отца Делио принимал Владимир Ильич, а с дедом его по материнской линии дружил, о чем хранят память строки ленинских томов».

Чем привлекателен язык этого материала? Прежде всего простотой, безыскусственностью, лиричностью рассказа и большой смысловой насыщенностью фразы. В то же время ни в первом, ни в последующих предложениях мы не найдем лишнего слова. Сочетание этих двух качеств (смысловой емкости и лаконизма) — вероятно, одна из важнейших эстетических норм газетного языка, полностью отвечающих его природе.

Лаконизм, емкость выражаются в том, что незначительные, но требующие многих слов детали остаются за текстом. Посмотрите, какое огромное «расстояние» между первым и вторым предложением. «Этой осенью на Балтике мне рассказали о советском офицере с итальянским именем Делио». Это экспозиция, содержащая множество важных деталей. Вторая фраза — автор уже в Италии, ждет встречи с интересующим его человеком. И все это говорится не в лоб, а вычитывается из текста. «Советский офицер с итальянским именем Делио» — это ведь сюжет для целого рассказа! Однако пафос очерка в другом, и Лазебников ограничивается несколькими словами.

Другое весьма важное качество анализируемого материала — сдержанность тона, экономность в использовании изобразительных средств. Отсюда внутренняя сила и глубина. Язык очерка прост. Плавное, естественно, без нажима льется рассказ: «Давно высохли чернила, которыми писал их отец, слова, будившие мысль Грамши, стали большой книгой на многих языках народов мира — „Письма из тюрьмы“». Точным выбором языковых красок достигнут присущий очерку-репортажу лиризм, внутренняя взволнованность, которая передается и читателю.

Естественны диалоги очерка, выразительны средства изобразительного синтаксиса: «О чем они говорили? Может быть, итальянец рассказывал Ленину о камнях Турина, омытых кровью рабочих, павших в

схватке с фашистами? Или о неграмотных каменщиках Гилярцы, научившихся выводить пять латинских букв — Lenin — на стенах своих лачуг?

Пока только одна строка возвращает нам этот день. Как это мало, но как это много для двух сыновей Антонио Грамши.

Несомненное достоинство очерка — непринужденность повествования. Интонация приближается к разговорной, но не становится ею! Естественность, легкость изложения создается прежде всего синтаксическими средствами, не короткими, как принято в таких случаях думать, простыми предложениями, а довольно сложными по составу, но ясными и четкими: «Не дождавшись возвращения Делио, я уехал, утешая себя, что скоро у него отпуск, он навесит в Москве брата Джулиано, и мы встретимся. Так и случилось. Шагал я к ним в надежде, что одна строка из сорок пятого тома — о встрече Ленина с их отцом раскроется подробностями сорокашестилетней давности».

Здесь следует отметить характерное вкрапление разговорно окрашенного **шагал** в значении 'шел' и очень емкий, но и лаконичный заключительный оборот «раскроется подробностями сорокашестилетней давности».

В очерке нет банальных выражений — так называемых штампов, к сожалению, нередких гостей в газете. Очерк отличает высокая культура слова, и не вообще слова, а именно газетного.

Чтобы показать разнообразие стилевых манер журналистов «Советской России» и богатые возможности газетного языка, обратимся к корреспонденции И. Шарова «Зимние радуги» (5):

«Стозвонные, многоцветные, будто радуги, кружат веселым вихрем над селом Дроздовское свадьбы. Немеют у баянистов пальцы, гудят у плясунов ноги. А свадьбы-то комсомольско-молодежные — это же понимать надо! Не годится с круга уходить первым, и тут потягаться надо. Наддайте жару, музыканты! Светлеют пасмурные дни от уверенной радости в молодых глазах».

Пример этот в стилистическом отношении — полная противоположность разобранному ранее. Цветистая, яркая, стилизованная речь с порядком слов в предложениях, подчеркивающим динамику происходящего: сказуемые в предложениях стоят перед подлежащими, определения оторваны от определяемых слов, разговорные и даже просторечные конструкции, слова и обороты (А свадьбы-то..., уходить с круга, наддать жару и др.), неожиданные и яркие эпитеты (стозвонные, многоцветные).

Однако стиль этот слишком густ и насыщен, чтобы его можно было сохранить до конца. Поэтому автор дальше переходит к обычной деловой информации, до некоторой степени нарушая стилевое единство материала: «Совхоз „Дроздовский“ — одно из передовых хозяйств не только в районе, но и в области. В юбилейном году он завоевал...».

В заключение хочется еще раз подчеркнуть одно из главных требований, предъявляемых к языку газеты, — лаконизм и емкость выражения. Лишние или неточно выбранные слова, формы, конструкции противоречат эстетическому идеалу газетной речи. Вот характерная

иллюстрация: «В Нью-Йорке на 50-й улице есть так называемый музей восковых фигур,— читаем в корреспонденции Э. Басканова „Во что обошелся Манхэттен?“ (12).— Небольшой тускло освещенный **подвальчик** **заполнен восковыми куклами, которые сделаны по образу и подобию своих прототипов.** Здесь и американские президенты, и популярные актеры, и знаменитые красавицы, и давно забытые авантюристы... Все это **лично** мне показалось довольно-таки фальшивым и скучным».

Все подчеркнутые в этом отрывке слова не несут смысловой нагрузки или употреблены неточно. Из названия «Музей восковых фигур» ясно его назначение и содержание. Поэтому излишне во втором предложении пояснять, что музей восковых фигур «заполнен восковыми куклами». Очевидно, что куклы всегда делаются «по образу и подобию своих прототипов». А как же иначе? Думается также, что неточно употреблено и слово **прототип**, используемое обычно для обозначения действительного лица, служащего автору прообразом литературного героя. Не оправдано и усиленное подчеркивание, выделение «лично мне». Вполне достаточно было бы одного местоимения.

Г. Я. СОЛГАНИК

Уважаемая редакция!

С удовольствием откликаюсь на ваше предложение принять участие в обсуждении материалов центральных газет. Я избрал своим объектом «Советскую Россию». На мой взгляд, газета отвечает в целом высоким требованиям, предъявляемым к ней как с точки зрения содержания, так и с точки зрения чистоты русского языка. Однако, к сожалению, в тексте порой встречаются ошибки и стилистические и грамматические. Считаю, что газета должна не только нести информацию и воспитывать, но и быть «учебником» русского языка, я посылаю свои замечания. Хочу надеяться, что они помогут редакции газеты «Советская Россия» избежать подобных ошибок в будущем.

1 декабря:

«Встречается еще и такой подход к выдвижению кадров: посадят человека на новое дело, и сразу же начинают спрашивать как со старого, опытного работника». Во-первых, здесь не нужна запятая после слова **дело**. Во-вторых, вместо оборота **посадят... на дело** лучше употребить **поручат... дело**.

«Такой товарищ считает, что, дескать, это дело только партийных руководителей. Это опасное заболевание специалиста, будь он коммунист или беспартийный» Слово **заболевание** нужно взять в кавычки, поскольку оно употреблено не в буквальном смысле.

«Успех дела решают люди и руководители — организаторы производства» Не так обидно для руководителей прозвучало бы: «исполнители и руководители...».

«Ведь там важна не канцелярия, которая выпускала бы бесчисленное количество директив и распоряжений и подшивала аккуратно получаемые бумаги». Слова **подшивала** и **аккуратно** надо поменять

местами, так как по смыслу важно не то, что бумаги аккуратно получались, а то, что они аккуратно подшивались.

«С восточной стороны КВЦ хлынули в цехи потоки первого тепла». Здесь нужно: «...первые потоки тепла», так как тепло — фактор постоянный.

«Серьезно надо подумать о слаженности и согласованности действий многочисленных звеньев стройки». Слова **слаженность** и **согласованность** — синонимы, достаточно было употребить одно из них.

«Сегодня мы предлагаем вниманию третье задание». Пропущено слово **вашему**.

3 декабря:

«Вагонетки с породой, блестящие нити рельс...». Надо: «рельсов».

«Но однажды в колхозе „Комсомолец“ мне пришлось снова вернуться к нему (разговору)». Слово **снова** здесь лишнее: **вернуться** и означает «снова прийти к чему-либо».

5 декабря:

«...Не веселился бы сейчас директор Н. Ф. Петров не будь у него этих большеуких парней готовых ради дела недоспать, недоесть. После фамилии и слова **парней** должны стоять запятые.

«Но сколько рождалось в наших школах новшества, одни из которых с блеском проваливались при первой же серьезной проверке, другие отвергала практика». Странное сочетание: «...с блеском проваливались...». Обычно проваливаются с треском.

10 декабря:

«В 1941 г. станичники (в рабочий поселок Тульская была переименована позднее) решили установить на площади памятник». Во-первых, здесь пропущено слово **станция** (получается, что имя собственное сменили на название административной единицы); во-вторых, неудачно употреблено слово **переименована**, так как определяющее название административной единицы не имя собственное, и, следовательно, его нельзя переименовать.

11 декабря:

«18-летний финский „летающий лыжник“ Юхани Рюотсалайнен обещает стать в нынешнем сезоне „грозою чемпионов“». Двусмысленность из-за неудачно употребленного оборота **обещает стать**.

В заметке «Шедевры искусства», состоящей всего из 26 строк, после названия выставки — «Живопись французского романтизма» — совершенно излишне еще дважды указывается, что на ней представлены картины именно французских художников («знаменитые французские художники» и «замечательные живописцы Франции»).

12 декабря:

«Вчера стали известны имена лауреатов премии чувашского комсомола. Они присуждаются во второй раз...». Надо: «Она присуждается во второй раз...».

«Красивы композиции из гладиолусов, пионов, георгинов». Нужно: «...георгинов».

«...Она по-прежнему верна любимому увлечению». Тавтология: **увлечение** и есть **любимое** занятие».

«Оставляют впечатление работы врача-хирурга Н. И. Хунцелия...». Какое впечатление? Видимо, хорошее?

13 декабря:

«Такого не было давно: чемпионы страны — хоккеисты ЦСКА проиграли у себя во дворце в матче на первенство СССР свердловскому „Автомобилисту“, причем со счетом... 0:6». Автор ошибается: такого не было никогда. ЦСКА вообще не проигрывал «Автомобилисту». Предложение надо было построить так. «Такого не было давно: чемпионы страны, хоккеисты ЦСКА, проиграли в матче первенства СССР с крупным счетом 0:6; это случилось во встрече со свердловским „Автомобилистом“».

15 декабря:

В заметке «Фирменные в рейсе» странное значение придается слову **фирменный**. Речь идет об особенно удобных, комфортабельных автобусах. Но **фирменный** и **хороший** — не синонимы. К этому можно добавить, что в данной заметке, небольшой по размеру, слово **фирменный** встречается пять раз.

А. Г. РАЗОРЕНОВ,
слесарь
Москва

«ТРУД»

Язык газеты — один из показателей филологической культуры журналистов. И пусть он — форма, а не содержание! Иной раз неудачная форма лишает содержание социальной значимости, действенности...

Газета «Труд» — орган Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов. У нее своя тематика и свой читатель. Должно быть и свое лицо — свой язык. В целом номера «Труда» за первую половину декабря заслуживают высокой оценки. Большинство материалов — яркие, интересные, написанные со знанием дела. Удачна полоса под рубрикой «Ширится шестивие мыслей, слов и дел Ильича» (4). Это рассказ о нашем замечательном времени, о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне московского завода «Шарикоподшипник». Автор материала Ф. Родионов рядом с прогнозами «спичечного короля» Крейгера дает рассказ о гигантских свершениях Советской эпохи. На интересном контрасте построены и статьи, рассказывающие о судьбах шахтеров Донбасса и Франции (5). Хочется отметить и еще несколько статей — удачных по содержанию и своеобразных по языку: «Конфликт» крановщика из Ленинграда В. Сыромятникова, «Енисейская баллада» В. Городецкого, «Танцы в Архаре» Ю. Скворцова, «Песня остается с человеком» Л. Алимamedовой. Все, пожалуй, перечислить будет трудно.

Можно назвать и один почти безукоризненный в языковом отношении номер. Он вышел 4 декабря. А вот 8 декабря газета получи-

лась неудачной. От кого это зависит? Видимо, поздравления — или упрёки — следует адресовать ответственному за номер. Ведь именно от него во многом зависит «языковое лицо» газеты.

Правильность, точность, логичность изложения — все эти качества хорошей речи могут быть достигнуты за счет простого соблюдения правил грамматики и словоупотребления. Дело как будто обычное. Однако оно удаётся не всем и не всегда.

Иной раз пишущие нарушают привычные смысловые связи слов, и в результате получается, что «цена пребывания в лечебнице **стоит** около ста франков в день» (1). Наверное, «около ста франков в день **стоит**» само пребывание больного в лечебнице, «цена» не может «стоять». А вот еще пример: «Те, кто получал деньги по приписке, **стали таиться** от других, прятали талончики на зарплату. **Ведь проставленная там сумма не совпадала с ведомостью**, вывешенной в цехе» (3). Но сумма и не должна совпадать с ведомостью!

В «Труде» можно обнаружить и употребление слов в несвойственных им значениях или с несоответствующей общему характеру изложения стилистической окраской. Так, 8 декабря редакция поместила статью под названием «Зодчество современной деревни». Речь в ней идет о проблемах сельского строительства, об архитектурном облике наших сел. Поэтому слово **зодчество** выглядит здесь устаревшим, высоким, по значению оно не полностью совпадает со словом **архитектура**, главное его значение — «искусство проектировать и строить здания».

Вряд ли стоит употреблять слово **благоустройство** в конкретном значении — «результаты благоустройства, то что составляет коммунальные удобства», как это случилось в той же статье: «В Сибири архитекторы предложили в стороне от двухэтажной застройки возводить самостоятельный хозяйственный блок с благоустройством, отвечающим необходимым санитарным нормам». Кстати, здесь и слово **застройка** употреблено в значении, несвойственном литературному языку.

Кто-то может сказать, что эти мои мелкие замечания — лишь придирижки стилиста. Не совсем так. Вот несколько примеров, когда языковая неточность создает неточность логическую: «Стволы скрипели друг о друга» (1). Эта фраза не требует комментария, а вот о следующей нужно сказать несколько слов. «Нет голубого пламени в кухнях дома, молчит и могучая сантехника — нет воды» (То было летнею порой. 12). В первой части предложения двусмысленность возникла из благого намерения передать мысль об отсутствии газа в доме в наиболее образной форме. А «молчание сантехники» вызывает естественный вопрос: а что, разве она должна «говорить», «кричать» или «шуметь»?

Двусмысленность другого рода может возникнуть из-за неправильного построения фразы: «Места в президиуме без выборов заняли руководители предприятия и сам Наджимов, который взял на себя роль председателя, а многие места в зале — обиженные работники конторы» (8).

Трудно найти оправдание синтаксическим ошибкам, которые разобраны во всех руководствах, пособиях по практической стилистике и литературному редактированию и даже вошли в «Краткий словарь труд-

ностей русского языка!» Это, например, употребление союза **не только.., но и** при однородных членах предложения. Союз этот должен объединять слова и логически и синтаксически однородные. Однако: «**Наши шахтеры путешествуют не только по Советскому Союзу, но и ездят в туристские поездки за рубеж**» (5). Получается: «не только по Советскому Союзу, но и ездят». Следовало сказать так: «не только путешествуют по Советскому Союзу, но и ездят за рубеж» или «путешествуют не только по Советскому Союзу, но и по зарубежным странам».

А вот случай, когда однородные члены предложения управляют по-разному, но ошибочно объединены одним управляемым: «Сейчас дирекция строящейся зоны состоит из двух человек и, естественно, не может осуществлять **руководство и контроль за строительством**, а также эксплуатацией имеющихся объектов» (Судьба большого Селигера. 15). Странное управление **руководство за строительством** можно, пожалуй, поставить рядом лишь с оборотом **открытые двери на профессию**: «Для подрастающего поколения шахтеров **открыты двери на новую шахтную профессию**» (5).

Довольно многочисленны в «Труде» случаи смешения устойчивых оборотов. Вот некоторые примеры: «И зря опасается товарищ Вахтангов, что принятие предложения пермяков **повлечет к оттоку кадров** из сферы обслуживания и мелких предприятий» (3). Здесь смешаны две конструкции: **повлечь за собой что-либо и привести к чему-либо**. «Этим дорогим нам местам, их охране должно быть оказано большое внимание» (15). Можно **оказать помощь, услугу**, но не **оказать внимание**, можно **обратить внимание** или **уделить внимание**. «Они обязаны **объявить самую решительную борьбу с бракоделами**» (8). Есть два оборота: **вести борьбу с кем-то и объявить войну кому-то**, они-то здесь и смешаны.

Сложный вопрос — чистота и доступность языка газеты. Естественно, что в статьях, освещающих опыт работы низовых профсоюзных организаций, будут появляться термины. Важно только, чтобы они не затрудняли чтение. «Труд» в целом хорошо справляется с этой задачей. Исключение представляет лишь опубликованная 8 декабря статья «Следуя примеру Запсиба», где много слишком специальных терминов, часто непонятных, а главное, ненужных: аглоленты, агломашинны, электролизеры, мелкосортный стан 250-1, прессматериалы, фенольно-формальдегидные смолы.

Здесь же следует сказать и об усложненных, тяжеловесных конструкциях, отпугивающих массового читателя. Изобилует такими фразами статья «Зодчество современной деревни». Чего стоят хотя бы такие высказывания: «Из-за того что в нашей стране нет развитого заводского изготовления деревянных конструкций для строительства, излишне расходуется сталь, цемент, труд и даже время, так как рациональное использование этих конструкций может обеспечить не только более экономичное, но и более качественное и долговечное решение»; «Недостаткам в организации проектирования сопутствует и слабое распространение типовых проектов то с креном к многоэтажной застройке, то к применению индустриальных конструкций, которых пока еще нет»; «Чтобы наладить порядок и четкость в проектом деле, нужно, на наш

взгляд, сосредоточить типовое проектирование жилых и общественных зданий, а также отработку принципов проектирования генпланов поселков и производственных зон в системе Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и в системах республиканских Госстроев».

Несколько слов об особенностях заглавий в «Труде». Яркие, броские, привлекающие внимание заголовки во многом обеспечивают читаемость газеты.

Следует признать удачным заглавие «Время, вперед!» (4), хотя оно до некоторой степени и стереотипно. Подзаголовки как бы конкретизируют шестие этого времени: «Мгновения», «Годы», «Жизнь», «Эпоха».

По структуре заглавия в газете самые разнообразные. Часто они имеют форму вопросительных предложений: «К зиме готовы?», «Кому быть ученым?», «На что жалуетесь?», «Где быть рыболитомнику?», «Когда придет автобус?». Нередки придаточные предложения — части сложных: «А если не согласен...», «Когда рядом отважные». Используются для заглавий и целые предложения — простые и сложные: «То было летнюю порой», «„Кору-Мару“ просит о помощи», «Львен — город без будущего», «Стоит власть употребить», «Успехи радуют, планы обязывают», «Раскрыта тайна „АБС“», «Добился успеха — помоги товарищу!». Есть, конечно, и заглавия-назывные предложения: «Конфликт», «Огни Донбасса», «Танцы в Архаре».

Если говорить о возможностях заглавий разных типов с точки зрения максимально полного выражения ими содержания материала, то наиболее «активны» здесь заголовки, включающие так называемый «именительный представления»: «Шахтеры: их труд, судьбы, жизнь», «Ралли. Заключительный этап». Ближе к ним название «Зима — хозяйка на стадионах. Как ее встречают?». Здесь в первой части не «именительный представления», а предложение с именным сказуемым.

Сейчас в публицистике получили распространение заглавия, смысл которых становится ясен только после прочтения самой заметки. Это повышает интерес к материалу, держит читателя в напряжении. Необходимо, конечно, чтобы и такое название соответствовало содержанию статьи. К сожалению, в «Труде» это бывает не всегда. Совершенно неясно, например, почему материал об итогах международного хоккейного турнира озаглавлен «Победа за час до игры» (5)? В самой статье ничего не сказано о столь необычной победе. Неудачным представляется и заголовок «Пока терпит железо...» (10). Это в читательской почте, рубрика «Расскажу о своем товарище». Речь идет о хорошем человеке, экскаваторщике, мастере своего дела. Старый рабочий не собирается уходить на пенсию, он говорит об этом так: «Уйти с машины не могу. Разве экскаватор развалится, а пока терпит железо — буду работать». И вот этими-то словами и названа заметка о человеке-труженике!

Как мы уже говорили, «Труд» делает большое и важное дело. Отсюда и цель нашей статьи — помочь газете избавиться от тех недостатков, которые порой мешают главному.

Л. А. КАЧАЕВА

Москва

ПОГРЕШНОСТИ

«Труд» печатает много интересных, содержательных материалов, основные достоинства которых — правдивость, принципиальность, уважение к читателю — неоспоримы.

Однако, ничуть не умаляя заслуг газеты перед широкой читательской аудиторией, мы поговорим о ее недостатках, точнее, языковых погрешностях, довольно мелких, но не столь уж и безобидных, если учесть, что незначительные языковые огрехи, размноженные типографским способом, могут перейти в обиходную речь.

«Вчера рейсом 925 Москва — Киев из столицы страны вылетел киевский инженер С. И. Зубков. Он оказался четырехмиллионным пассажиром Аэрофлота, воспользовавшимся услугами Центрального аэровокзала. Юбиляру были вручены сувенир и бесплатный билет» (4). Юбилляр (см. Словарь русского языка С. И. Ожегова) — это лицо или учреждение, чей юбилей справляется, и в данном случае это определение наиболее уместно по отношению к Аэрофлоту или Центральному аэровокзалу.

«Сейчас на Южный Урал полновластной хозяйкой пришла зима. Большинство стадионов и спортивных площадок покрылось льдом» (3). Сам того не желая, автор вкладывает в последнюю фразу устрашающий смысл, потому что обледеневшие стадионы — множество спортивных сооружений, покрытых ледяным панцирем, — зрелище неприятное и на редкость неправдоподобное.

«Проходило два-три года, и отстающий колхоз, теперь уже в звании бригады, вставал на ноги...» (13). По аналогии с этим неудачным оборотом у нас появятся, чего доброго, и «города в звании улиц», и «орлы в звании воробьев», и прочие несуразности.

Однако не перечень мелких стилистических недочетов — цель нашей статьи. Мы хотели выявить самые характерные языковые издержки газеты. Тогда журналистам «Труда» будет легче работать над их устранением.

Многословие. Оно противопоказано газете. Но авторы некоторых корреспонденций забывают об этом: «А потеха ли спорт? Такая постановка вопроса в наше время, пожалуй, уже невозможна и, кроме иронического отношения, никакого другого не встретит» (10). Все правильно, только краткости нет. А жаль. Максимум информации при минимуме затраченных строк — первая заповедь газетчика.

Канцелярский стиль. В справках, в документах — «входящих», «исходящих» — он попросту незаменим, а на газетной полосе — неуклюж и беспомощен: «Наклонная падения хозяйственного порядка в автоколоне № 1208 обозначилась давно» (13). Или: «Создание рыбопитомника разрешит проблему зарыбления подмосковных водоемов» (3). **Зарыбление** — полбеды по сравнению с нижеследующим: «Успешное выступление команд профсоюзов в истекшем первенстве явилось следствием концентрации внимания на базовых командах, проведения для них специализированных мероприятий, контрольных турниров, методических совещаний. Все вместе взятое содействовало организа-

ционному укреплению команд мастеров, поднятию дисциплины, улучшению учебно-тренировочного процесса, а в конечном счете повышению их спортивного мастерства» (8). Здесь и «широкий ассортимент» отглагольных существительных, и штампы, и цепочки родительных падежей — почти полный набор «канцелярита».

Оборотная сторона шаблона — вычурность. Вместо простых и понятных слов **седина**, **седой** в «Труде», например, пишут: «Жизнь густо выбелила волосы...». Еще красивость: «Б. А. Смирнов умеет проникнуть в обстоятельства пьесы с такой человеческой чуткостью, что все, что случается с его героем, действительно обжигает его» (8). Глагол **обжигает**, достаточно убедительный в этом контексте, не удовлетворяет автора, ему хочется большей выразительности, и он уточняет: «действительно обжигает». Тут уж вмешательство «Скорой помощи» необходимо...

Вычурный слог — это не только замысловатость, нарочитая образность речи, но и неестественная интонация ее, обусловленная причудливым сочетанием разговорно-бытовой лексики с книжной (научной или специальной): «Вхожу в цех-автомат. Здесь все непривычно. Почти фантастично. Вещи неодушевленные оживают и живут жизнью непонятной простому мирскому пониманию. Вот бежит само по себе кольцо. Забежало в станок, словно побриться — подставило торец-щечку под бритву абразивного круга. Станок деловито заурчал, заработал самоуглубленно, снял серый налет окалины. Потом сам проверил точность своей работы — прокалибровал. И побежало колечко дальше, деловито, словно спеша на работу» (4). Такое описание производственных процессов, да еще на страницах газеты «Труд», — удивляет.

Нелогичность возникает зачастую из-за простой небрежности, привычки к скорописи: «В клубе деревни Сошники вчера открылся первый в Ивановской области сельский университет культуры... Постоянными слушателями университета стали более пятидесяти рабочих совхоза „Возрождение“ и членов их семей» (12). Как же так — вчера открылся, и уже постоянные слушатели? Что-то не верится.

Наконец, последний пример: «Чтобы сохранить природу зоны от захламления, необходимо запроектировать по соседству с ней строительство мусоросортировочного завода. Это позволит избежать создания в красивейшем живописном уголке различного рода свалок» (15). Здесь и стилевое смещение («красивейшие уголки» рядом со «свалками»), и полупонятное словосочетание (позволит **избежать создания**), и смысловая неувязка (чтобы «сохранить природу зоны», надо не «запроектировать», а построить завод), и неточное употребление местоимения («по соседству с ней»... с чем? с природой?), и канцелярский тон всего высказывания. Словом, не проходите мимо!

Это все, что мы хотели сказать. Справедливости ради добавим только, что нам пришлось долго работать: выискать ошибки в «Труде» не так-то просто!

Ю. А. СТЕПАНОВ, учитель
Московская область

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО...

Спортивный репортаж или, скажем, зарисовка о хоккейном сражении — такие материалы интересны по самой теме. Обладая достаточно высокими профессиональными навыками, не так уж сложно, видимо, сделать их живыми. Но спортивный отдел «Труда» печатает как раз не очень много заранее выигранных заметок. Такова специфика газеты: рассказывать о спорте как об одной из отраслей широкой сети профсоюзной работы в нашей стране. И «Труд» успешно справляется с этой достаточно сложной задачей. Недаром его спортивный отдел считается одним из лучших среди своих собратьев по центральной прессе. Понятно, есть у спортивных журналистов «Труда» и неудачи. Чтобы разобраться и в том и в другом, я решил, используя редакторскую мерку (я по профессии редактор), проанализировать лучший и худший — конечно, с моей точки зрения,— спортивный материал «Труда».

Лучшим материалом (в период с 1 по 15 декабря 1968 года) я считаю заметку А. Коноваленко «Забывтая инициатива» (12). Далеко не всякому, как мне кажется, интересно читать о городских соревнованиях производственных цехов. Однако материал построен таким образом, что читатель просто не успевает соскучиться... Как часто в таких случаях мы сталкиваемся с нудным перечислением труднопроизносимых названий! Кстати, есть подобные заметки и в «Труде».

Небольшая статья А. Коноваленко, во-первых, написана простым и чистым русским языком. Исключение составляет, пожалуй, лишь начальное: «Слышали ли вы...», — но это мелочь! Во-вторых, автор все время разнообразит приемы письма. Начало построено, как обычная положительная информация. Ее тема — удачная инициатива спортсменов Запорожья, подвигаченная во многих городах Украины. Следующий абзац — смена настроения: оказывается, удачи запорожцев в прошлом. Автор хочет разобраться, почему же так произошло. Он берет несколько интервью у людей, ответственных за спортивную работу в городе. Кончается материал абзацем в духе острой полемической статьи... Остается добавить, что в заметке А. Коноваленко всего 70 строк, то есть примерно 250—300 слов — две-три минуты чтения.

Вопросно-ответный ход изложения — не бог весть какая находка. Но использованный удачно и к месту, этот прием верой и правдой служит газетчику: материал оживает, что называется, прямо на глазах. В заметке А. Коноваленко вопросы играют роль своеобразных подзаголовков. Они как бы помечают основные «повороты» материала: «Слышали ли вы о соревнованиях на первенство города среди производственных цехов?», «Ну, а как идут дела у инициаторов?», «В чем же дело?».

Итак, чистота языка, разнообразие форм изложения, живость — вот слагаемые журналистской удачи.

Теперь о худшем материале «Труда» за те же полмесяца. Им, по моему, следует считать тринадцатистрочную (несчастное число!) заметку «Московские призы фигуристов» (15). Она без подписи — тем проще

нам будет на нее сердиться. Поскольку здесь всего пять предложений, процитирую их одно за другим, попутно комментируя.

«Вручены первые призы победителям московских соревнований фигуристов семи стран». Фраза довольно длинная, но без единого предлога — читается трудновато. Пожалуй, можно обойтись и без цепочки родительных падежей: «...победителям (чего?) московских соревнований (чего?) фигуристов (чего?) семи стран». Однако в оправдание этого «кожерелья» можно сказать: такая форма экономит место. Что ж, посмотрим дальше, оправдана ли эта экономия... Не совсем ясен и оборот **первые призы**. То ли первые в ходе соревнований, то ли первые — за первое место?

Вторая фраза «Их обладателями стали советские спортсмены Т. Москвина и А. Мишин» тоже не проясняет дела. Как нам помнится, программа соревнований была построена таким образом, что первыми закончили борьбу как раз пары.

«Серебряные призы первенства Европы оказались сильнейшими в парном катании». Наконец-то можно понять, что речь идет именно о призах за первое место!.. В этой фразе неудачен порядок слов. Лучше было бы: «Серебряные призы первенства Европы в парном катании оказались сильнейшими...» (допустим: «...на московском льду»). А то несведущий в фигурном катании читатель решит, что Москвина и Мишин только на этих соревнованиях стали выступать в паре...

«Судьи дали им самые высшие оценки». Совершенно лишняя фраза. И так понятно, что победителям низких оценок не дают. Кстати, теперь мы можем с уверенностью сказать: незачем было экономить на цепочке родительных, чтобы потом толочь воду в ступе. Здесь сомнителен и оборот **самые высшие**. Это что-то вроде **очень прекрасные**. Можно: **самые высокие** или **высшие**...

С абзаца последняя фраза: «Вчера стал известен лучший фигурист Московского международного турнира». Кому стал известен? Кому угодно, только не читателям «Труда». Так зачем же было огород гордить!..

Весь информационный заряд этой небольшой, но крайней «разговорчивой» заметки можно было бы уложить в одно предложение: «Соревнования в парном катании на Московском международном турнире фигуристов семи стран выиграли серебряные призы первенства Европы Т. Москвина и А. Мишин». Остальное — о первых призах, высших оценках и т. д. — подразумевается само собою.

В заключение замечу: плохих материалов в спортивном отделе «Труда» мало, хороших... больше.

В. ЛАРИН
Москва

(Ответы)

1. «... было присвоено название» — ошибка при употреблении устойчивого оборота *присвоить звание*.

Правильно: «было дано название».

2. «... включился в борьбу» — слово *борьба* употреблено здесь неточно (в смысле «соревнование»).

Правильно: «... включиться в соревнование».

3. «Поддержав почин однотипного теплохода „Омск“» — пропущено слово *экипажа*.

Правильно: «Поддержав почин экипажа однотипного теплохода».

4. «... и многого добились в этом за три прошедших года» — слова *в этом* здесь не нужны: они ничего не добавляют к смыслу.

5. «Хороший старт взял экипаж и в этом году». Спортивный фразеологизм *взять старт* употреблен расширительно, что неуместно в официально-деловом стиле, в котором выдержана вся заметка.

6. «...только за четыре месяца эксплуатации годовой план... реализован...». Слово *эксплуатация* в значении «систематическое использование для каких-либо практических целей» требует обязательного управляемого слова: «эксплуатации судна».

7. «... годовой план в каботаже реализован на 67 процентов...». Глагол *реализовать* употреблен неправильно: он имеет значение «провести в жизнь, осуществить», но в данном случае «план выполняли», а не только проводили в жизнь какие-то намеченные мероприятия, так как «план» — конкретное задание для судна на определенный период.

Правильно: «годовой план в каботаже выполнен на 67 процентов».

8. «... внедрено 9 предложений новаторов с экономическим эффектом» — двусмысленность из-за неудачного порядка слов, получается: «новаторов с экономическим эффектом».

Правильно: «новаторами внедрено 9 предложений».

9. Бедность словаря, часто используются одинаковые обороты или однокоренные слова:

а) включился в борьбу за звание, начала борьбу за то;

б) силами экипажа выполнено ремонтных работ, произведено ремонтных работ своими силами;

в) сэкономлено — сэкономлено, выполнено — выполнено и т. п.

Звуковые повторы: было присвоено название — начали борьбу за звание.

10. Однообразии синтаксических построений: всего в тексте заметки 14 простых предложений (как самостоятельных, так и в составе сложных), из них 10 — страдательные обороты, многие предложения — безличные: «нашему судну присвоено название», «перевезено 2300 тонн груза», «силами экипажа выполнено ремонтных работ», «экономлено», «внедрено 9 предложений новаторов» и др.

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

Публикуем отклики на материалы,
помещенные в № 2—3 нашего журнала.

Установление трехгодичного начального образования представляет собой важную веху в истории нашей школы, нашего просвещения, потому что оно дает возможность начать систематический курс всех основных предметов обучения с IV класса, что очень важно для общего повышения уровня знаний по русскому языку, повышения культуры речи.

Все авторы экспериментальных учебников, на мой взгляд, проделали очень большую работу. Интересен и наиболее своеобразен учебник коллектива авторов (Т. А. Ладыженская и др.). Хорошо, что авторы учебника, широко понимая задачи преподавания русского языка в плане развития языковой культуры, не ограничиваются передачей грамматических и орфографических сведений. Они уделяют много внимания стилистическим упражнениям разной степени трудности, работе над словом, над значениями слов, над сочинениями, собственным изложением мыслей.

Но мне представляется, что в практическом отношении эта книга будет сложна для ребят возраста 10—11 лет. Многие элементы структуры книги адресованы не учащимся, а учителю, например, система специальных знаков, указывающих на различный характер материала, дополнительные сведения, упражнения повышенной трудности, правила для заучивания, методические указания и т. д. Но ученику не обязательно знать, какое упражнение повышенной или пониженной трудности, какие упражнения или теоретические сведения обязательны или факультативны и какие методические приемы их преподавания желательны. К тому же книга большого объема отпугивает учащихся.

Идеальный учебник по русскому языку для IV класса, как мне кажется, должен состоять из трех книжек. Первая, небольшая, тоненькая, — это грамматика (и шире — теоретические сведения по языку), всё, что надо учить, запоминать. Другая книга — упражнения, стилистические, орфографические и др., разной степени трудности, но без всяких сложных помет, предназначенных для учителя. В руки ученика надо дать эти две книги: первую — для заучивания, вторую — для практических занятий.

А вот третья книга должна быть для учителя. Помнится, что в конце 20-х годов близкая попытка была у А. М. Пешковского, у которого была для каждого года обучения книга под названием «Наш язык» (см., например: А. М. Пешковский. Наш язык. Ч. 1. Книга для учителя. М., 1924). Это была очень талантливая работа. Правда, она не пошла в школу, в массы, но оказала огромное влияние на методику обучения русскому языку, на составителей учебника.

Загромождать книгу, предназначенную для ученика, лишними сведениями не стоит. Вот в этом плане в первую очередь и нужно еще поработать коллективу авторов учебника.

Член-корреспондент АН СССР
Р. И. АВАНЕСОВ

Академия наук должна активнее включиться в работу, которая сейчас проводится педагогическими кругами по созданию нового учебника.

Учащимся и преподавателям нужен не один учебник, так называемый стабильный, а несколько, чтобы учитель в соответствии со своими вкусами, индивидуально-педагогическими склонностями смог выбрать более подходящий или использовать материалы из различных учебников. Институт русского языка АН СССР должен создать свой учебник, который также мог бы быть проверен на практике. Для этого в первую очередь нужна новая программа по русскому языку. Это очень серьезная работа и, конечно, Институт русского языка должен быть в тесном контакте с АПН СССР, с учителями, с широкой педагогической общественностью. Новую программу надо широко обсудить, с тем, чтобы опыт лучших учителей был учтен, чтобы мы могли использовать лучшее и отказаться от худшего.

Эта работа должна быть сделана фундаментально, серьезно. В Институте предполагается составление программы и учебника по русскому языку.

Каковы цели учебника и программы? Прежде всего необходимо ликвидировать тот разрыв, который все еще существует между научным уровнем языкознания, теории русского языка и практическими сведениями, имеющимися в учебнике. Это очень трудная задача. Глубокие положения, достигнутые в науке, нужно суметь просто, легко и без искажений преподнести учащимся. Мне кажется, что в других областях знаний этот разрыв меньше, а в преподавании нашей науки он еще очень велик — и в фонетике, и в орфографии, и даже в грамматике. В учебнике должен быть устранен схоластический материал, в частности в определении членов предложения и их классификации. Учитель часто дабавается совершенно формального определения у школьников: что такое второстепенный член предложения, как его название. А между тем важно не это. Важно понимать функцию, роль той или иной формы, того или иного второстепенного члена в данном предложении.

Вторая задача — включение таких разделов, которые сейчас или совсем отсутствуют или занимают в учебнике слишком незаметное место. За счет устранения чисто формальных сведений нужно дать некоторые элементы общего языкознания; больше материала по культуре речи в различных областях: в лексике, грамматике, словообразовании и т. д.

Учебник должен рассказать о русской лексике, ее составе, происхождении и о стилистической роли различных лексических пластов.

Очень важно построить учебник так, чтобы раздел фонетики был основан на базе устной речи, чтобы школьники научились отличать звучащую речь от ее буквенного выражения. Необходимо преодолеть ошибку, которая распространена у многих — и у детей, и у взрослых — смешение звука и буквы. Обычно, когда ребенок приходит в школу, почти не умея читать, он более восприимчив к звуку речи, а школа восприятие звуков речи замещает орфографическими буквенными представлениями. Орфографию в школе, конечно, нужно учить (это одна из основных задач), но надо это уметь делать так, чтобы не заслонять звуковую сторону языка, звуковое восприятие орфографическим.

И. С. ИЛЬИНСКАЯ,
научный сотрудник Института русского языка АН СССР

Новая программа, составленная АН СССР и АПН СССР, укрепляет научные основы преподавания русского языка. Многие учителя раньше сводили уроки к занятиям орфографией и пунктуацией. Теперь программа нацеливает школу на изучение самого языка. Введены новые разделы, даны элементарные сведения по истории русского языка. Но программу и учебники необходимо совершенствовать.

Пока еще недостаточно разработан раздел фонетики. Это объясняется тем, что до сих пор фонетика отстает и в научных трудах. Для школьников нужна в первую очередь собственно фонетика, учение о звуках. Можно дать лучше разграничение звука и буквы, в частности характеристику «двойных» е, ю, я, ё, орфографию мягких согласных. Например, следовало бы сказать, что мягкость отмечается только там, где есть парные согласные. А в школе учат, что буква ь обозначает мягкость согласного. Это определение неточно: в результате ученику остается неясным, почему в слове мяч мягкого знака нет, а в слове ночь он пишется.

Необходимо уделять большее внимание звучащей речи, заставлять ученика чаще говорить, развивать отчетливую дикцию. Полезны были бы в школе магнитофоны с записью образцовой речи. Можно дать послушать и диалектную речь, например, продемонстрировать детям речь с неполным оканьем, отсутствием редукции заударных гласных. Эту диалектную черту, кстати, очень распространенную, говорящие обычно не замечают. Учитель должен постоянно приучать детей к литературному произношению.

Сама программа, конечно, не обеспечит знаний у школьников. Необходима правильная организация обучения. Чтобы дела шли успешно, надо издать не один, а несколько учебников, выпускать пособия, книги в помощь учителю, справочную литературу, материалы для факультативных занятий по русскому языку. Ведь именно на факультативных занятиях могут выявить детей, способных к филологии. В этом деле систематическую помощь школе должна оказывать Академия наук СССР, Институт русского языка.

Очень полезное начинание осуществила «Русская речь», напечатав «Краткий словарь произношения и ударения». Подобную работу надо журналу вести в каждом номере. Кроме литературы для учителей, хорошо бы издать массовыми тиражами небольшие по объему словари: образования глагольных форм, наиболее употребительных иностранных слов, непонятных слов из произведений классической литературы и т. п. Обеспечив школу такими пособиями, мы бы облегчили задачи учителя.

Итак, школьные дела должны больше интересовать филологов. Мы можем делать больше, чтобы достижения науки нашли широкое распространение.

И. А. ВАСИЛЕНКО,
профессор МГПИ имени В. И. Ленина

НОВЫЕ УЧЕБНИКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Нам очень интересно было узнать мнения учителей и методистов РСФСР по поводу экспериментальных учебников русского языка. Это дало возможность оценить трудности, которые испытывают преподаватели Узбекистана.

Восемь учителей нашей республики в городах Ташкенте и Чирчике проверяли в этом году новые учебники по русскому языку в четвертых классах. Все они положительно отзываются о новой программе и учебниках русского языка, однако высказывают некоторые замечания и пожелания.

Во всех трех учебниках представлены отрывки из произведений классической русской и зарубежной литературы из произведений советских писателей. Благодаря такому серьезному и разностороннему отбору материала для практических заданий учитель получил возможность расширить кругозор учащихся, активизировать их познавательные и творческие возможности — и что не менее важно — заниматься одновременно и воспитанием чувств своих питомцев, теперь уже не только на уроках литературы, но и на уроках русского языка. Однако вызывают недоумение отдельные предложения из пушкинских, тургеневских, толстовских произведений. Вырванные из контекста, они не дают ни малейшего представления о высоком мастерстве писателей. Например: «Начало смеркаться» (П.); «Я эту землю люблю!» (Маяк.) «Я послал за доктором» (Т.); «Всю дорогу Леня не отходил от окна вагона» (Пауст.). Думается, что в таких предложениях не следовало бы указывать автора.

Хотелось бы, чтобы в новых учебниках более внимательно отнеслись к подбору иллюстраций, сюжетных картинок для развития речи учащихся. Очень удачно использованы рисунки Бидструпа. При их анализе дети могут проявить сообразительность, юмор, одновременно они учатся грамотно рассказывать, а затем и писать об увиденном.

Задания к упражнениям иной раз бывают слишком тяжеловесны, объемны, громоздки, что представляет затруднения для учителя, не говоря уже об учениках. В этом отношении исключительно четки и лаконичны были задания в старом учебнике для IV класса.

Очень помогают учителю в его работе по повторению пройденного четко разработанные контрольные вопросы и обобщающие группы по каждому разделу грамматики. Эта форма работы хорошо оправдала себя и в работе по старому учебнику.

Помимо замечаний общего порядка, учителя русских школ Узбекистана имеют и специфические, связанные с многонациональным составом учащихся и влиянием узбекского языка на детей, обучающихся в русской школе. Например, для школьников нашей республики, особенно для городских детей, иногда представляется сложным содержание упражнений, рассчитанных

на знание природы России, средней полосы (дополнительные задания, связанные с наблюдениями детей в лесу). Напротив, новый подход к изучению структуры слова, морфем как значимых его частей приобретает особенно важное значение в национальных республиках. Для детей местной национальности, обучающихся в русских школах, сознательное усвоение структуры слова, знание закономерностей сочетания морфем в языке, умение пользоваться различными способами для образования слов в языке крайне необходимы.

Современные методы преподавания предъявляют большие требования к интеллекту, образованию учителя. Но если учесть, что учителя сами учились по той системе, какую они теперь призваны преобразовать, станет понятна ответственность, которая ложится на методистов, научных сотрудников, обязанных в кратчайшие сроки, опираясь на опыт учителей-творцов, создать методические пособия, способствующие наиболее активному усвоению учащимися новой учебной программы.

Итак, необходимы конкретные детальные разработки учебного курса, в которых были бы воплощены теоретические положения и практические рекомендации с учетом условий школьной работы в различных районах нашей страны, с учетом уровня образования самих учителей, а также с учетом неодинаковой возможности иметь необходимые методические пособия в городе или отдаленных районах.

Е. М. ГРИНБЕРГ, научный сотрудник

Узбекского научно-исследовательского института педагогических наук

ЭКСПЕДИЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ

Я отваживаюсь высказать свои соображения в обсуждении вопросов преподавания родного языка уже потому, что была ученицей прекраснейшего мастера — учительницы русского языка Евгении Ивановны Досычевой.

Евгения Ивановна вызвала и развила у нас любовь к русскому языку и слову, понимание языка как могучей силы воздействия на умы и сердца людей. И этот воспитательный патриотический результат достигался не каким-либо внешним средством методики. Е. И. Досычева утвердила нас в том, что мы уже отчасти (и в большой степени) владеем русским языком, а на уроках теперь будем вместе разбираться в свойствах языка, чтобы владеть им еще лучше. Она, естественно, не произносила этих слов, но ставила нас в положение исследователей на каждом уроке. Мы справлялись со своей задачей, испытывали на ее уроках радость открытия, сделанного каждым и всеми вместе. Мы не заучивали правила — мы просто з н а ли, так как выводили закономерности из наблюдений и анализа. И было это «в те баснословные года» (1920—1926), когда и учебников-то не было, не было готовых образцов «упражнений», а перед нами был только неисчерпаемый океан устной речи и русская художественная литература — Пушкин, Гоголь, Некрасов, Ксроленко (по старой орфографии!).

В преподавании языка и литературы, как мне кажется, решающее значение имеет не программа (она достаточно устойчива) и не учебник, а понимание самой сути обучения — уметь пользоваться языком, которым владеешь стихийно. Е. И. Досычева пробудила в нас понимание всемогущей выразительности слова и все это началось с уроков в IV классе, когда мы с наслаждением занимались составом слова, «собирали» и «разбирали» слова, как боец свое оружие. Наслаждались осмыслением приставок, суффиксов, пробуя присоединять приставки к корням, — и удивлялись чуду рождения новых оттенков смысла.

Евгения Ивановна знала каждый свой класс в сочетании его индивидуальностей, как дирижер знает симфонический оркестр. Каждый ученик «звучал» в этом классном оркестре, как полноценный и нужный участник. Ленивый шаблон в ответах был запрещен сразу: требовалось наблюдать окружающее и составлять грамматические примеры из жизненных впечатлений.

У нас не было ни слабых, ни неуспевающих учеников, как это ни странно для современной практики. И оценки не ставились так молниеносно, как сейчас. Наблюдения об усвоении учеником знаний накапливались в записной книжке учителя, а оценки ставились за контрольные работы — диктовки, изложения, творческие сочинения-миниатюры. Никто из нас не боялся контрольных работ, потому что мы привыкли на каждом уроке (вплоть до IX класса!) писать одно предложение предупредительного диктанта (с летучим устным разбором всех его грамматических свойств). Эта пятиминутная разминка тренировала из года в год сознательное письмо, не допуская даже случайной ошибки или описки.

Сейчас для большинства школьников уроки русского языка — это уроки страха и трепета: как бы не получить двойку за диктант или за устный ответ «на правило». Этот страх не покидает юношество вплоть до экзаменационного сочинения на вступительных экзаменах в вузы, и если абитуриент технического вуза получит проходной балл, — прости-прощай навеки неназванная грамматика! Отныне он записывает лекции, забыв все правила: эти записи не подвластны учителю русского языка!

Уроки русского языка органически стали для нас основой восприятия текста художественной литературы. Еще до прохождения Гоголя мы рылись в «Тарасе Бульбе» и «Вечерах на хуторе близ Диканьки» в поисках прилагательных-эпитетов. Мы поразились «глагольности» пушкинского языка задолго до того, как научились понимать силу Пушкина. Вот почему я не верю, что можно научить любить свой язык страстно, предлагая ученикам для разбора готовые образцы в сборниках упражнений. Учеников надо посылать «в экспедиции» в художественную литературу на поиск и нахождение нужных примеров — это учить читать, что также (если не в первую очередь!) составляет задачу преподавания русского языка.

Пока учитель на уроках русского языка будет сообщать готовое, забывая, что ученики-то стихийно владеют языком с младенческих лет, пока ученики будут отстранены от анализа известных им, но еще не осознаваемых языковых явлений, — будет происходить «отчуждение» уроков русского языка от всей жизни и интересов ребят.

О. Ф. ХУЗЕ
Ленинград

А Ч Т О Д У М А Ю Т Д Е Т И

Редакция «Русской речи» обратилась с школьникам, занимающимся по экспериментальному учебнику, со следующими вопросами:

Что было в учебнике самым интересным?

Что показалось скучным и что трудным?

Какие нужны изменения, чтобы учебник стал еще лучше?

Нам ответили ребята, ученики четвертых классов спецшколы №3 Москвы (учительница Г. Н. Трусова), школы № 157 Ленинграда (учительница И. А. Пругалова) и Ульяновской школы Ленинградской области (учительница Е. И. Ушенко).

АНДРЕЙ КРАСАВИН

Больше всего мне понравился раздел «Синтаксис и пунктуация». В нем интересные упражнения, они легко усваиваются. В конце отдела толково объясняется значение слов **синтаксис** и **пунктуация**.

Самым трудным из пройденного я считаю фонетику и графику. Там говорится о большой науке о буквах и звуках нашей речи. В этом разделе мне нелегко было понять, какие буквы обозначают какие звуки. До этого я думал, что буквы и звуки — это одно и то же. Сразу понять нелегко.

ТАНЯ САЛЬХОВА

Мне нравится изучать фонетику. Это очень интересный раздел науки. Я узнала, что слова произносятся не так, как пишутся. Оказывается, согласные звуки произносятся и голосом и шумом. А в образовании гласных звуков участвует только голос.

Мне очень понравился новый учебник. Я думаю, что надо давать больше из истории слов.

ЛЕНА ЧУГУНОВА

Больше всего мне понравился материал о многозначных словах и об устойчивых словосочетаниях. Этот раздел науки мне легко запомнился. Я узнала очень много словосочетаний, которые состоят из нескольких слов, но смысл у них как у одного слова. Материал о многозначных словах мне понравился тем, что мы придумывали слова, у ко-

торых по два и даже по три значения. Иногда люди не понимают друг друга. Например, гуляют два друга в поле, один — в широкополой соломенной шляпе. И вот, когда речь зашла о красоте полей, человек, который был в шляпе, не понял друга и спросил: «Поля моей шляпы красивы?».

Наш учебник мне очень понравился. Я и многие другие из нашего класса очень любим читать стихи (особенно веселые) и смотреть картинки. Я очень прошу создателей учебника побольше дать в книге стихов.

АНЯ ОСТРОВСКАЯ

Мне показался самым интересным раздел «Ударные и безударные гласные». Из этого раздела я узнала, что в нашем языке ударение называют разноместным. При склонении и спряжении ударение может с одной части слова переходить на другую. Поэтому говорят также, что оно подвижное.

На уроках бывает скучно, когда мы учим правила и каждый урок делаем похожие упражнения.

СЕРЕЖА АРХИПОВ

Самое интересное было транскрибировать слова и подсчитывать количество букв и звуков.

НАТАША ВЕРХОВСКАЯ

Наиболее интересным разделом показался мне синтаксис и пунктуация. В этот раздел входят словосочетания. Интересно, что в словосочетаниях есть главное и зависимое слово, и что вопрос ставится от главного к зависимому.

КАТЯ СМИРНОВА

Мне понравилась лексика. Интересно узнавать что-то новое о давно известных и с первого взгляда неинтересных словах.

Вообще-то учебник интересный. В четвертом классе ребята уже взрослые, и сочинения должны быть повзрослее. И еще, пусть будет побольше высказываний о русском языке.

САША КЛЮКИН

Самым трудным я считаю § 20: «Предложения с обращениями». Сначала я ставил запятое не там или ставил после слова, а надо перед словом. Но скоро я уже понимал все и уже никогда больше не встречал трудностей.

Мне этот учебник понравился, но в него надо добавить рассказы. Например, как образовались разные слова, выражения.

ЛЕНА МУХИНА

На уроках бывает скучно, когда учим правила. Это очень надоедает. Интересно бывает тогда, когда пишем диктанты и сочинения, а трудно, когда мы пишем слова из словаря.

АЛЛА МАЗАНОВА

Я думаю, скучно на уроках тогда, когда мы делаем работу над ошибками. Интересно, когда рассказывают об устойчивых словосочетаниях или о фонетике.

НАТАША БОРОДАЙ

Самым трудным был раздел «Фонетика и графика». Фонетический разбор, звуки и их образование, обозначение звуков речи на письме. Сиди да разбирай, сиди да разбирай! Скучно и неинтересно, хотя этот раздел был самым главным.

Учебник замечательный. Очень хорошо учиться по новому учебнику. И чтобы он стал лучше, мне кажется, надо включать в учебник рассказы, повести, сказки (наших замечательных писателей, как Тургенев, Гончаров, Толстой, Горький, Пришвин, Паустовский) и из рассказов выбирать самые удачные, красивые места и помещать в книгу, переделывая их в упражнения. И больше занимательных картинок, как на стр. 275.

СЕРЕЖА ПЫНОВ

Хочется, чтобы в учебнике было больше изложений и больше о происхождении слов.

ВАЛЯ КИРЗОН

Мне очень нравятся упражнения, в которых пропущены буквы. В них интересно не ошибиться и заодно запоминать, как пишется слово. Еще мне нравится, когда мы разбираем предложение по членам предложения. Тут иногда возникает спор и очень интересно выяснять, кто прав. Я люблю оживленные уроки.

Из пройденного мне показалось самым трудным, когда мы проходили звуки и буквы. В это время нам задава-

ли учить много правил. Одно правило выучишь, потом другое, а правило, которое до этого учили, совсем забываешь. И я много делала ошибок.

Было скучно на уроке, когда мы проходили лексику. Тут были тексты, в которых много непонятных слов. И текст плохо усваивался. Когда нас просили пересказывать эти тексты, то многие ребята не могли их пересказать, и нас заставляли несколько раз читать одно и то же. Интересно было, когда мы проходили многозначные слова и синонимы. Тут понятные тексты, и уроки были оживленными.

ГАЛЯ ПОЛЯКОВА

Предлагаю для изучения помещать не рассказы дошкольников, а юморески и научно-познавательные рассказы.

СЕРЕЖА ГОЛОВАНОВ

Интересно употребление слов в переносном значении. Хочется, чтобы в учебнике были портреты писателей, чтобы иллюстрации были красивыми.

АНДРЕЙ ХАРИН

Я думаю, что в учебник надо вставить побольше кроссвордов и анекдотов. Можно еще юмористические рассказы.

АЛЛА ХАЙКИНА

По-моему, надо прибавить еще несколько неотредактированных текстов и несколько упражнений на устный пересказ.

СЛАВА МАКСИМЕНКО

Учебник понравился, а изменить в нем надо фонетический разбор: уж больно он скучный.

САША ГУБАНОВ

Мне все вопросы, виды работы, упражнения понравились, потому что над всеми заданиями надо подумать.

Очень хочется, чтобы в учебнике было больше редакторской работы.

АНДРЕЙ ДАНИЛЮК

Мне понравилась лексика, потому что я давал необычные примеры омонимов, синонимов и антонимов, а мне за это хорошие оценки ставили.

33 или 32?

Сравнение алфавита, представляющего собой совокупность всех букв языка, с периодической системой элементов Д. И. Менделеева — дело несколько рискованное, но все же возможное.

Периодическая система состоит из определенного числа знаков.

Алфавит — тоже.

Каждым знаком системы обозначается определенный химический элемент.

Каждая буква в азбуке обозначает определенный звук или определенное сочетание звуков.

Знаки (символы) периодической системы расположены в строгом порядке.

Знаки (буквы) в азбуке тоже расположены в строгом порядке — алфавитном.

Нарушение порядка расположения символов в периодической системе или изъятие одного из них может привести к невообразимой путанице, к чрезвычайно тяжелым последствиям.

Нарушение порядка (изъятие и перестановка букв) в азбуке ни к каким трагическим последствиям, по видимому, привести не может. Однако такое нарушение вызывает чувство недоумения и производит неприятное впечатление на нас, учителей русского языка, призванных наводить порядок в знаниях учащихся и приучать их к этому порядку.

Недавно один из старшеклассников обратился ко мне с «каверзным» вопросом: «Сколько букв в русском алфавите?». Я ответила: «Об этом я рассказывала в пятом классе. Ты забыл?» — «Нет, я помню. В учебнике сказано, что в русской азбуке 33 буквы, а вот тут...», и он протянул мне фолиант с закладкой. Это был последний том «Словаря русского языка» в четырех томах (издание АН СССР).

На стр. 1065 я прочитала: «Я. Название тридцать второй, последней буквы русского алфавита».

— А ты согласен с этим? — спросила я.

— Нет, — ответил он, немного помывшись. — Они [составители словаря] не включили букву *ё*.

Действительно, в Словаре не были собраны воедино слова, начинающиеся на букву *ё*. Все они были разбросаны между словами, начинающимися на букву *е*.

Чтобы развеять сомнения ученика относительно правильности сведений, содержащихся в «Учебнике русского языка» С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова, я решила обратиться за справкой к авторитетному «Словарю современного русского литературного языка», тоже изданному Академией наук СССР, но состоящему из 17 томов. В последнем томе, на стр. 2013 буква *я* имела такую характеристику: «Я. Тридцать третья, последняя буква русской азбуки».

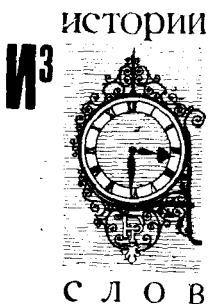
«Конечно, тридцать три», — подумала я, невольно обрадовавшись. Иначе и быть не могло!.. Чтобы подчитать, сколько слов начинается на букву *ё*, я открыла третий том семнадцатитомника, но ни одного не нашла! Слова на букву *ё*, как и в четырехтомнике, были рассредоточены между словами на букву *е*. Но каким же образом тогда буква *я* оказалась по счету 33-й, а не 32-й?

Буква *ё* игнорируется даже такими научно-популярными журналами, как «Техника — молодежи». В № 12 за 1968 год журнал публикует на стр. 33 задачу, суть которой состоит в том, чтобы, пронумеровав подряд все буквы русского алфавита (кроме буквы *ё*), найти шестибуквенные слова с минимальной и максимальной суммами. Почему «кроме буквы *ё*»? Она совершенно не мешает найти нужное решение!

Таблица Д. И. Менделеева для всех одна — и для учащихся и для ученых. А почему азбук две: для учащихся средней школы — одна, а для окончивших ее — другая?

Учительница Н. В. ДОРОХОВА

Тбилиси

ДИСКОБОЛ И БАБОЧНИК

У Пушкина есть два стихотворения, составляющие единый цикл, которые следует печатать вместе, под номерами 1 и 2, как это и было при первой их публикации («Художественная газета», 1836, № 3—10):

1

На статую играющего в свайку
Юноша, полный красоты, напряженья, усилия
чуждый,
Строен, легок и могуч,— тешится быстрой
игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин,
клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры
отдыхать.

2

На статую играющего в бабки
Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой
о колено
Бодро оперся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ
любопытный.
Врозь расступись; не мешай русской удалой
игре.

Публикация только одного из этих стихотворений нарушает целостность поэтического высказывания, а порой приводит к досадным неточностям. В экспериментальном учебнике «Русский язык» для IV класса средней школы (М., 1968) Л. П. Федоренко (художественный редактор Н. А. Володина) помещено только стихотворение «На статую играющего в бабки» (стр. 104), а рядом в качестве иллюстрации дано изображение древнегреческой скульптуры «Дискобол», созданной в середине V века до н. э. скульптором Миронем (у Пушкина дискобол фигурирует в первом, не помещенном в учебнике стихотворении). Иллюстрация дана без подписи; поскольку в стихах речь идет об играющем в бабки, можно подумать, что он-то и есть дискобол.

Метание диска, известное и сейчас,— спортивное искусство древнего происхождения. О нем писал еще Гомер. Диск, который бросали герои «Илиады», представлял собой, по мнению исследователя Ф. Ф. Велишского, тяжелый круг из литого железа, болос. Круг этот «бросали с незначительного возвышения или ступеньки... вдаль определенную, или как можно дальше; место первого полета... отмечалось без внимания к дальнейшему перекату... Состязующийся, взяв диск как можно удобнее в руку и в подлокотник правой руки, поднимает его назад как можно выше, затем делает им несколько полукруглых размахов, причем, для сохранения равновесия, верхнюю часть тела косо наклоняет вперед и левую руку опирает о правое колено... и наконец в момент бросания, чтобы придать диску полет, двигает с силою тела в противоположную сторону и выпрямляет его» (Ф. Ф. Велишский. Быт греков и римлян, Прага, 1878).

Старинные русские (ныне почти забытые) народные игры в свайку и в бабки, описанные в стихах Пушкина, к метанию диска не имеют никакого отношения. В «Сказаниях русского народа» (СПб., 1844) И. Сахаров пишет, что «игра свайка, кажется, одолжена своим бытием Тульской оружейной слободе... В редких местах других губерний можно слышать об этой игре.

Игроки запасаются для этой игры: *свайкою*, орудием, сделанным из железа в виде острого гвоздя, с толстою головкою, весом от 1 до 20 фунтов, и *«кольцом железным...»*. Состязующиеся должны попасть свайкой в центр кольца либо, воткнув ее в землю, отбросить кольцо на дальнейшее расстояние, измеряющееся *пирогами* — пяденью. Игра в свайку имеет свою терминологию: *выйти* (из игры), *подавать свайку*, *редька* (глубоко вонзившаяся в землю свайка). Если свайка, попав в кольцо, падает вместе с ним, не воткнувшись в землю, игрок лишается всех выигрышей и о нем говорят: «Захлебнулся, хомут на отца надел». Если проигрывающий не может вытащить свайку из земли, говорят: «Шильцо к бильцу подползло». Когда он, выбившись из сил, отказывается от игры, кричат: «Потей, Фатей, до звезды говей, а леца подавай». Если он, чтобы достать свайку, раскапывает землю щепкой или другим предметом, приговаривают: «Не тюрюкай тюрю, проползай в нору». Когда же, наконец, он справляется со свайкою, говорят: «Сбыл беду, как соседову жену».

Как пишет И. Сахаров, самой распространенной игрой в России была игра в бабки. Здесь «употребляют надкопытную говяжью кость, которая по городам и селам составляет особенный род промышленности мальчиков. При

продаже они считают бабки: *гнездами* — по две кости, *шестерами* — по шести костей, *битками* — самые большие бабки, *свинчатками* — бабки, налитые свинцом для тяжести и ловкости, *чугунками* — вылитые из чугуна наподобие бабок, *кудачками* — обтесанные костяные бабки для особенной игры».

В. И. Даль приводит в своем словаре и другие названия: *панбк*, *биткá*, *биток*, *бабка боевая*; *литбк*, *свинчатка*, если она налита свинцом, *гвоздырь*, если в нее для веса забит гвоздь; *шлюшка*, маленькая телячья бабка; *хруль*, *хрулек*. И. Сахаров описывает несколько вариантов игры в бабки: *кон за кон*, *плоцка*, *кудачек*, *об стенку*, *у кону*, *городок*. В. И. Даль еще упоминает *кон*, *поджошку*, *катошки*.

Кон за кон состоит в том, что «игроки ставят на равном месте по гнезду на битку. Потом определяют условное расстояние — *кони*...». «Кому прежде начинать игру — бить — и кому после, о том мечут жеребьи,— пишет И. Сахаров.— Для этого игроки бросают вверх бабки, с особенными уловками — *выстилкою*. Если бабка, упавшая на землю, ляжет на правый бок, то это будет *плоцка* — старшая по игре; если ляжет на спину, то будет *жог* — вторая по игре; если ляжет бабка на левый бок, то это будет *ничка*, моложе всех». В. И. Даль пишет об этом так: «когда конаются, подкидывают бабки, то различают *жог*, положение хребтиком вверх, *кónка*, хребтиком вниз; *плоцка*, *бок*, *бóка*, на левый бок; *нйка*, *нйчек*, *нйчка*, *ничбк*, на правый; местами различают *бок* и *плоцку*, а *ничкой* зовут положение желобком кверху».

В игре *кон за кон* «игроки, становясь на черту, бьют битками по старшинству. Если сшибут бабки, на кону стоящие, то их считают своим выигрышем. Когда они все перебьют, тогда каждый переходит за кон к своим биткам, и бьет с того места, где лежит его биток; чья далее лежит, тот прежде начинает и бить, а остальные доканчивают игру по расстоянию своих битков».

При игре в *плоцку* «ставят на кон по гнезду на битку, и потом мечут битками, у кого ляжет — *плоцка*, *жог*, *ничка*. Игроки здесь *плоцку* называют *правилом*, *ничку* *левиком*. Если битка ляжет ничкою, то игрок должен бить ею в кон с *левой руки*. Дальняя *плоцка* дает право игроку на первенство бить прежде всех других».

Играя в *кудачек*, «собирают вместе битки, потом мечут их вверх, и чья ляжет жогом, то хозяин этой начинает *отбивать чужие битки*. При отбивке он говорит: „Раз на кудак, два на кудак, три на кудак“. Если он ударит по неосторожности другие битки, тогда переметьвают снова бабки, а если сделают промах, то считают проигрыши».

В игре *об стенку* «ударяют по очереди бабками об стенку. Если второй игрок положит бабку так близко к чужой, что пространство будет на одну *пяту*, тогда он выиграл». Игра *у кону* состоит в том, что «ставят на кон на каждую битку по *шестеру* бабок, потом мечут битки, и чьих больше ляжет жогов, тот первый подходит к концу и бьет по гнездам. Все им сбитые бабки считаются его выигрышем. Успех в этой игре зависит от подтесанной битки».

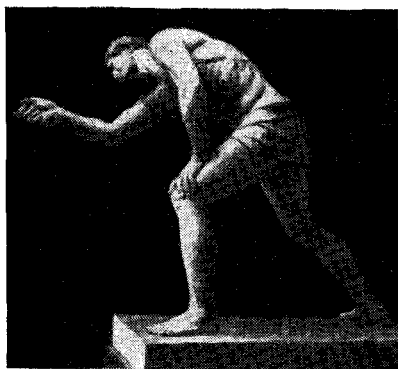
И, наконец, игра *городок*, в которой «ставят по гнезду из бабок — *городок*, в виде *шестиугольника*, а в середине его помещают три гнезда — *сердцевину*. После сего идут к черте и мечут битки. *Плоцка*, *жог* дают право играть, а *ничка* оставляет игрока в домоседах, то есть без ничего. Здесь употребляют *свинчатки* и *чугунки*. Игрок должен сбить прежде от черты го-

родню, а если он дотронет сердцевину, тогда платят *пеню* по шестеру. Сердцевина, если останется по разбитии городка *непачаю*, предоставляется в пользу домоседов».

Из этого описания И. Сахарова следует, что современная игра городки похожа на последний вариант игры в бабки и, очевидно, восходит к ней.

Важнейшим моментом превращения игры в бабки в игру в городки стала замена материала игровых чурок. Первоначально это были надкопытные кости живот-

ных, издавна и у разных народов использовавшиеся в играх. Была такая игра и у древних греков. Ее напоминает старинная русская азартная игра в зернь. Так назывались на Руси «небольшие косточки с белой и черною сторонами, служившие предметом игры, особенно распространенной в XVI и XVII вв. Выигрыш определялся тем, какою стороною упадут брошенные косточки» (Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь). Игра в кости — известная азартная игра, в которой фигурирует кубическая фишка с нанесенными на ее сторонах пятнышками-очками — 1, 2, 3, 4, 5, 6, изготовлявшаяся первоначально из натуральной кости. Ф. Ф. Велишский пишет, что у греков любимой была игра в бабки: «Первоначально при ней употреблялись бабки... овец или другого скота, впоследствии же стали делать их также из слоновой кости. Эти бабки имели очка [очки.— И. В.] только на четырех сторонах, а именно: на двух широких (выпуклой... и оборотной, выдолбленной) и на двух узких, одной с небольшим углублением... и другой ровной... На обе хребтообразные узкие стороны

бабка не могла пасть, и поэтому только упомянутые четыре стороны обозначались очками, а именно... одним... шестью... тремя... четырьмя. Для игры употреблялись четыре такие бабки, так что можно было сделать 35 различных ударов, цены и названия которых были точно определены. Самым удачным ударом считался тот, когда каждая бабка падала на другую сторону, так что выходили очки 1, 3, 4, 6... Самым неудачным... — тот, когда все бабки пали на узкую ровную сторону 1, 1, 1, 1...».

Эта древнегреческая игра [астралалос.— И. В.] сходна с процессом жеребьевки, или ко-

нанья, в русской игре в бабки. И. Сахаров не случайно заметил, что русские обучились играть в бабки «по милости Греков». В русском языке, как и в греческом, игра названа по ее «фишке»: и там и тут это общее название и игральной кости и надкопытного сустава животного. Правда, в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской (1968) находим: «*Бабка* (игральная кость). Собственно русское. Образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-жа* от *баба* «чурбан, столб, пень», в диалектах XIX в. еще известного». Но это не совсем точно: бабкой у нас называется и часть ноги животного. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» в статье *Бабка* читаем: «Надкопытный сустав ноги у животных; кость этого сустава. За... музортенькой кобылкой... бежал тонконогий, с угольценными бабками жеребенок. Шолохов, Поднятая целина». Ср. в том же словаре: «Кость надкопытного сустава коровы, употребляемая для игры». В. И. Даль объединил эти значения: «часть копытной ноги (и др. животных) под щетку, путовой сустав, *кóзна, кóзан, козанок, лодыга, шляк, альчик, бáска, костьга*, игорная бабка, надкопытная говяжья кость».

Очевидно, что *бабка* в значении «надкопытный сустав ноги у животных; кость этого сустава» восходит к *бабка* в значении, указанном Н. М. Шанским, и представляет собой результат переноса наименования по сходству функции обозначаемых — подпоры. Затем сложилось значение «игральная кость». Ср. в «Этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского (1965): «*Бабка* (косточка надкопытного сустава животного, употребляемая для игры). Отмечается в восточно- и западнославянских языках; украинское *бáбка*, белорусское *бáбка*, чешское *babka*, словацкое *babka*. Уменьшительное, образованное с помощью суффикса *-ьк-* к существительному *баба* в значении «чурбан; копер». Название старинной игры в бабки отразилось в ряде русских пословиц: «В счастье — не в бабки: свинчаткой кону не выбьешь»; «Тебе не в шашки, а в бабки играть»; «В счастье — не в чурки».

Таким образом, метание диска и игры в свайку и в бабки между собой не имеют ничего общего. Но они поэтически соединены в стихах Пушкина. Ради чего и с помощью каких средств это достигнуто?

Следование античным образцам составляло особенность искусства классицизма. Правило это соблюдалось при обращении художников к народным темам, что приводило подчас к прямой трансформации одной темы в другую.

Одну из особенностей русского классицизма в изобразительном искусстве (в частности в скульптуре) составляет соединение народного русского начала с античным. В 1836 году Пушкин писал о выставке в Академии художеств: «Наконец и скульптура в России явилась народная!». Два русских скульптора показали там произведения, в которых они в классицистической манере разработали тему из старинного русского быта. Это были А. Логановский (скульптура «Парень, играющий в свайку») и И. Пименов (скульптура «Парень, играющий в бабки»). Обращают на себя внимание обнаженность фигур, традиционно античный характер складок их набедренных поясков и общие идеальные пропорции изображенных тел. Этим скульптурам Пушкин посвятил стихи, о которых «Художественная газета» (1836) писала, что они «равно принадлежат как Отечественной Литературе, так и Отечественным Художествам».

Важен лексический отбор, который производит Пушкин для своих стихотворений. Включив в их заглавия названия самих скульптур, Пушкин заменяет в тексте просторечное *парень* словом *юноша*, но не потому, что он совсем не дал в своей эстетике места народности. Это Н. М. Карамзин писал: «Один мужик говорит *пичужечка* и *парень*: первое приятно, второе отвратительно [разрядка моя.—И. В.]. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: „Вот гнездо! вот пичужечка!“ При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы, говоря: „Ай, парень! что за квас!“».

Пушкин назвал крестьянку высоким словом *дева*:

В избушке распевая дева
 Придет, и, зимний друг ночей,
 Трешит лучинка перед ней...

Евгений Онегин

и связал в литературе нравственный идеал с именем Татьяны, простонародным в XIX веке, и «возвел в перл создания» простонародность в своих сказках. Но проблема «простонародности» решалась Пушкиным не этнографически и диалектологически, «а была связана с пониманием путей исторического самоопределения русской нации» (В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л. 1935, стр. 13). В его стихах, посвященных бабочнику и сваячнику, мы не находим явно просторечных или диалектных слов, отмеченных И. Сахаровым и В. И. Далем.

Ощувив античный колорит скульптуры Логановского, Пушкин написал свои стихи античным метром (элегический дистих), сравнив в них русского удалца с античным красавцем. Сравнение построено не столько на сходстве положений тел и рук фигур (в этом смысле бабочник как раз больше похож на дискобола, что, вероятно, и привело к ошибке иллюстратора учебника), сколько на общем восприятии классических форм и пропорций. Пушкин ввел в стихотворение древнегреческое слово *дискобол*, и тогда рядом с ним разговорные и особенно частые в народной поэзии *краса*, *тешигься*, *клянуся*, *раздаваться* 'расступаться', *удбляя* оказались выразителями собственно русского народного начала.

Копии скульптур Мирона, Логановского, Пименова украшают Царско-сельский парк в городе Пушкине. Бронзовые бабочник и свечник стоят у входа в Александровский дворец. Когда вы будете в Царском-сельском парке, посмотрите на них внимательно, вспомните посвященные им пушкинские строки и еще раз подивитесь гению, умевшему столь ощутимо передавать действительность в слове.

И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ

Негодяй

Подлого, низкого человека называют *негодяем*: «В глубине души он чувствовал уже, что он негодяй, которому должно быть совестно смотреть в глаза людям» (Л. Толстой. Воскресење); «Мнимый граф был самозванец, отъявленный плут и негодяй» (С. Аксаков. Воспоминания); «В нашей действительности негодяй — существо, глубоко и неизлечимо зараженное болезнями „старого мира“: завистью, жадностью, человеконенавистничеством, враждою ко всему, что противоречит его, негодяя, навыкам, вкусам» (Горький. Если враг не сдается...).

Употребительны и формы *негодяйка*: «Чтоб я ее не видала негодяйку» (Гончаров. Обрыв); *негодяйский*: негодяйский поступок, негодяйская фигура и т. п.; *негодяйство*: «Я не ждал, что сослуживец Гиганова предложит мне иное, кроме низкого негодяйства» (Леонов. Русский лес).

Все приведенные формы, таким образом, восходят к *негодяй*, от которой они и образованы. При этом *негодяй* происходит от *негодить* так же, как *вилять* от *вилять*, *слюняй* от *слюнить*, *ширяй* от *ширить* и т. д. Все эти существительные образованы присоединением к основе глагола суффикса *-яй*, придающего ей оттенок презрения, пренебрежения.

Глагол *годить* ныне встречается редко в значении 'ждать, медлить'; но в старину он означал 'удотить, угождать': «Тому богу годити чистомъ тѣломъ и духомъ» (Так богу можно угодить чистым телом и духом); «Тѣ книги годятся съжечи» (Книги эти годятся только для того, чтобы сжечь). В последнем значении *годиться* употребителен и в языке художественной литературы:

Вы молоды; вам любы
Турниры, праздники.
А я на них
Уж не гождусь.

Пушкин. Скупой рыцарь

«Мальчик, как вы видите, на возрастe.— В солдаты годится». Тот, кто нигде не годится, того называют негодным: «Он посылал скосить клевер на сено, выбрав плохие десятины, проросшие травой и полынью, негодные на семена» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Негодный человечико, за ним глядеть — да и глядеть» (А. Островский. Козьма Захарыч Минин-Сухорук).

Корень всех приведенных слов *год-*, имевший значение 'пора', 'время': «Въ годъ объѣда» (В пору обеда; В срок, когда обед); «Приде въ монастырь въ годъ вечерни» (Пришел в монастырь в пору вечерни). Отсюда *годиться* значит 'в пору', *не годиться* 'не в пору': «Чему не год,

так и семенам не род» (Если не пора, так и семена не взойдут) — поговорка. От этого значения *год* и образовался глагол *годиться*, а от последнего — существительное *негодья*

‘ни на что доброе не годный’. Слово *год* ‘время’ стало обозначать ‘круговорот земли вокруг солнца, равный 365 дням’.

А. С. ЛЬВОВ

Оплечь у Ал. Блока

Вспомним одно четверостишие из поэмы «Двенадцать» Ал. Блока:

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь ружейные ремни...
Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

и обратим внимание на наречие *оплечь*. Так как контекст не дает однозначного толкования — ‘за плечами’, ‘на плечах’, ‘возле плеча’, ‘через плечо’, ‘вокруг плеча’, обратимся к словарям современного русского языка.

‘Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1938) приводит это слово с единственным примером его употребления в поэме «Двенадцать»: «*оплечь наречие* (устарелое и поэтическое). На плечах. *Оплечь ружейные ремни*. Блок». В семнадцатитомный и четырехтомный академические словари наречие *оплечь* было перенесено из Словаря Д. Н. Ушакова с тем же единственным примером. Причем, если четырехтомный «Словарь русского языка» (1958) воспользовался толкованием и пометами Словаря Д. Н. Ушакова, то семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1959), приводя то же толкование, не дает помет «устарелое» и «поэтическое». «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, фиксирующий в основном лексику современную, а из устарелых слов отмечающий лишь те, которые вышли или выходят из живого употребления, но которые еще хорошо известны в современном литературном языке, вообще не приводит этого слова.

Поскольку наречие *оплечь* характеризуется словарями современного языка как устарелое, естественным кажется его наличие в словарях, изданных до 1917 года. Однако нам не

удалось обнаружить его ни в одном из дореволюционных словарей (даже в ‘Толковом словаре живого великорусского языка’ В. Даля), несмотря на то, что в них широко представлены слова, образованные от той же производящей основы *-плеч-*. Таковы: *оплечки* — ‘наплечная часть оклада на иконах’, *оплечье* — ‘часть платья, покрывающего плечи’; ‘ограда, защита’, *оплечник* — ‘то же, что *оплечье*’, *оплека* — ‘оплечье; вещь или знак на плече’, *оплечико* — ‘рубчик, всякое утолщение уступом’, *оплечный* — ‘относящийся к плечам, к *оплечью*’, *оплечиться* — ‘возмужать, окрепнуть, поширеть в плечах’. Не отмечено наречие *оплечь* ни в памятниках древнерусского языка, ни в записях народных говоров.

По-видимому, это новообразование Ал. Блока. Возможность появления слова *оплечь* обусловлена, во-первых, тем, что в русском языке есть наречия от имен существительных в винительном падеже с предлогом *о*, во-вторых, активностью (правда, в современном языке уже ослабленной) производящей именной основы *-плеч-*, от которой образовано целое гнездо родственных слов.

Подобно большинству наречий, таких, как: *обок* — ‘рядом, возле кого, чего-нибудь’, *одаль* — ‘поодаль, в стороне, в сторону’, *оземь* — ‘на землю’, *окрест* — ‘вокруг, поблизости, по соседству’, слово *оплечь* получило в словарях помету «устарелое», тем более, что оно и структурно (предлог *о* + винительный падеж существительного), и семантически (указание на место) ничем от них не отличается. В диалектах такого рода наречия с пространственным, а иногда и временным значением распространены шире: *ополночь* — ‘в полночь’, *осередь* — ‘посреди’, *обночь* — ‘в одну ночь; через ночь’, *обруч* — ‘рука об

руку' и др. Мы даже можем провести известную аналогию с имеющимся в украинском языке наречием *опліч* (чаще в форме *попліч*), которое имеет совсем другое значение, чем *оплечь*: 'рядом, плечо с плечом'.

В семнадцатитомном Словаре отмечено как «устарелое» и «областное» употребление предлога *о* для обозначения пространственных отношений с указанием на место совершения действия (в современном языке оно осталось в наречных сочетаниях: бок *о* бок, плечо *о* плечо). Предлог *о* в этом случае обозначает 'рядом, возле чего-либо, вплотную с чем-либо'. Очевидно, это значение предлога *о* так или иначе представлено в приставке *о* в наречии *оплечь* (как, впрочем, и во всех названных наречиях этого типа). Таким образом, буквальное

значение наречия — 'возле плеча'. По более подходящим в нашем случае представляется контекстуальное значение 'на плечах' (оно и приводится в качестве основного толкования наречия *оплечь* в Словаре Д. Н. Ушакова).

Ал. Блок настолько искусно проник в стихию народного языка, настолько мастерски ввел новое слово в общую канву народно-поэтического языка поэмы, что новообразование было воспринято как давно существующее (устарелое!) слово, а словари пытались указать его, приписав ему общезыковой характер. Однако следует признать, что *оплечь* так и не вошло в язык и осталось окказиональным образованием Ал. Блока.

М. А. БАКИНА

Зодчий — здание

Знаете ли вы, что *зодчий* и *гончар* когда-то были близкими по смыслу словами, а *зодчий* и *здание* — одного корня?

Было в древнерусском языке короткое слово *зѣдъ*, которое не имело так называемых гласных полного образования, а произносилось со сверхкраткими (редуцированными) гласными «ерь» (ь) и «ер» (ѣ). Пришло оно на Русь из старославянских памятников и имело значение 'глина'. Этимологически слово это общеславянское, имеющее соответствия в других индоевропейских языках. Судя по примерам, приведенным И. И. Срезневским в «Материалах для Словаря древнерусского языка», слово *зѣдъ* встречается еще в XI веке: «Тогда истръся зѣло зѣдъ, желѣзо, мѣдъ, серебро, злато и бы(с) яко и прахъ» (Книга пророка Даниила по списку XV века, скопированному с рукописи Упыря Лихого 1047 года). «И на зѣдъ писано тако...», — читаем мы в Синайском патерике, памятнике XI века. Здесь слово *зѣдъ* обозначает не просто 'глина', а 'глиняная плитка, табличка, употреблявшаяся в древности для письма'.

От слова *зѣдъ* в древнерусском языке появились производные: прилагательные *зѣдъный*, *зѣданыи* и

зѣдъныйи 'глиняный' и существительные с суффиксами *-арь* и *-ъчии* (современное *-чий*) *зѣдарь* и *зѣдъчии* 'гончар, горшечник': «съсуды зѣдарѣ искушають пещь» (Сборник Тр.-Серг., конец XII — начало XIII века); «мѣдари, зѣдаря», «зѣдъчии и дрѣводѣля» (Почения Кирилла, архиепископа Иерусалимского, список XII века).

Со временем *зѣдъ* получило вторичное значение — 'то, что сооружено из глины', 'постройка': «птица особящяся на зѣдъ» (Срезневский, III), а *зѣдъчии*, кроме 'гончар, горшечник', получило значение 'строитель, создатель': «Зѣдчии основаниа положивъ стѣны воздвигъ врѣхъ» (Срезневский, I).

Тогда же, очевидно, начал употребляться и глагол *зѣдати*, означающий 'строить, создавать': «и нача зѣдати цркъв маяя мсця въ 21. на святую цркъю костянтина и елены» (Новгородская летопись, XIII—XIV века); «Хотяте же и цркъв начати зѣдати на мѣстѣ ветѣхоѣ деревноѣ» (Сказание о Борисе и Глебе).

От того же корня, что и глагол *зѣдати*, образованы существительное *зѣдатель* 'строитель, творец' и прилагательное, производное от него *зѣдательныйи* 'строительный': «Ольгъ... умысли въздвигнути цркъв... и при-

ведь зѣдатель повелѣ зѣдати» (Сказание о Борисе и Глебе); «Зѣдателя блага и учителя» (XIII Слов Григория Богослова); существительное *зѣдание* «строение»: «Великий князь (в) Гюрги заложил прѣвь каменью... заздрушивъ старое зданье» (Давренъевская летопись 1377 года) и «строительство, постройка»: «О здании новыхъ домовъ и о поновлении ветхыхъ» (Рязанская кормчая 1284 года).

Интересно отметить, что эти давно вышедшие из употребления слова можно найти еще в словарях первой половины прошлого века. Например, «Словарь Академии Российской» (1809) приводит существительное *зѣдатель* (зѣдательница) «кто зиждет, сооружает, строит что». *Зѣдатель* находим и в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). Есть тут и слово *зѣдати* «сооружать, строить». *Зѣданию* дано с пометой «старинное», то же, что *зодчий*: «Собра здачивъ хитрыхъ много и согради церковь каменну велию и пречудну зѣло».

В современных словарях — «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» — можно найти лишь *здание* (уменьшительное к не-

му *зданице*) и *зодчий* (с производными *зодчество*, *зодческий*).

Таким образом, из всего гнезда слов (*зѣдъ* — зѣдныи, зѣданыи, зѣдныи; *зѣдъ* — зѣдарь, зѣдчиц, зѣдати; *зѣдати* — зѣдание; *зѣдати* — зѣдатель) сохранились в современном русском языке только *зодчий* (зѣдчиц) и *здание* (зѣдание). Следует добавить, что древнерусскому *зѣдати* соответствовало старославянское *зиждати* (его производные — *зиждитель*, *зиждѣник* «строитель, создатель»). И эти слова со старославянским элементом *-жд-* тоже дожили до наших дней, правда, уже как архаизмы (зиждитель, зиждительство, зиждительный) или сугубо книжная лексика (зиждить, зиждиться). Редуцированный [ѣ] в слове *зѣдание* перед ударным гласным [а] находился в так называемой «слабой позиции», поэтому он выпал. В слове *зѣдчиц* [ѣ] находился под ударением (в «сильной позиции») и должен был «проясниться» в [е]. Но в этом случае должно было быть не *зодчий*, а *зедчий*. Появление на месте [е] звука [о] можно объяснить только смещением букв ѣ и ѣ, частым в эпоху падения редуцированных. Следовательно, о в слове *зодчий* не фонетического, а чисто орфографического характера.

З. М. ПЛИСКЕВИЧ

Читая словари

Что такое ОБЕЧАЙКА?

...Итак, все мы в совершенстве владеем русским языком. И знаем все слова, как своих детей, кроме, может быть, иного мудреного иностранца или собственнорожденного уродца вроде «горводхимснабэлектроустрой»...

Но вот перед нами слово совершенно прозрачное на вид. Кажется, еще миг и угадаешь — как бы припомнишь — его значение... Нет, не так-то оно просто, оказывается!

В этом и во многих других сходных случаях нам на помощь приходит толковый словарь. Возьми и ты его, читатель, — большой, 17-томный, или тот, что поменьше — в нем четыре тома, — или любой толковый, какой окажется у тебя под рукой. Ты найдешь значение слова *обечайка*. Но не закрывай словарь сразу, полистай его. Быть может, тебе попадется еще какое-нибудь интересное слово, значение которого ты не знаешь. Напиши нам об этом. Напиши нам обо всем интересном, что ты найдешь в сло-

варе. А такого, мы уверены, будет немало.

Возможно, что-то покажется тебе непонятным в форме и системе подачи материала. Напиши нам и об этом. На твои вопросы ответят опытные языковеды, занимающиеся сбором и упорядочением словарного материала...

И учти еще: словари — настоящая сокровищница русского языка. Ценность их непреодолима. Они — верстовые столбы в истории народной культуры. Знать их необходимо каждому — рабочий ты или писатель, инженер или сельский учитель.

Буква э в скорописи

О букве э писали и спорили много. Временем ее появления в русском алфавите принято считать то, которое указал Я. К. Грот: «Буква э, которой нет в церковнославянской азбуке, введена в нашу печать вскоре после установления гражданского письма» (Русское правописание, СПб., 1885, стр. 71—72). Авторы вышедших в последнее время работ «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.)» (М., 1965) и «Орфография и русский язык» (М., 1966), предлагающие читателю краткую историю русского алфавита, и в частности историю буквы э, полагаются, по-видимому, на высказывание Я. К. Грота, констатируют, что буква э «была узаконена» только после реформы Петра I, когда была принята гражданская азбука, т. е. в начале XVIII века. А между тем в этом заключении не учтено одно существенное обстоятельство. Я. К. Грот, упоминая о введении буквы э в печать (алфавит, предназначенный для печатания книг), не касается вопроса использования этой буквы в русской письменности. Поэтому едва ли правильно расценивать слова Грота как указание на время включения буквы э в русский алфавит вообще.

До установления гражданского письма существовал по крайней мере двухвековой период скорописи, когда буква э уже употреблялась, период, сыгравший важную роль в истории ее утверждения. Думается, что мнение, возникшее под влиянием не точно понятого высказывания Я. К. Грота, могло укрепиться лишь в результате недостаточной изученности графики древнерусских памятников и в первую очередь памятников скорописи XVI—XVII веков.

Еще академик Е. Ф. Карский отмечал: «Вместо с в памятниках югославянских XIII—XIV веков иногда

встречается э, напр. в Дечанской псалтыри..., Дечанском евангелии... в качестве надписного с: „якож^о 10, 13, идьш^о 17, болѣшаа 194 б“ и др. В подобной же роли встречается э в Боснийской (в Травнике) рукописи XIII—XIV в... В Сильвестровском сборнике XIV в... буква э встречается и в строке в слове эль (л. 173 б): „бе мои. вѣчныи крѣпце сте саваофе преславне. эль. эль. эль. эль. тоаиль. ты «си...». От югославян этот знак проник в Западную Русь: его находим, напр. в рукописи... XV в. с повестью о страдании Христа, поклонеции 3-х королей и т. д... а также в Познанском сборнике XVI в.; встречается это написание и в некоторых изданиях Литовского статута 1588 года. В западнорусских рукописях этот знак употребляется в иностранных словах для передачи е неумягчительного: експектатывахъ Стат. 1588 года» (Очерк славянской кирилловской палеографии, Варшава, 1915).

В столбцах русской скорописи с XVI века засвидетельствовано сравнительно широкое использование этой буквы. В «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством», 1556—1586 (СПб., 1910) находим: Эзелской земли, прямо на Эзель и др.; в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским государством», 1598—1608 (М., 1912): города Эрли, эстонского и др., и 1609—1615 (М., 1913): ландграфа Элсицкого, цесарева посла Эразмуса, эстонской и др.; в «Путешествиях русских послов XVI—XVII веков» (М.—Л., 1954): эсенской, эль-маркез, Элистан, Эдуард, местечко Эйниум, народность эрили, кабардинский посол Эльбуздук и др.

Как видим, буква э употреблялась в русском письме задолго до реформы Петра I.

Буквы э не было в старославян-

ском алфавите, и даже те слова, которые могли иметь ее, писались в старославянских памятниках через *е*: ексархъ, еклисиастъ и под. Следуя традиции, букву *э* не помещали и в «прописях скорописи» XVII века (так назывались алфавитно-образцы написаний русских скорописных букв, предназначенные для обучения грамоте). В Государственном Историческом музее СССР хранятся прописи скорописного письма, последовательно фиксирующие эту особенность.

Реформа Петра I была проведена в целях унификации графики и выбора шрифта для печатания книг. Образцы азбуки, в основе своей кирилловской, изготовленные для Петра I чертежником и рисовальщиком Куленбахом, включали в себя элементы скорописных начертаний. «В преобразованном Петром I шрифте буквам придано очертание латинских, часто совпадающих и с русскими скорописными буквами того времени», — писал Е. Ф. Карский в названной книге (см. об этом также: А. Шипцгал. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947).

Характерная черта скорописи — графическая неоднозначность букв, где каждая из них имеет по несколько изображений, часто весьма отличных друг от друга. Сведение самых разнообразных графических вариантов кириллицы и скорописи к одному, наиболее типичному, было основной задачей проведенной реформы. Поскольку при подготовке реформы анализу подвергались все встречающиеся в рукописях основные начертания букв, попала в алфавит и буква *э*. С этих пор она прочно вошла в русскую азбуку. В «прописях скорописи» было два обозначения: *е* — после *д* и *с* — после *ю*. И если судить по этим прописям, местоположение *э* в «новом», отредактированном алфавите оказалось заранее predeterminedным: буква следовала после *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ* перед *ю* на месте кириллического *е*, объединенного при реформе с *е*. «Новая» для старославянского алфавита буква *э* (перевернутое *е*) легко вошла в строй русских букв. Между прочим, сам знак *э* не был для славянской азбуки случайным: уже в глаголице *э* употреблялось при обозначении *е*.

Буква *э* в русском языке имела конкретное звуковое выражение, что и определило закрепление ее в алфавите. После отвердения *ц* и шипящих употребление *е* стало нормой в определенных сочетаниях — в середине слова после *ж*, *ш*, *щ*. «Относительно употребления *е* и *э* прежде всего надо рассеять легенду, будто русскому языку не свойственно сочетание твердого согласного с гласным *е* (*э*). Прежде всего слог *ше*, *же*, *че* в словах *шесть*, *жест*, *цел* и т. п. несомненно тверды и в сущности должны бы писаться *шэ*, *жэ*, *цэ*», — писал академик Л. В. Щерба в работе «Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий» (Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958).

В первой рукописной газете начала XVII века «Куранты» такое *э* встречалось уже в иных сочетаниях, ср. варианты: цысарские и цесарские [цэ], цысаревы люди и цесаревы [цэ] люди, а также — Торстенсона и Торстенсена [сэ] и др. В текстах — аналогичные случаи, когда писец, подчеркивая твердость предшествующего согласного и широту последующего гласного, исправляет *е* на *о*. Широкий звук [э] после твердого согласного не всегда получал в «Курантах» соответствующее буквенное оформление. Но все же здесь мы находим довольно последовательное применение буквы *э*.

Самые ранние известные нам тексты «Курантов» датируются 1620 годом. Курант — «газета», заимствовано через немецкое Couranten — «ходячие вести, известия» или через немецкое Kurant, или прямо из французского courant — «бегущий».

Появление газеты на Руси было подготовлено всем ходом исторического развития русского общества. Широкие международные связи развивающегося государства требовали подробной информации о событиях, происходивших за рубежом. Тексты «Курантов» составлялись из переводов западноевропейских газет — голландских, немецких, польских, а также из сообщений корреспондентов — «грамоток» иностранцев. Они предназначались главным образом для царя и его приближенных — на листах «Курантов» делались пометы (от XVII века): государю чтено, государю

для прочтения государю и боярам, то естественно предположить, что исправленное написание с буквой э было более правильным и больше соответствовало нормам делового приказного языка.

В конце и в середине слов после согласных э не употреблялось: гедна Бредероде, Монсь де Ламотте, из деревни Леонасанкте, мархъграфа Теракуза, граф Эсексь, гедна Оксенстерна, Торстенсона (о твердости второго с говорилась выше), в Амстердамь, и хотьл он Террагона осадит, под город Гаммарстеин, к Логенстеину, Фалкенстеин и др.

В «Курантах» (1633) есть любопытный случай: при обозначенных буквах дано их название. В вестях «из Шлеские земли» сообщалось «подлинное» известие о древнем глухом человеке: «...и какъ онъ тое книжку хочетъ взятъ и та книжка добръ тежала и гибла передъ нимъ и на томъ мѣсте видитъ три слова какъ по семъ

описаны латынскими словами Н Е э эфъ F, а что по томъ будетъ то бгу вѣсть...» (названия букв надписаны сверху тем же почерком). Для памятника середины XVII века аналогичное объяснение иностранных букв было отмечено М. П. Алексеевым («Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века». Л., 1968).

Некоторые написания раскрывают специфику обозначаемого звука: из Арфурта (при употреблении Эрфурта), из Аллендорфа, к Арихъсбурху, город Эиленборхъ (при употреблении Эленберха), на Эисфелдскомъ под. В этом плане интересно одно из исправлений текста: в имени *донъ Ендебор* первая буква *e* была приписана в строке, а под выносной буквой *n* зачеркнуто *a*, то есть *Андебор* было заменено на *Ендебор* («Куранты» 1643).

Сопоставление примеров позволяет заключить, что буква э в «Курантах» использовалась обычно для передачи иностранного открытого звука [e] (*ä, ei*, очень редко *ei* → *i*, например: на Исфелдскомъ поле). Сравнение русских переводов с иностранными оригиналами могло бы, по-видимому, дать здесь известные уточнения.

Имеется всего лишь несколько русских слов с гласным э в начале

слова: этот, -а, -о; этак, эй, эге и пойд. А. И. Соболевский связывает образование местоимений с употреблением указательной частицы э: «*эъ эфтом, съ эстимъ* и т. п. образовались из *эъ эъ томъ съ э съ гѣмъ, то есть* через постановку предлога и перед э, и после э» (Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 150—151). А Я. К. Грот по этому поводу писал: «...русские произносят его [широкое *e*.— Н. Т.] при встрече двух слов, из которых первое кончается „ером“, а второе начинается с широкого э, как напр. в словах: *знать это*; но в середине слов это э у нас невозможно. В начале слова это э может образоваться в русском языке вообще после широких согласных (отмеченных „ером“), напр.: *объ этом, съ этого...*» (Заметки о сущности некоторых звуков языка. СПб., 1878, стр. 18). В письменных памятниках до XVIII века с данным значением употреблялись местоимения *тотъ, -а, -о* (и их грамматические дублиеты *той, тоя, тое*), *сей*, а не местоимения в форме *этой*. Встречавшиеся написания *етот, етая, ето, енто* и под., как мы уже отмечали, не всегда могли свидетельствовать об их произношении. Между прочим, в упоминаемых выше черновом и чистовом вариантах «Курантов» (1632) есть исправление местоимения *того* на *егого*.

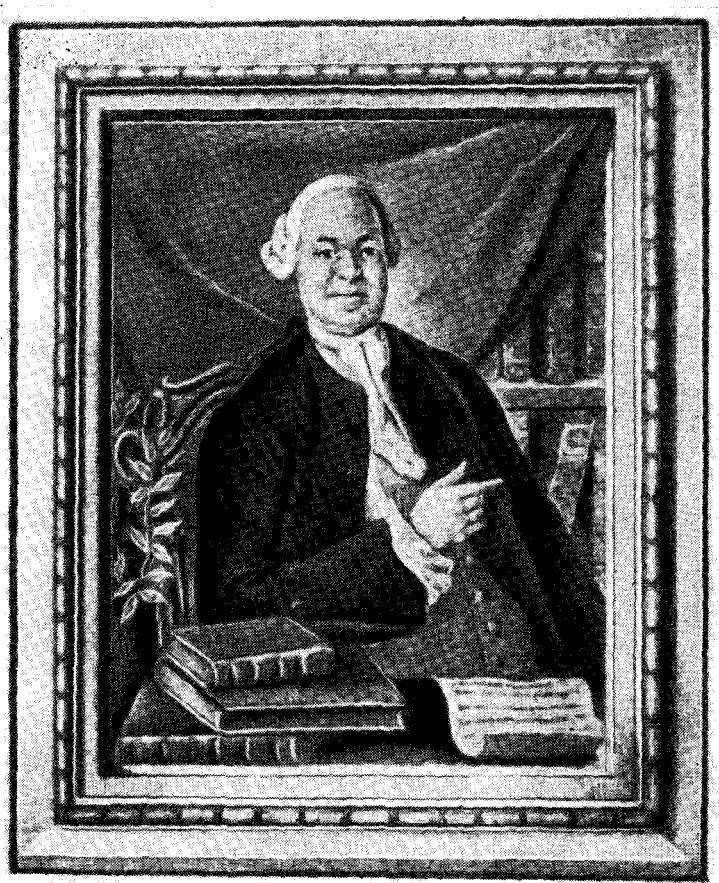
Анализ употребления буквы э в иноязычных именах собственных раскрывает значительный пласт слов, проникавших в первую очередь в русское письмо. От личных имен и топонимов образовывались относительные и притяжательные имена прилагательные: эсексон, эверберхской, эльбевской, съ эбоулефелтевыми людьми и под.

Можно предположить, что все это способствовало широкому использованию и иноязычных имен нарицательных (с произношением и написанием через э), активно включавшихся в русский язык во все последующие годы.

Что касается реформаторской деятельности Петра I в области русского алфавита и «утверждения» буквы э, то обследованный материал дает нам лишь подтверждение того, что реформы, как правило, рождаются уже на подготовленной почве.

П. И. ТАРАБАСОВА

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
В. К. Тредиаковский

«Тредиаковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его философические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. ...Вообще изучение Тредиаковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей».

А. С. Пушкин

Исполняется 200 лет со дня смерти поэта и выдающегося русского филолога Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1769).

Эти два столетия многое изменили в оценке его поэтической и научной деятельности. Теперь Тредиаковский, «замечательный человек, в свое время не оцененный», как о нем писал профессор Г. А. Гуковский, предстает перед нами как крупный деятель русской культуры XVIII века, один из основателей современной филологии, поэт и языковед.

Советская наука сделала все, чтобы восстановить историческую справедливость в оценке поэтической и научной деятельности Тредиаковского, так как в прошлом он был, что называется, «осмеян понаслышке». Лишь наиболее независимые в своих суждениях люди относились с уважением к его учености и подвижническому трудолюбию. Среди них были А. Н. Радищев и А. С. Пушкин.

Поэтическое и научное наследие Тредиаковского велико по объему и разнообразно по тематике. Он — поэт, работавший в различных лирических и эпических жанрах, автор первых в русской литературе од — «Оды

изведения европейских писателей и ученых.

Создание новой русской литературы не могло проходить вне работы над формированием литературной речи. Поэтому крупные поэты XVIII века М. В. Ломоносов, А. Д. Кантемир, А. П. Сумароков не только писали стихи и прозу, но и стремились лингвистически обосновать принципы выбора слов, выражений и грамматических форм и конструкций. Они создавали научные труды по филологии, в которых описывались нормы новой литературной речи.

Тредиаковский оставил много сочинений по различным вопросам теории и истории стиховедения, грамматики, орфографии, лексикологии, стилистики. Ученый мог с полным правом говорить о себе, что за свои научные труды «он первый из россиян имел счастье получить ученое достоинство профессора элоквенции».

Центральное место среди его трудов занимают теоретические и исторические работы по стиховедению. В 1735 году опубликован «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего

Все сии, и прочия следующие Учения, когда словами из себя изъясняют, без Грамматики говорят немой и неправо; и потом без Реторики ведают скудно, непристойно, и несладко. Чего ради, самая первая отроку наука, дабы ему после способну быть к понятию высочайших мудрости наук и знаний, есть Грамматика; а по ней столько ж, буде не больше нужная, Реторика.

В. К. Тредиаковский. Слово о премудрости, благоразумии и добродетели

приветственной» (1733) и «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (1734), баснописец и драматург.

Тредиаковский много занимался переводами. Он перевел роман французского писателя Поля Гальмана «Езда на остров Любви» (1730), «Аргениду, повесть героическую» английского поэта Джона Баркляя (1751), десятитомную «Древнюю историю» (1749—1762) и шестнадцатитомную «Римскую историю» (1761—1767) профессора Парижского университета Шарля Роллена, своего учителя по Сорбонне, и другие про-

надлежащих званий». Здесь началась реформа русского стихосложения, впоследствии блестяще завершенная М. В. Ломоносовым. Тредиаковский вводит в русский стих тонический принцип, основанный на равномерном распределении ударений, взамен прежнего силлабического, основанного на равном числе слогов в стихотворной строке. Тредиаковский начинает мерить стих не слогами, а стопами (то есть сочетанием ударного с прилегающими к нему безударными слогами).

«Способ сложения стихов,— фор-

мулирует Тредиаковский, — весьма есть различен по различию языков». Это было великое открытие, но реформа Тредиаковского носила незавершенный характер. Она касалась 13- и 11-сложного стихов. Кроме того, Тредиаковский из всех размеров считал нужным применять лишь хорей,

вые стремится включить в общий процесс развития поэзии.

Большой интерес представляют лингвистические труды Тредиаковского, группирующиеся вокруг важнейшей проблемы русского языкознания, над разрешением которой работал не только он, но и другие

Суть в неких умы примрачностей таких,
Что зрится быть всегда за тучею мысль их:
Луч разума сквозь ту не может в век проникнуть.
То прежде, неж писать, вам мыслить долг навыкнуть,
Коль будет наша мысль светла, или темна;
Изобразится толь и в чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать, уже удобно,
И сами все слова бегут на то способно.

В. К. Тредиаковский. Слово о премудрости,
1752. Наука о стихотворении и поэзии.

отказываясь не только от трехсложников (дактиля, амфибрахия, анапеста), но и от ямба. Именно по этим причинам нашу современную систему стихосложения связывают с более всесторонней и последовательно проведенной реформой М. В. Ломоносова, а не с именем первооткрывателя русского тонического стиха.

В 1752 году под тем же названием Тредиаковский издает другой стиховедческий трактат, который представляет собою переработку и дополнение первого. Это подробное описание тонического стихосложения, каким оно стало в России после трудов Ломоносова, Сумарокова и самого Тредиаковского. Через три года появляется работа «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», которая до сих пор не потеряла своего значения и является наиболее полным и содержательным обзором по истории русского силлабического стиха. Здесь же Тредиаковский высказывает предположения о происхождении поэзии и стиха. Эти рассуждения содержат элементы исторического и даже материалистического подхода и значительно опережают общий теоретический уровень филологии того времени. Замечательно и внимание Тредиаковского к сти-ху народных песен, который он впер-

крупные деятели русской культуры XVIII века А. Д. Кантемиров, В. Е. Адууров, А. П. Сумароков, по которой удалось разрешить лишь М. В. Ломоносову. Это проблема взаимоотношения, взаимодействия русской и «славенской» стихий в новом литературном языке, это проблема описания единых норм общенационального речевого выражения.

Пестрота, неупорядоченность литературных норм, свойственная языку начала XVIII века, были следствием распада системы двуязычия на русской почве. Этот процесс выдвинул на первое место необходимость выработки, описания норм новой литературной речи. Описание норм зависело от того, что следует понимать под употреблением. Понятие употребления становится центральной категорией всех теоретических построений этого времени.

Уже в «Речи к членам Российского собрания» 14 марта 1735 года Тредиаковский формулирует понятие употребления. Совершенствовать нормы литературного языка, говорит Тредиаковский, можно только на основе «нынешнего всеобщего употребления». Но это широкое понятие стилистики он осмысливает узко. «Украсит оный [литературный язык. — В. В.] в час двор ея величества в сло-

ве научтивейший, и богатством наивеликолепнейший. Научат нас искусно им говорить благоразумнейшие ея министры, и премудрейшие священнсначалаики. Научат нас и знатнейшее искуснейшее дворянство. Утвердят оный и собственное о нем рассуждение, и восприятое от всех оных разумных употребленье».

Итак, языковая практика высших слов русского общества, язык писателей, — вот на кого следует равняться при установлении норм новой литературной речи.

Определяя понятие употребления, Тредиаковский разрабатывает его в духе воззрений французского классицизма. Еще в середине XVII века Клод Вокла, теоретик французского классицизма, сформулировал понятие «хорошего обычая», которое осмысливается как социально-классовое понятие. Но понятие употребления имеет у Тредиаковского не только социальное, но и лингвистическое осмысление. Отвергая в 30-е годы «славенщизну», он отстаивает в литературе права «простого русского слова, то есть каковым мы меж собой говорим». Однако в переводе романа «Езда на острове Любви», «славенский» элемент был представлен в достаточно высокой степени.

К середине 40-х годов Тредиаковский изменяет свое отношение как к простому «русскому слову», так и

тия употребления у Тредиаковского. Оно должно быть, по мнению Тредиаковского, основано на авторитете «славенской» языковой традиции и выводится рационалистическим путем. Всякое отступление от «славенской» языковой традиции и разума создает «подлое употребление», которое «есть не употребление, но погрешение, основанное на незнании и их грубости».

Таким образом, Тредиаковский создаст теорию двух употреблений в национально-языковом выражении, и в этом заключается историческая ограниченность его воззрений (см. об этом: В. П. Вомперский. Непечатанная статья В. К. Тредиаковского «О множественном прилагательных дельх имен окончаний» — «Филологические науки», 1968, № 5).

Принципиально иная точка зрения у М. В. Ломоносова. «Довольство российского слова и собственным достатком велико», — писал великий ученый. Он связывает понятие употребления с понятием единых норм русского национально-языкового выражения. Ломоносов обосновывает понятие «общего употребления» историческим анализом развития русского литературного языка и глубоким описанием системы современного ему русского языка. «И хотя она [грамматика. — В. В.] от общего употребления языка происходит, — пишет Ломоносов, — однако правилами

Навыкновение разным языкам, и особливо так называемым ученым, и тем, кои где в большем ныне употреблении, коль есть нужно и полезно, ведают ведающие и умеющие говорить языками, однако, не желал бы я отнюдь, чтоб кто охотнее тцался об приобретении себя совершеннейшего искусства в чужих языках, нежели в своем природном, и еще с презрением его. Стыд, срам и бесчестие Римлянину не уметь по Латински, как то восклицает Римский Сатирик Ювенал! А равным образом сме каждый народ к себе приложить может, применяя Ювеналов Рим на свое Отечество.

В. К. Тредиаковский. Слово о премудрости, благоразумии и добродетели

к «глубокословным славенщизне». Теперь старославянский язык становится эталоном, образцом всех выводов суждений о современном ему литературном языке. Изменяется и лингвистическое содержание пони-

показывает путь самому употреблению». На фоне этих замечаний становится ясной глубина постановки Ломоносовым вопроса об «общем употреблении русского языка», о диалектическом характере связей

между нормами формирующегося литературного языка и «общим употреблением».

Что должно лежать в основе нового литературного языка, какое место в нем должна занимать народно-разговорная речь, в какой мере следует сохранить связь со старыми книжно-письменными традициями, каково должно быть соотношение «новизны» и «старинны» в литературном языке — вот самые главные вопросы строительства новой литературной речи, которые предстояло разрешить языкованию середины XVIII века. И только Ломоносов смог дать на них исчерпывающие и точные ответы.

Велики заслуги Тредиаковского в изучении русской фонетики. Он был первым нашим фонетистом, начавшим научное изучение русского произношения. В 1748 году он издает «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи». «Разговор» посвящен русской фонетике и графике. Этот труд обладал принципиальной новизной. До Тредиаковского в грамматиках не было связного изложения основ фонетики, а классификации звуков, помещенные в них, в действительности часто ничего не имели общего со звуками речи. Тредиаковский впервые в науке о русском языке дает научную классификацию гласных и согласных звуков. С этой работы начинается разграничение буквы и звука («звона»), принятое современным языковедом. Тредиаковский с полным основанием упрекает старую грамматику в том, что она «наблюдает токмо буквы, а не звон, наблюдает она токмо тень, а до вещи ей дела нет». Ученый формулирует правила слогаделения и речевого такта в русском языке.

Значительна роль Тредиаковского в развитии и выработке научной, общественно-политической, философской терминологии русского литературного языка. Его произведения, особенно переводные с латинского и французского языков, полны калек, различного рода неологизмов. Словообразовательная работа, которую вел ученый, удовлетворяла насущные потребности русского общества, нуждавшегося в пополнении словар-

ного состава литературного языка отвлеченной терминологией. Ср. словарные разъяснения при «Слове о мудрости, благоразумии и добродетели» в переводе с латинского языка: естественность — *essentia*, чистый разум — *purus intellectus*, право естественное — *ius naturae*, разумность — *intelligentia*, очертания — *figura*, общество — *societas*, философия умственная — *rationalis* и т. д.

Большое значение имела деятельность Тредиаковского в разработке терминологии литературоведения и эстетики. Он вводит в речевой обиход такие термины, как: критика, баллада, сонет, мадригал, рондо, роман, ода и т. п. «Подлинно, — пишет он в „Кратком и новом способе к сложению российских стихов“, — почти все звания при стихе употребляемые, занял я у французской версификации». Правда, ради исторической точности нужно сказать, что терминологическая работа Тредиаковского шла параллельно с аналогичной деятельностью Кантемира и Ломоносова.

Излюбленные приемы образования неологизмов у Тредиаковского связаны с активным употреблением суффиксов — *-ость* (естественность, бурность, чувственность, разумность), *-ие* (согласование, очертание), *-ство* (рудокопство, достаточество). Тредиаковский использует и приемы словосложения (мореходный, светло-струнный, подлодушный) и т. д.

С Тредиаковского начинается систематическое исследование русского языка, но «природная речь россиян» изучается еще через призму «славянской», так как он фетипизирует церковнославянский язык. Как исследователь, он принадлежит донучному периоду в развитии науки о языке, а не сравнительно-историческому, которым начинается современное языковедение. Тредиаковский не обладает историческим взглядом на развитие языка. Этим объясняются его многие ошибки как ученого, но жизнь и работу первого выдающегося отечественного филолога следует назвать научным подвигом. «Трудно начало, — писал Тредиаковский, — но есть своя честь и начатия».

В. П. ВОМПЕРСКИЙ,
доцент МГУ имени
М. В. Ломоносова

Поступающему в вуз

ТОВАРИЦ

Следующий номер «Русской речи» выйдет уже после того, как над тобой пронесётся экзаменационная гроза. Мы стремились помочь тебе достойно выдержать это испытание. И ты писал нам, что материалы журнала были тебе полезны. Внимательно прочти и последнюю нашу статью.

Желаем удачи. Желаем тебе стать студентом и сохранить дружбу с «Русской речью».

Редакция

О ЯЗЫКЕ СОЧИНЕНИЙ

Основной вид школьных сочинений — сочинение-рассуждение. Многие, к сожалению, просто пересказывают учебник или критические статьи. Такой подход к раскрытию темы нежелателен. Предметом рассуждения должны стать мысли писателя, художественные образы, язык произведения. Причем необходимо не только правильно изложить позицию писателя, но и установить свою точку зрения на излагаемые события, образы героев, художественные достоинства произведения. Нужен ли в таких сочинениях пересказ? Да, нужен. Но это лишь вспомогательное, а не определяющее средство.

В последнее время некоторые учащиеся используют в сочинении приемы, характерные для диспутов, дискуссий. Например (сочинение на тему «Мой любимый поэт»):

Я уже вижу, как недоуменно улыбается преподаватель. Еще бы! Ведь мой любимый поэт — Е. Евтушенко. Он многим не нравится, не нравится он и вам, но я утверждала и буду утверждать: Е. Евтушенко — настоящий преемник В. Маяковского в нашей поэзии...

Несомненно, такие приемы оживляют сочинение, дают интересный материал для суждений о личности автора. Однако на вступительных экзаменах спор явно неуместен. Автор пытается спорить с преподавателем, не зная, кто он, каковы его взгляды на поэзию Е. Евтушенко, каковы вообще его взгляды на жизнь. А ведь непременное условие хорошего спора — его откровенный характер, умение прислушиваться к доводам противника и т. д. Здесь нет спора, только оригинальничанье.

Уместно затронуть и еще один вопрос — об эмоциональности изложения, об авторском отношении к материалу.

Павел Власов — молодой рабочий парень. Вначале он пил, ходил на танцы, купил гармошку. Потом резко изменил образ жизни. Сколько мужества, сколько силы в этом характере! Он отказался от водки, бросил курить, пере-

стал прожигать жизнь. Вот с кого надо брать пример! Каждый ли из нас способен на это? С уверенностью скажу: нет! Сколько среди нашей молодежи таких, кто недостоин называться советским человеком, строителем коммунизма...

Бесспорно, сочинение эмоциональное, но, согласитесь, эта эмоциональность вызывает какое-то неприятное чувство. Все как будто правильно, мысли тоже хорошие, и все-таки что-то не удовлетворяет. В чем же причина?

На наш взгляд, и в этой работе ощущается какая-то искусственность, нарочитость. Стараясь быть эмоциональным, автор забыл о чувстве меры, и вот хорошие слова, мысли вызывают почти неприятное чувство, заставляют сомневаться в искренности пишущего.

Чувство меры должно быть во всем: и в отборе материала и в его эмоциональной оценке. Не стремитесь к излишней «красивости»: она приведет либо к ненужной сентиментальности, либо к ходульности. Например: «Катерина — чистое, небесное создание, хрупкий цветок, выросший в могильном холоде дома Кабанихи»; «Павел Власов — это орел с могучим размахом крыльев, принесший факел счастья людям, открывший им глаза на окружающий мир». Воистину: «Аркадий, не говори красиво!».

Важно в сочинении соблюдать принципы историзма. Ведь каждое художественное произведение, его тематика, система образов исторически и социально обусловлены. Конечно, работа всегда выигрывает, если приведены удачные параллели с современностью. Но именно удачные! «Притягивание за уши» и трафарет недопустимы ни в коем случае. Здесь необходимо обладать исключительно хорошим знанием литературы и чувством художественного такта.

О принципе историзма необходимо помнить и при отборе языковых средств. В качестве образца хочется показать небольшой отрывок из статьи А. И. Герцена «Лишние люди и желчевики»: «Нечего повторять, как туго, тяжело развивалась Русь. Кнутом и татарами нас держали в невежестве, топором и немцами нас просвещали — и в обоих случаях рвали нам ноздри и клеймили железом...».

Воссоздавая картину прошлого нашей Родины, А. И. Герцен использует устаревшие выражения, историзмы и тем самым достигает исключительной глубины, яркости в изображении исторического развития страны.

Конечно, говорить о каком-то «лексическом минимуме», характерном для той или иной эпохи, трудно, тем не менее при повторении материала все же следует обратить на это внимание. Может быть, стоит выписать ряд выражений, уточнить значения некоторых слов и т. д. Скажем, при повторении литературы I периода в истории русского освободительного движения в ваш активный словарь должны войти примерно такие слова и выражения: декабризм, прогрессивная идеология французских просветителей,

идейный вклад России в культуру Запада, вольность, деспотизм, публицистика декабристов, просветительский характер идеологии декабристов, революционный патриотизм и т. д. Несмотря на некоторую свою условность, такая работа может оказать существенную помощь при подготовке к сочинению или к устному экзамену по литературе.

Теперь рассмотрим ошибки, чаще всего встречающиеся в учебных работах.

У Л. Н. Толстого есть шутовское замечание: «Если бы я был царь, то издал бы закон, что писатель, который употребил слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает сто ударов розог» (Русские писатели о языке. Л., 1954).

Это шутка, но в ней заключено важнейшее требование к языку сочинения. У одних ошибка в выборе слова связана вообще с низкой языковой культурой, у других она происходит от желания щегольнуть, третьих подводит недостаточное внимание. Часто неточное словоупотребление вызвано незнанием литературоведческой терминологии.

Выделим прежде всего ошибки, связанные с неумением различать такие понятия, как «образ», «характер», «герой произведения», «действующее лицо». Вот весьма обычные для школьных сочинений фразы:

В романе «Евгений Онегин» представителем лучшей части дворянской интеллигенции является образ Евгения Онегина.

Героем романа М. Горького «Мать» является образ Павла Власова.

Образ Печорина крайне противоречив в романе.

«Образ,— читаем в „Кратком словаре литературоведческих терминов“ Л. Тимофеева и Н. Венгрова,— в художественной литературе — картина человеческой жизни». И далее: «Образом в узком смысле этого слова называют вообще изображение человека в произведении». Итак, образ — это способ художественного отражения действительности в литературе, искусстве. Поэтому было бы правильнее построить первое предложение следующим образом: «В романе Пушкина представителем лучшей части дворянской интеллигенции является Евгений Онегин». Почему? Автор говорит о дворянской интеллигенции начала XIX века, о конкретных людях той поры, и «представлять» их должен, конечно, не образ, а сам человек.

«Героем часто называют всякое многосторонне изображенное действующее лицо в произведении» (Краткий словарь литературоведческих терминов). Следовательно, второе предложение не вызвало бы возражений, если бы автор написал: «Героем романа М. Горького „Мать“ является Павел Власов, в образе которого...».

Читаем дальше: «Характер — совокупность душевных, психических особенностей человека, которые проявляются в его поведении в различных обстоятельствах...» (Краткий словарь литературоведческих терминов). Это определение, если бы пишущий знал

его, помогло бы выправить последнее предложение: «Характер Печорина [вместо *образ*] крайне противоречив в романе».

Неразличение литературоведческих понятий «идея» и «тема» — еще одна распространенная ошибка в сочинениях. Под темой обычно понимают круг жизненных явлений, взятых для изображения в произведении, иногда основной вопрос, поставленный в нем. В ряде произведений классической литературы этот вопрос даже вынесен в название: «Горе от ума», «Герой нашего времени», «Что делать?».

Тема, несомненно, связана с идеей. Однако идея — скорее всего конечный результат раскрытия темы произведения, результат авторской оценки изображаемого.

В произведении обычно несколько тем, поэтому чаще всего говорят о тематике и идейном смысле того или иного литературного произведения. Не нужно спешить с формулировкой «основной темы» и «основной идеи», так как эти понятия выкристаллизовываются только в результате всестороннего анализа произведения.

Как правило, в сочинениях не различаются понятия «композиция» и «сюжет»:

В композиции романа М. Горького «Мать» огромную роль играет экспозиция.

Первомайская демонстрация — это кульминация в композиции горьковского романа.

Если рассматривать сюжет романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», то его особенностью является то, что он состоит из трех частей, каждая часть состоит из трех глав, песен.

Сюжет — это чаще всего система событий в произведении. Его элементы — экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Композиция — это построение художественного произведения, расположение всех его частей. Следовательно, понятие композиции шире понятия сюжета.

Легко увидеть, что в первых двух предложениях нужно было говорить о сюжете: «В сюжете романа М. Горького „Мать“ огромную роль играет экспозиция»; «Первомайская демонстрация — это кульминация в развитии действия горьковского романа». В третьем предложении автор говорит о принципе «трехчленного деления» романа А. С. Пушкина, а это уже особенность композиции.

Проблема стиля художественного произведения очень сложна, и вряд ли есть смысл касаться ее в небольшой статье. Мы хотим лишь обратить внимание на то, что нельзя отождествлять понятия «стиль произведения» и «язык художественного произведения», как это часто бывает:

«В стиле поэмы Н. В. Гоголя „Мертвые души“ много развернутых сравнений, иронических замечаний самого автора и т. д.».

Следовало бы написать: «В языке поэмы Н. В. Гоголя...».

«Языку ранних романтических произведений М. Горького присущ красочный стиль...».

Здесь это понятие употреблено в несвойственном ему значении: автор в дальнейшем говорит об изобразительных средствах языка.

Неясны для многих учащихся и такие понятия, как «род» и «вид» литературы. Например: «По своему жанру „Горе от ума“ — драматическое произведение». Между тем жанром называют вид литературы, поэтому правильнее было бы сказать: «„Горе от ума“ по своему жанру — комедия».

Правда, Л. И. Тимофеев и Н. Венгров считают, что жанром можно называть и род литературы. Если пишущий стоит на этой точке зрения, то все равно предложение следует изменить: «„Горе от ума“ — произведение драматического жанра». В сочинениях наугад употребляются обычно и такие термины: аллегория, аллитерация, ассонанс, антитеза, афоризм, вымысел, конфликт и ряд других.

Неправильный выбор литературоведческого термина — серьезная и распространенная ошибка. Но с этой бедой не так уж трудно справиться. Нужно только почаще заглядывать в словарь. Значительно серьезнее дело обстоит с ошибками на общее словупотребление. В большинстве случаев точность в выборе слова зависит от языковой культуры да и от культуры мышления в целом.

Обратимся опять к примерам:

«Базаров хорошо *обладал* собой, поэтому в ссоре с Павлом Петровичем он говорил спокойно, убедительно».

Нужно было употребить глагол *владеть* в значении ‘иметь самообладание’.

«В конце романа Павел Власов — это уже *закоренелый* революционер».

Легко заметить, что слово *закоренелый* ‘застарелый’, ‘неисправимый’ здесь неуместно, следовало сказать: зрелый, убежденный и др.

Все ошибки такого рода перечислить, конечно, невозможно. Приведем лишь наиболее характерные примеры. Пусть это будет и небольшим упражнением. Задание — заменить неверно употребленные слова (они выделены):

1. Этот роман *сыграл* огромное значение в деле воспитания рабочих России [речь идет о романе Горького «Мать»].

2. В 1837 году *произошла* смерть А. С. Пушкина.

3. Отец хотел, чтобы Некрасов *получил* военную карьеру.

4. Павел видел в Саше *соотечественника* по борьбе [автор говорит о Павле Власове]

5. В своих стихах В. Маяковский *изображает* патриотическую деятельность.

6. Корчагин *превращает* идеи партии в жизнь.

7. Катерина *жила* замкнутым образом жизни.

8. После 1825 года Пушкин не перестал *вращаться* с декабристами.

9. В своих стихах Некрасов *описывает* о том, как живут крестьяне.

10. Белинский *сильно* ценил роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

11. Нилова *страшно* твердо стояла за правду.

12. Говорил Базаров уверенно, *зычным* голосом.

При работе над сочинением следует избегать выражений из так называемого канцелярского стиля речи. Употребленные не к месту, эти выражения лишают нашу речь простоты, искренности, эмоциональности.

Приведем несколько примеров:

В послеоктябрьский период в лирике В. Маяковского на первый план выступает образ нового советского человека.

Исходя из создавшегося положения, молодогвардейцы решили по одному переходить линию фронта.

После отъезда Онегина Татьяна бросает все силы на то, чтобы разобраться в его характере.

К. И. Чуковский хорошо сказал об этом на II Всесоюзном съезде писателей: «Как можно, например, поверить, что мы восхищаемся художественным стилем Некрасова, если об этом самом Некрасове мы пишем вот такие слова: „Творческая обработка образа дворового идет по линии усиления показа трагизма его судьбы?“. Тут и вправду можно закричать „караул“...».

К сожалению, от частого и небрежного употребления «омертвели», сделались шаблонами некоторые прежде верные и точные слова. Писатель обязательно «правдиво изображает жизнь», в произведениях язык «меткий, выразительный», иногда добавляется «красочный», образы нарисованы «ярко и правдиво», значение произведения «огромное» и т. д. и т. п.

Два слова о цитировании. Иногда оно выглядит так:

«Пушкин верит в светлое будущее Родины:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена! —

говорит поэт, обращаясь к своему другу и единомышленнику».

Последнюю часть — со слов «И на обломках...» — конечно, следует опустить. И еще одно замечание: в кавычки нужно брать чужие слова только в том случае, когда отвечаешь за их достоверность. А часто бывает по-другому: слова взяты в кавычки, а воспроизведены они лишь приблизительно.

Проанализировать все группы ошибок, по сути дела, невозможно. Невозможно дать и один какой-либо «всеобщий» рецепт. Однако некоторые практические советы, бесспорно, стоит учесть, чтобы избежать речевых курьезов и написать сочинение хорошим, ясным и достаточно выразительным языком.

П. С. ПУСТОВАЛОВ,
доцент МГПИ имени В. И. Ленина

прочитайте

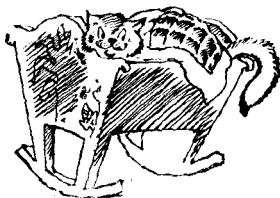

д е т я м

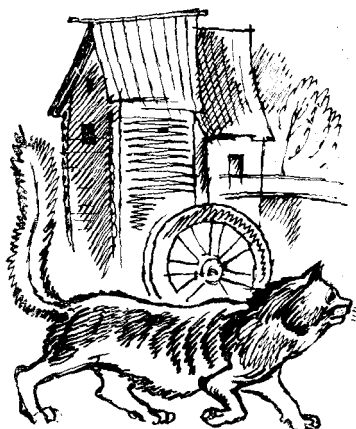
**Колыбельные
и потешные
п е с н и**

А баю-баю-баю!
Ходит кошка по краю.
Она лыка дерет,
она лапти плетет,
а коту-то не даст.

Баю-баю за зыбою,
отец пошел за рыбою,
а матушка дрова рубить,
а бабушка уху варить.
Спи, спи, дитя милое!
Укачаю я тебя,
убаюкаю.

- Кисанька! Где была?
- На мельнице.
- Что делала?
- Муку молола.
- Что вымолола?
- Грошик.
- Что купила?
- Калачик.
- С кем съела?
- Одна.

- Стучит-брячит на улице,
Фома едет на курице,
Тимошка на кошке
туда ж по дорожке.
— Куда, Фома, едешь,
куда погоняешь?
— Сено косить.
— На что тебе сено?
— Коровок кормить.
— На что тебе коровы?
— Молоко доить.
— На что тебе молоко?
— Ребиток поить.

Счи- тал- ки

В синем море-океане
золотой корабль плывет,
а на острове Буяне
темный лес растет.
Станем думать да гадать,
как нам сосны сосчитать.
Как ни думай, ни гадай
только нас ты догоняй.

Раз, два, три, четыре, пять —
вышел зайчик погулять
Но охотник не пришел,
зайчик поле перешел,
даже усом не повел,
в огород потом забрел.
Что нам делать?
Как нам быть?

Нужно зайку изловить.
Снова будемте считать:
раз, два, три, четыре, пять.
Всем из дому выбегать!
Кто не выбежит, того выберем.

Раз, два, три, четыре, пять —
вышел месяц погулять.
Шесть, семь, восемь, девять,
десять —
царь велел его повесить.
Часты звезды набежали,
царю месяца не дали.

Куба-кубака —
была яма глубока.
Там мышки сидели.
— Что они делали?
— Шарик катали.
ребят забавляли:
кто — на стол,
кто — под стол,
курица — на улицу,
пегух — на село.
И вышло ничего.

— Заяц белый,
куда бегал?
— В лес дубовый.
— Что там делал?
— Лыки драл.
— Куда клал?
— Под березу.
— Кто украл?
Раз, два три —
это, верно, ты.

консультации

(Продолжение. Начало см. в № 1—3, 1969)

Контекст. Отрезок речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы. В широком значении слова *контекст* — это вся ситуация, обстановка общения, речи, из которой ясно, кто говорит, кому, где и когда и т. п. В живой, разговорной речи *контекст* позволяет делать сокращения, опускать известное участникам речи. Сравните, например, такие реплики, содержание которых ясно лишь из контекста:

М а р и я... Трон ждет тебя.

М а з е л а. А если плаха?..

П у ш к и н. Полтава.

Корень слова. Морфема, обязательно имеющаяся в каждом слове и несущая его основное значение. Например, корень *вод-* в словах: вода, водица, водный, водник, водяной, безводный, обезводеть; корень *стол-* в словах: стол, столик, столовый, настольный.

Косвенная речь. Речь какого-либо лица, переданная говорящим. В повествовании дается с помощью придаточного предложения. Например: «Он говорит, что не придет

сегодня»; «Я им объяснил, что мне некогда».

Краткая форма прилагательного, причастия. Качественные прилагательные, а также причастия, имеющие нулевое окончание в единственном числе мужского рода (молод, си́н, люби́м), *-а (-я)* — в единственном числе женского рода (молода, синя, любима), *-о (-е)* — в единственном числе среднего рода (молодо, си́е, люби́мо), *-ы (-и)* — во множественном числе всех родов (молоды, сини, любимы). Такие прилагательные и причастия употребляются обычно в качестве сказуемого: «Воздух чист и свеж»; «И дым отечества нам сладок и приятен»; «Нами ты была любима».

Крылатые слова. Меткие выражения, афоризмы, цитаты, изречения, получившие широкое распространение, ставшие ходовыми: «Медвежья услуга» (Крылов); «Умеренность и аккуратность» (Грибоедов) и т. п.

Культура речи. Владение языковыми нормами (произношения, словоупотребления), а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целью и содержанием речи.

Лексика. Словарный состав языка; совокупность слов, характерных для той или иной сферы применения (лексика специальная, научная, разговорная и т. п.); словарный состав произведений какого-либо автора (лексика Пушкина).

Лексикализация. Процесс утраты самостоятельного значения у отдельных элементов сочетания, превращение сочетания в единство, заменяющее слово: железная дорога; бить баклуши; сломя голову; с глазу на глаз и т. п.

Лексикография. Наука о составлении словарей; составление словарей; совокупность словарных работ.

Лексикология. Раздел лингвистики, занимающийся изучением лексики.

Лирика. 1. Род литературных произведений (традиционно все произведения делятся на три рода: лирику, эпос, драму), в которых преимущественно в стихотворной форме отражается внутренний мир человека (автора), его мысли и чувства,

вызванные различными жизненными обстоятельствами. 2. Совокупность произведений такого рода. Например: лирика Пушкина.

Лирические отступления. Особый прием в художественной литературе, заключающийся в том, что повествование прерывается проникнутыми лиризмом рассуждениями на различные темы. В лирических отступлениях автор открыто высказывает свое отношение к изображаемым событиям, оценку героев и т. п. Таковы лирические отступления в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души».

Литературный язык. Обработанная мастерами образцовая форма национального языка, нормы которой общеобязательны. Литературный язык противопоставлен диалектам и просторечию.

Литота. 1. Определение чего-либо путем отрицания противоположного, употребление антонима с отрицанием, например: *Неплохо, а?* вместо *Хорошо! Отлично! Нетрудно догадаться* вместо *Легко догадаться*. Литота часто употребляется в поэтической речи:

Верь: я внимал *не без участия*,
Я жадно каждый звук ловил

Н. Некрасов.

Когда из мрака заблужденья...

2. Стилистический прием уменьшения предмета или свойства:

И шествуя важно, в спокойствии чинном,

Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,

В больших рукавицах... а сам с коготок!

Н. Некрасов. Крестьянские дети.

Лицо. Грамматическая категория, показывающая отношение действия к говорящему. Она выражается личными формами глаголов и личными местоимениями. Местоимение 1-го лица обозначает говорящего, 1-е лицо глагола — действие говорящего (я пишу) или то действие, которое говорящий производит вместе с другими лицами (мы пишем); 2-е лицо обозначает того и тех, к кому обращаются с речью, и их действие

(ты пишешь, вы пишете); 3-е лицо — того и тех, кто не участвует в речи, о ком идет речь, и их действие (он, она пишет, они пишут).

Макаронизм. Слово или выражение другого языка, в неизменном виде внесенное в речь: *рандеву, тэт-а-тэт, теннис*.

Макаронический. Содержащий макаронизмы и вследствие этого имеющий шуточный или сатирический характер. В макароническом стиле выдержано стихотворение В. Маяковского «Американские русские»:

Петр'св
Капланом
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.
«Я вам,
сэр,
назначаю *апойтман*.
(свидание)

Вы знаете,
кажется,
мой *апартман?*
(квартира)

Междометие. Неизменяемая часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений: *ах! ей! стоп! брысь!* и т. п.

Мертвый (язык, суффикс и т. п.). Вышедший из живого употребления. Мертвый язык — древний язык, на котором уже не говорят, известный только по письменным памятникам (например, латинский). Мертвый суффикс — не участвующий в образовании новых слов, выделяемый лишь при изучении происхождения, истории слова, например, суффикс *-р-* в словах *пир, дар*.

Местоимение. Часть речи, к которой относятся слова, указывающие на предметы и на их признаки (но не называющие их). Так, *я* лишь означает говорящего, *он* — лицо, не участвующее в речи, *такой* указывает на качество предмета: «Такого голоса я давно не слыхал» и т. п.

Метатеза. Произвольная перестановка звуков или слогов в слове: *тарелка* (из немецкого *Teller*), *ладонь* вместо первоначального *долонь*, диалектное *ведмедь* вместо *медведь*.

(Продолжение в следующем номере)

поэма «Русской рези»

● Нужна ли латинизация?

Заменить современный русский алфавит латинским предлагают некоторые читатели в письмах, адресованных в журнал «Русская речь».

Этот вопрос серьезен и важен, поднимается он не впервые. Еще в 1842 году К. М. Кадинский предлагал заменить русский алфавит латинским, считая наш алфавит и нерациональным и безобразным по начертанию (Упрощение русской грамматики. Сочинение К. М. Кадинского. СПб., 1842).

В. Г. Белинский в рецензии на сочинение К. Кадинского (1845), признает, что Кадинский безусловно преувеличивает недостатки русского алфавита, и, считая невозможным полную замену его латинским, предлагает, однако, заменить некоторые русские буквы.

В 1919 году Научный отдел Наркомпроса выступил с предложением ввести латинский алфавит. Отделение русского языка и словесности Академии наук, межфакультетская комиссия при Московском университете рассмотрели это предложение и мотивированно отклонили его.

В 1929—1930 годах подкомиссия по латинизации русского алфавита при Главнауке Наркомпроса выработала требование к новому алфавиту на латинской основе и составила проект латинского алфавита в применении к русскому языку.

Именно в 30-е годы вопрос о латинизации русского и других алфавитов СССР ставился серьезно и обсуждался всесторонне в сборниках «Культура и письменность Востока», «Письменность и революция», «Революция и письменность», в «Учительской газете» и других изданиях. Представляют особый интерес статьи А. В. Луначарского «Латинизация русской письменности», Н. Ф. Яковлева «За латинизацию русского алфавита» («Культура и письменность Востока». Кн. VI. Баку, 1930). В эти годы были латинизированы алфавиты народов СССР. Однако позднее латиницу заменили алфавитами на кириллической основе.

Современный русский алфавит на кириллической основе совсем неплохо обслуживает нужды письма. 33 буквы нашего алфавита

обозначают 39 основных фонетических единиц (фонем) русского языка. Как видите, большого расхождения между количеством буквенных единиц и фонем нет.

В русском алфавите есть двузначные буквы *я, ю, е, ё*, но значение их четко определяется позицией. Эти буквы дают русскому письму экономию в использовании букв для обозначения мягких — твердых согласных фонем (см.: «Нужно ли менять русскую азбуку». — «Русская речь», 1968, № 6). Русские буквы, в основном, достаточно контрастны и хорошо различимы при чтении. (Иное мнение по этому вопросу высказывает Н. В. Кузьмин в статье «Графический образ русского слова». — «Русская речь», 1969, № 2. — *Примеч. ред.*).

Совершенно ясно, что острая нужда в смене алфавита может быть только в том случае, если письмо далеко отошло от живого языка, если существующий алфавит противоречит фонологической системе языка и затрудняет пользование им. Нельзя также полагать, что переход на латиницу приведет к языковому сближению с латинописущими народами. Это «сближение» может быть только внешним, так как язык и письмо — разные вещи. Зная латиницу, мы ведь не можем читать и понимать английские и немецкие тексты без знания этих языков. Тем более, что латинские буквы имеют часто разное звуковое значение в немецкой, французской, английской и других азбуках. Поэтому единство азбук на латинской основе не может быть важным фактором в деле объединения народов и их более тесного взаимопонимания, как кажется некоторым нашим читателям.

В заключение следует сказать, что в общем вопросе смены алфавита недостаточно одного лингвистического аспекта. Не менее важно учитывать аспекты культурно-исторический, экономический, педагогический, психологический и другие.

Р. В. Макарова

● Откуда слово зря?

Читатель М. Н. Антипов из Киева нам пишет:

В старинной русской песне про гибель Ермака говорится:

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны...

Здесь слово *зря*, очевидно, следует понимать как современное деепричастие *видя*. Ермак, проснувшись и видя, что его товарищи гибнут в неравном бою и что его единственное спасение — река, бросается в волны, чтобы переплыть Иртыш и тем самым уйти от гибели. Но есть другое значение этого слова. Иногда в разговоре можно слышать такую фразу: «Зря ты взялся за это дело». В данном случае слово *зря* понимается в смысле 'напрасно, попусту'. Видимо, от него образовалось *зрящий* в значении 'плохой, никудышный'. Прошу разъяснить эти слова.

Автор письма прав: наречие *зря* по своему происхождению имеет прямое отношение к русскому деепричастию от глагола *зреть* (древнерусское *зръѣти*) 'смотреть, видеть'. Само деепричастие ис-

торически возникло из краткой формы действительного причастия настоящего времени мужского рода. Оно часто употреблялось в литературном языке XVIII и начала XIX века. Так, у Ломоносова читаем:

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках...

Ода на восшествие на престол императрицы
Елизаветы Петровны, 1747

Или у Державина:

Не зря, тебе того нельзя вообразить,
Я, видеv, разве тень могу лишь изразить.

Эпистолярный к генералу Михельсону

Любопытно, что здесь употреблены рядом два деепричастия от синонимичных глаголов (зря, видеv).

Однако было бы неправильно представить дело так, будто деепричастие *зря* сразу и непосредственно превратилось в соответствующее наречие (наподобие современных *лёжа, сидя, молча* и т. п.).

Путь этот был извилистым. В XIX веке в русских говорах на основе деепричастия *зря* отмечалось выражение *делать что-либо на зря*, то есть 'наугад, необдуманно, на глазок', где *зря* выступает уже не в роли деепричастия, а имени существительного.

Впоследствии *на зря* сократилось в наречие *зря*, которое в народно-разговорной речи приобрело более широкий круг значений. Вот как описывает его происхождение С. В. Максимов в своей книге «Крылатые слова»: «Кто поступает так, как понравилось ему на первый взгляд, без всякого предварительного обсуждения, не имея никакой надобности и без всякой определенной цели, у того, конечно, очень часто выходят бестолочь и неудачи. Смысл таких поступков объясняется коротким словом *зря*, сокращенным из *на зря*».

От наречия *зря* в диалектах образовалось прилагательное *зрячий* 'плохой, малогодный, незначительный, пустой'. В речи охотников до сих пор встречается выражение *зрячая собака*, обозначающее собаку, которая бросается на всех или ласкается к каждому встречному, то есть все делает зря. Производным от *зря* является и разговорное *зряшний* (из *зрячный*) 'пустячный, не стоящий внимания, плохой'.

И. Т. Сергеев

● Шефствовать и шефировать

Читатель В. М. Парфенов из г. Нижнекамска Татарской АССР пишет:

Уже давно меня интересует глагол *шефствовать*. Здесь среди строителей, руководящих работников СМУ, среди комсомольских и партийных работников можно часто слышать употребление слова *шефировать* в значении 'шефствовать'. По-моему, это неверно. Так ли это?

Общепризнанное распространение имеет лишь глагол *шефствовать* (над кем- или чем-нибудь), имеющий значение 'заниматься

общественной деятельностью по оказанию систематической товарищеской помощи (культурной, производственной и т. п.) кому-либо³. Он возник, по-видимому, в советское время. Впервые этот глагол был зафиксирован в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (четвертый том, содержащий этот глагол, вышел в 1940 году). В дальнейшем *шефствовать* отмечается всеми словарями русского литературного языка.

Напротив, глагол *шефировать* не вошел ни в один из словарей. Он не имеет общенародного распространения и употребляется лишь ограниченным кругом людей (причиной его образования была, по-видимому, возможность употребления с винительным падежом без предлога: *шефировать* (кого), в то время как глаголы с суффиксом *-ствовать* обычно непереходны, и глагол *шефствовать* употребляется с предлогом *над*). Несмотря на то, что глагол *шефировать* создан в соответствии со словообразовательными законами русского языка (ср. например, *патрон* — *патронировать*), вряд ли это слово следует вводить в употребление. Данное значение выражается общеупотребительным глаголом *шефствовать*.

И. С. Улуханов

● Брить лбы

Н. В. Усачева из села Свирь Тихвинского района Ленинградской области просит объяснить смысл и происхождение выражения *брить лбы, забрить лоб*.

В XVII веке в Московском государстве были сделаны попытки заменить дворянское ополчение постоянной, хорошо обученной армией. В последние годы XVII века Петр I создал такую армию, укомплектовав ее *охочими людьми*: в стране в те времена много было *вольницы*, то есть людей, не находивших себе дела в условиях застоя народного хозяйства. Да и *холопам* (так в допетровской Руси называли крестьян, не имевших земли) разрешалось вступать в армию без согласия господ. Нехватку пополняли *даточными людьми* — брали из всех сословий принудительно. Вновь взятых стали называть по-немецки — *рекрутами*. Слово происходит от французского *recruter* — 'комплектовать войска'.

Тяжелая Северная война вынудила Петра I упорядочить набор в армию. В 1705 году был проведен первый организованный рекрутский набор. Податные сословия должны были поставить по одному рекруту с каждых двадцати *тяглых дворов* (единица обложения налогом). Рекрутские наборы проводились по мере надобности вплоть до 1874 года. Странным бременем легла рекрутчина на трудовые слои населения.

И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни,—

писал Н. Некрасов. Военная служба долго была пожизненной. Лишь с 1793 года ограничили ее срок двадцатью пятью годами, а

с 1834-го двадцатью. Но оставшийся живым солдат возвращался домой непригодным к деревенской работе. В нашей художественной литературе встречается много таких *отставных солдат*. Их судьба ярко показана в очерке Г. Успенского «Пастух», в стихотворении Н. Некрасова «Орина, мать солдатская».

Как протекали сами наборы, описано в приговоре Военной коллегии в сентябре 1719 года: «Когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут скованных и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам немалое время, и таким образом еще на месте изнузив, отправят, не рассуждая по числу людей и далекости пути, с одним, и то негодным офицером или дворянином, при недостаточном пропитании; к тому же поведут, упустив удобное время, жестокою распутицею, от чего в дороге приключаются многие болезни и помирают безвременно, а всего хуже, что многие и без покаяния, другие же, не стерпя такой великой нужды, бегут и пристают к воровским компаниям, из чего злейшее государству приключается разорение...».

Менялись предписания правительства, изменялись условия и нормы набора, давалась возможность откупиться от службы. Но оставалось пренебрежение к трудовому человеку. Среди помещиков появилось обыкновение продавать крепостных в рекруты. Зажиточные крестьяне или мещане иногда покупали рекрута, чтобы не расставаться с сыном. «Отвезли они меня в другой город и сдали меня вместо сына в рекруты, и дали мне на дорогу монетою двадцать пять рублей» (Лесков. Очарованный странник).

На Руси был обычай носить длинные волосы — стриглись «в кружок». И вот несчастных людей, попавших в рекруты, изобретательное начальство придумало метить: годным брили наголо переднюю часть головы. *Забрить лоб* — взять в солдаты.

В 1874 году введена была всеобщая воинская повинность, срок службы сокращен до шести, позже до четырех лет. Слово *рекрут* заменили словом *новобранец*. Но выражение *брить лбы* пережило рекрутчину и продержалось в этом смысле до революции.

А. Ж.

● Но

Читатель Д. А. Савельев из Сызрани спрашивает, верно ли употреблен дательный падеж после предлога *по* (по предъявлению) в ответе, помещенном в «Справочном бюро» газеты «Вечерняя Москва» (13 марта 1969): «Выдача вкладов по таким счетам производится кассой, где хранился вклад (или центральной сберкассой) по предъявлению сберегательной книжки и паспорта».

Нет, неправильно. Предлог *по* употребляется с тремя падежами: дательным, винительным и предложным. Чаще всего встречается дательный, причем с самыми разнообразными значениями.

Однако *по* с дательным падежом не имеет того единственного, которое присуще предлогу *по* с предложным падежом,— значения 'после чего-нибудь'. Вот оно-то и представлено в приведенном ответе: здесь должен быть *по* с предложным падежом, он синонимичен предлогу *после*.

Следовало бы написать: «Выдача вкладов производится по предъявлении сберегательной книжки» или «после предъявления сберегательной книжки».

В. Б.

● Задолжник

С. А. Гайко из Свердловска спрашивает: «Есть ли слово *задолжник*? В доступных мне словарях я его не встретил».

Слово *задолжник* (вариант: *задолженник*) получило довольно широкое распространение в разговорной речи студентов разных городов. Тем не менее оно бытует лишь в качестве жаргонизма и в литературный язык не вошло, поэтому в словарях литературного языка мы его не находим. В художественной литературе *задолжник* употребляется лишь для характеристики речевых особенностей персонажа (в частности для передачи непринужденной речи). Например: «Иногда он жаловался, но не начальству, а, так сказать, в лицо обществу, на собраниях:— Товарищи! Назову фамилии задолжников...» (Тендряков. Свидание с Нефертити).

Д. И. Буторин